

Ernest Hemingway

ЭРНЕСТ ХЕМИНГУЭЙ

ПРОЩАЙ, ОРУЖИЕ!

Прощай, оружие!
Эрнест Миллер Хемингуэй

Аннотация
Эрнест Хемингуэй. Прощай, оружие!
Книга первая
- Глава первая
- Глава вторая
- Глава третья
- Глава четвертая
- Глава пятая
- Глава шестая
- Глава седьмая
- Глава восьмая
- Глава девятая
- Глава десятая
- Глава одиннадцатая
- Глава двенадцатая

Книга вторая
- Глава тринадцатая
- Глава четырнадцатая
- Глава пятнадцатая
- Глава шестнадцатая
- Глава семнадцатая
- Глава восемнадцатая

Глава девятнадцатая
Глава двадцатая
Глава двадцать первая
Глава двадцать вторая
Глава двадцать третья
Глава двадцать четвертая
Книга третья
Глава двадцать пятая
Глава двадцать шестая
Глава двадцать седьмая
Глава двадцать восьмая
Глава двадцать девятая
Глава тридцатая
Глава тридцать первая
Глава тридцать вторая
Книга четвертая
Глава тридцать третья
Глава тридцать четвертая
Глава тридцать пятая
Глава тридцать шестая
Глава тридцать седьмая
Книга пятая
Глава тридцать восьмая
Глава тридцать девятая
Глава сороковая
Глава сорок первая

Аннотация

Роман, прославивший Эрнеста Хемингуэя…

Первая – и лучшая! – книга «потерянного поколения» англоязычной литературы о Первой мировой…

Книга о войне, на которой наивные мальчишки становились «пушечным мясом» – и либо гибли, либо ожесточались до предела.

О войне, где любовь – лишь краткий миг покоя, не имеющий ни прошлого, ни будущего…

Эрнест Хемингуэй
Прощай, оружие!

Ernest Hemingway
A Farewell to Arms

© Hemingway Foreign Rights Trust, 1929
© Перевод. С. Таск, 2015
© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Впервые опубликовано издательством Scribner, a division of Simon & Schuster Inc.

* * *

Книга первая

Глава первая

В тот год, поздним летом, мы жили в деревенском доме, откуда открывался вид на горы, отделенные рекой и равниной. Вдоль русла валялись высушенные, выбеленные солнцем голыши и булыжники, а по протокам быстро неслась прозрачно-голубая вода. По дороге мимо дома шли войска, и поднятая ими пыль оседала на кронах деревьев и на стволах, а листья в тот год опали рано. Мы видели, как шагают по дороге солдаты, поднимая пыль, и как падают листья под порывом ветра, но вот солдаты уходили, и оставалась пустая, выбеленная дорога, если не считать опавшей листвы.

Равнина утопала во фруктовых садах, а за ней коричневели голые горы. В горах шли бои, и по ночам можно было видеть артиллерийские вспышки. В темноте это походило на летнюю зарницу, но ночи стояли прохладные, никаких признаков надвигающейся грозы.

Иногда в темноте мы слышали под окнами мерный топот и гул тягачей, волокущих артиллерийские орудия. По ночам движение возрастало: шли мулы с вьючными седлами, а по бокам у

них болтались коробки с боеприпасами, серые грузовики везли людей, за ними тянулись другие — с ящиками снарядов, накрытых брезентом. Случалось, что и днем тягачи провозили тяжелые орудия со стволами, прикрытыми зелеными ветками и вьющимися растениями. На севере просматривалась долина, за ней каштановая роща и еще одна гора по эту сторону реки. За гору тоже шли бои, но безуспешные; осенью зарядили дожди, листва с каштанов облетела, мокрые стволы почернели. Виноградники тоже поредели и оголились, и сама деревенская округа вымокла, порыжела и увяла вместе с осенью. Над речкой повисли туманы, а над горой облака, из-под колес грузовиков разлеталась жидкая грязь, и солдаты топали по дороге в промокших грязных накидках, оттопыренных на животе из-за двух пристегнутых к ремню кожаных патронташей, набитых под завязку узкими длинными патронами калибра шесть с половиной миллиметра, так что казалось, будто они на шестом месяце.

На огромной скорости, разбрызгивая больше грязи, чем тягачи, проносились серые легковые автомобили; впереди, рядом с водителем, обычно сидел офицер и еще несколько на заднем сиденье. Если сзади между двух генералов обнаруживался

офицерик такого росточка, что можно было разглядеть лишь верх его фуражки да узкую спину, и при этом автомобиль мчался особенно быстро, то это скорее всего был король. Он жил в Удине и почти каждый день проезжал мимо, чтобы посмотреть, как идут дела, а дела шли хуже некуда.

С наступлением зимы зарядили дожди, а с ними пришла холера. Но ее взяли под контроль, так что в результате от нее умерли только семь тысяч военнослужащих.

Глава вторая

Следующий год принес много побед. Мы отбили гору, что за долиной, и холм с каштановой рощей, и были победы в южном направлении, на плато за равниной, а в августе мы форсировали реку и поселились в Гориции, в доме с фонтаном и мощными тенистыми деревьями в саду за каменной стеной и пурпурными побегами глицинии на боковине самого дома. Теперь бои шли в ближних горах, меньше чем в миле от нас. Городок был чудесный и дом прекрасный. Река осталась сзади, город достался нам как на блюдечке, а вот горы взять не удалось, и оставалось только радоваться тому, что австрийцы, судя по всему, намеревались когда-нибудь, если война закончится, вернуться в городок, так как они не старались его разрушить с помощью своей артиллерии, а наносили, с военной точки зрения, минимальный урон. Жизнь продолжалась, с военными госпиталями и кафешками, с тяжелыми орудиями в переулках и двумя борделями, для офицеров и для солдат, кончилось лето, ночи стали прохладнее, в горах шли бои, железнодорожный мост получил отметины от снарядов, тоннель возле реки разрушили

во время сражения, зато стояли нетронутыми деревья по периметру площади и на ведущей к ней длинной аллее; это, вкупе с приехавшими в город девочками и проезжающим неспешно в автомобиле королем, чье лицо с седой бородкой, похожей на клок волос на том же месте у козла, теперь можно было порой разглядеть помимо тщедушного тельца с вытянутой шеей; все это, вместе с неожиданно открывшимися интерьерами домов, потерявших одну стену после прямых попаданий, и груд обломков кирпичей и штукатурки в прилегающем садике, а то и на улице, и удачным наступлением на гору Карсо, делало осень столь непохожей на прошлогоднюю, когда мы жили в деревне. Изменился и ход войны.

От дубовой рощи на горе осталось одно воспоминание. Летом, когда мы вошли в город, она стояла зеленая, а сейчас лишь пни, да обрубки стволов, да вывороченная земля, и как-то в конце осени я оказался на месте бывшей рощи и увидел наплывающее облако. Оно двигалось очень быстро, и солнце потускнело, и все сделалось серым, небо заволокло, облако накрыло гору, и вот уже всюду снег. Его косило ветром, он покрывал голую землю и торчащие пни, снег лежал на орудиях и заметал дорожку, что вела к сортиру

позади траншей.

Позже, уже в городе, я наблюдал за падающим снегом из окна борделя для офицеров, где мы с приятелем распивали бутылку асти, и, глядя на обильный снегопад, понимали, что военная кампания этого года закончилась. Горы так и не взяли — ни в верховьях реки, ни за ней. Эта задача перенеслась на следующий год. Мой приятель увидел, что по улице, старательно обходя грязь, идет полковой священник, с которым мы встречаемся в офицерской столовой, и постучал в окно, чтобы привлечь его внимание. Священник задрал голову, увидел нас и улыбнулся. Мой приятель сделал ему знак — мол, заходите. Священник покачал головой и пошел дальше. Вечером в столовой народ быстро, со знанием дела наворачивал спагетти: кто-то сначала поднимал их на вилке и, лишь оторвав от тарелки, отправлял по назначению, другие одним движением всасывали в рот, запивая вином из четырехлитровой плетеной фляги. Фляга раскачивалась в железной люльке, ты наклонял ее указательным пальцем, и отличное прозрачное вино красного дубильного цвета выливалось в стакан, который надо было держать в той же руке. А после спагетти капитан начал подтрунивать над священником.

Молодой священник, красневший, как девица, был в такой же, как у всех, военной форме, только над левым нагрудным карманом серого френча болтался темно-красный бархатный крестик. Капитан в расчете на меня, чтобы я все понял и ни одна шутка не пропала даром, перешел на ломаный итальянский.

— Сегодня святой отец с девочки, — сказал капитан, переводя взгляд со священника на меня. Священник покраснел и с улыбкой покачал головой. Ему часто доставалось от капитана.

— Не так? — удивился капитан. — Сегодня я видеть святой отец с девочки.

— Нет, — ответил священник. Офицеры тащились от этих наездов.

— Святой отец без девочка, — продолжал капитан. — Совсем без девочка, — пояснил он для меня. Потом взял мой стакан и стал подливать, при этом не сводя с меня глаз, но и не выпуская из виду священника.

— Святой отец каждую ночь пять девочки. — За столом все засмеялись. — Вы поняли? — Святой отец каждую ночь пять девочки. — Он показал пятерню и расхохотался. Священник отнесся к этому как к шутке.

— Папа римский хочет, чтобы австрийцы вы-

играли войну, — сказал майор. — Ему нравится Франц-Иосиф. Вот от кого идут денежки. Я — атеист.

— Вы «Черную свинью» читали? — спросил лейтенант. — Я вам достану. Эта книга пошатнула мою веру.

— Грязная и подлая, — ответил священник. — Она не могла вам понравиться.

— Очень ценная книга, — возразил лейтенант. — Она рассказывает о церковниках. Вам понравится, — обратился он ко мне.

Мы со священником обменялись улыбками, нас разделяла горящая свеча.

— Не читайте, — сказал он.

— Я вам ее достану, — настаивал лейтенант.

— Все мыслящие люди атеисты, — заметил майор. — В масонов я тоже не верю.

— Я верю в масонов, — заявил лейтенант. — Достойная организация.

Кто-то вошел в столовую, и через открытую дверь я увидел, что валит снег.

— Из-за снегопадов о наступлении придется забыть, — сказал я.

— Само собой, — отозвался майор. — Берите отпуск. Посмотрите Рим, Неаполь, Сицилию…

— Пусть съездит в Амальфи, — предложил лей-

тенант. — Там живет моя семья. Я вам напишу рекомендательное письмо. Они вас примут как сына.

— Пусть едет в Палермо.

— На Капри.

— Почему бы вам не заглянуть в Абруцци и к моей семье в Капракотте, — сказал священник.

— Абруцци, скажете тоже. Да там снега больше, чем здесь. Что он, крестьян не видел? Пусть посмотрит центры культуры и цивилизации.

— Ему нужны хорошие девочки. Я вам дам адреса в Неаполе. Юные красотки… а при них мамочки. Ха-ха-ха!

Капитан выставил пятерню большим пальцем вверх, как это делают, демонстрируя игру теней на стене. Он снова заговорил на ломаном итальянском.

— Уезжать таким, — он показал на большой палец, — а назад таким, — он потрогал свой мизинец.

Все засмеялись.

— Смотрите, — продолжил капитан. Он снова растопырил пятерню. И снова горящая свеча показала ее тень на стене. Он стал называть пальцы, начиная с большого: — Soto tenente, tenente,

capitano, maggiore, tenente colonello[1]. Вы уезжать soto tenente! А возвращаться tenente colonello!

Общий хохот. Игра на пальцах имела большой успех. Капитан крикнул, глядя на священника:

— Святой отец каждую ночь пять девочки!

Все снова засмеялись.

— Поезжайте прямо сейчас, — сказал майор.

— Я бы поехал с вами и все вам показал, — подхватил лейтенант.

— Привезите фонограф.

— Привезите хороших оперных пластинок.

— Карузо.

— Не надо Карузо. Он вопит.

— Тебе бы так.

— А я говорю вопит!

— Почему бы вам не заглянуть в Абруцци, — повторил священник сквозь разноголосицу. — Там хорошая охота. Люди вам понравятся. Там холодно, зато ясно и сухо. Вас примут в моем доме. Мой отец — заядлый охотник.

— Пошли, — сказал капитан. — Идти в бордель, пока не закрылся.

— Спокойной ночи, — пожелал я священнику.

— Спокойной ночи, — ответил он.

---

[1] Примечания: 1

Младший лейтенант, лейтенант, капитан, майор, подполковник *(итал.).*

Глава третья

Когда я вернулся из отпуска, мы по-прежнему стояли в этом городке. Окрестности заполонили тяжелые орудия. Была весна, зеленели поля, на виноградной лозе появились новые побеги, а на придорожных деревьях листочки, и с моря веял легкий бриз. Я увидел городок и старый замок на холме, и вдали горы, буроватые горы с зелеными проплешинами на склонах. В городке появилось больше орудий и новые госпитали, на улицах встречались англичане, в том числе женщины, еще какие-то дома пострадали от артобстрела. Было по-весеннему тепло, и, пройдя по аллее, обсаженной деревьями, вобравшими тепло нагретых солнцем кирпичных стен, я обнаружил, что мы живем в том же доме и что он нисколько не изменился за время моего отсутствия. Дверь была нараспашку, на скамейке сидел солдат, греясь на солнце, у бокового входа стояла «санитарка», и, когда я вошел, повеяло запахами мраморной плитки и больницы. Все как всегда, только на дворе весна. Я заглянул в большую комнату, залитую солнцем сквозь открытое окно. За столом сидел майор, он меня не видел, и я за-

мешкался: то ли войти и доложить, то ли сначала подняться наверх и привести себя в порядок. Я решил подняться наверх.

Комната, которую я делил с лейтенантом Ринальди, была с видом во двор. Окно нараспашку, моя кровать застлана одеялом, на стене висят мои вещи и на одном крючке противогаз в продолговатой жестяной коробке и стальная каска. В изножье кровати, на плоском сундучке, мои зимние кожаные ботинки, блестящие от жира. На стене моя австрийская снайперская винтовка с восьмигранным стволом из вороненой стали и удобным прикладом из красивого темного грецкого ореха. Оптический прицел к ней, помнится, заперт в сундучке. Лейтенант Ринальди спал на своей кровати. Услышав шаги, он проснулся и сел на постели.

— Ciao! — сказал он. — Как провел время?

— Лучше не бывает.

Мы обменялись рукопожатием, он за шею привлек меня к себе и поцеловал.

— Уф, — вздохнул я.

— Ты грязный, — сказал он. — Тебе надо помыться. Где был, что делал? Ну-ка, выкладывай.

— Где я только не был. Милан, Флоренция, Рим, Неаполь, Вилла Сан-Джованни, Мессина,

Таормина…

— Звучит как расписание поездов. А красивые приключения?

— Да.

— Где?

— Милан, Флоренция, Рим, Неаполь…

— Довольно. Расскажи о самом лучшем.

— В Милане.

— Это потому что ты с него начал. Где ты с ней познакомился? В замке Кова? Куда вы пошли? Как это было? Рассказывай как на духу. Ты с ней провел ночь?

— Да.

— Забудь. У нас теперь такие красотки. Первый раз на фронте.

— Здорово.

— Не веришь? Вечером пойдем и сам увидишь. А еще в городе появились шикарные англичанки. Я влюблен в мисс Баркли. Я вас познакомлю. Я, наверно, женюсь на мисс Баркли.

— Мне надо умыться и доложить о прибытии. Кто-нибудь вообще работает?

— У нас тут сплошной лазарет: обморожения, желтуха, триппер, членовредительство, пневмония и шанкры, твердые и мягкие. Иногда на кого-нибудь падает кусок скалы. Но бывают

ранения и посерьезнее. На следующей неделе военные действия возобновляются. Наверное. Так говорят. Как считаешь, мне следует жениться на мисс Баркли — само собой, после войны?

— Непременно, — ответил я, набирая полный таз воды.

— Вечером ты мне все расскажешь, — сказал Ринальди. — А сейчас я должен поспать, чтобы встретить мисс Баркли свежим и красивым.

Я снял китель и нижнюю рубашку и вымылся холодной водой из таза. Растираясь полотенцем, я осматривался вокруг, поглядывал в окно и на Ринальди, лежавшего на кровати с закрытыми глазами. Он был хорош собой, мой сверстник, родом из Амальфи. Он любил свою профессию хирурга, и мы были хорошими друзьями. Пока я на него смотрел, он открыл глаза.

— У тебя деньги есть?

— Да.

— Одолжи мне пятьдесят лир.

Я обтер руки и достал бумажник из внутреннего кармана висевшего на стене кителя. Ринальди, не приподнимаясь, взял банкноту, сложил ее, сунул в карман бриджей и улыбнулся:

— Я должен произвести на мисс Баркли впечатление человека с достатком. Ты настоящий друг

и мой финансовый покровитель.

— Да пошел ты, — сказал я.

Вечером в офицерской столовой я оказался рядом со священником, и он расстроился и даже обиделся, что я так и не побывал в Абруцци. Он написал отцу, что я приеду, и они готовились к встрече. Я расстроился не меньше его и сам не мог понять, почему туда не съездил. Я ведь хотел поехать и теперь пытался объяснить, как закрутился, и в конце концов он понял, что я действительно хотел поехать, и все более или менее устаканилось. Я пил много вина, а потом кофе с травяным ликером и, подвыпив, объяснял, как у нас не получается делать по задуманному, никогда не получается.

Мы вдвоем разговаривали, пока вокруг шли споры. Я хотел поехать в Абруцци. Но так и не побывал в местах, где промерзшие дороги сродни прокатной стали, где по-настоящему морозно и сухо, и снег сухой и рассыпчатый, а на снегу заячьи следы, и крестьяне снимают шапки и обращаются к тебе «дон», и охота что надо. Я так и не побывал в тех местах, а поехал туда, где допоздна сидишь в прокуренных кафе, а потом комната плывет у тебя перед глазами и, чтобы ее остановить, надо сфокусировать взгляд на стене,

и ночью, пьяный, лежишь в постели, понимая, что все закончилось, а утром просыпаешься в радостном недоумении, не соображая, кто лежит рядом, и мир кажется в темноте каким-то нереальным, и это так возбуждает, что хочется в ночи начать все с начала, ничего не знающим и беспечным, понимающим, что все, все, хватит, и тебе уже безразлично. Вчера ты был чем-то сильно озабочен, но вот проснулся поутру, и все это осталось там, а сейчас все так отчетливо, жестко и ясно, а тут еще поцапаешься по поводу цены вопроса. Иной раз все как-то ничего, по-прежнему тепло и полюбовно, впереди завтрак, потом ленч. А в другой раз ни одного теплого слова, и ты рад, что наконец вырвался на улицу, но впереди такой же день и такая же ночь. Я пытался рассказать про ночи и про разницу между ночью и днем, что ночью лучше, разве что день очень ясный и холодный, но этого не объяснишь, как я не могу объяснить это сейчас. Просто ты это знаешь, если сам пережил. Он такого не пережил и все-таки понял, что я действительно хотел поехать в Абруцци, но не доехал, и мы остались друзьями, в чем-то схожими, а в чем-то нет. Он всегда знал что-то такое, чего не знал я, а узнав, легко забывал. Но тогда я этого еще не понимал,

до меня это дошло позже. А пока мы все сидели в столовой, трапеза давно закончилась, но споры продолжались. Наш разговор оборвался, и капитан заявил во всеуслышание:

— Святой отец скучать. Он страдать без девочка.

— Я не страдаю, — отозвался священник.

— Святой отец страдает. Он хочет, чтобы войну выиграли австрийцы, — настаивал капитан. Все обратились в слух. Священник покачал головой.

— Нет, — сказал он.

— Святой отец не хочет, чтобы мы шли в атаку. Вы же не хотите, чтобы мы шли в атаку?

— Почему? Раз идет война, наверное, мы должны атаковать.

— Должны и будем!

Священник согласно кивнул.

— Оставьте его в покое, — вмешался майор. — Все нормально.

— Все равно от него ничего не зависит, — сказал капитан. Все встали и вышли из-за стола.

Глава четвертая

Утром меня разбудила батарея в палисаднике по соседству. Уже светило солнце, я встал с кровати и подошел к окну. Гравий на дорожках был влажный и трава мокрая от росы. Батарея дала два залпа, и каждый раз от движения воздуха дрожало оконное стекло, и развевались полы моей пижамы. Орудий я не видел, но стреляли они как раз поверх наших голов. Иметь их под боком удовольствие ниже среднего, но хотя бы не самые большие, и на том спасибо. Пока я высматривал что-то в палисаднике, со стороны дороги затарахтел грузовик. Я оделся, спустился вниз, выпил кофе на кухне и пошел в гараж.

Под длинным навесом выстроились в ряд десять машин. Тяжелые тупоносые санитарные машины, выкрашенные в серый цвет и похожие на мебельные фургоны. Одну во дворе ремонтировали механики. Еще три «санитарки» дежурили в горах возле перевязочных пунктов.

— Эту батарею не обстреливают? — спросил я одного из механиков.

— Нет, синьор лейтенант. Она защищена холмом.

— Как дела вообще?

— Ничего. Эта машина убитая, а остальные на ходу. — Он прервал работу и улыбнулся. — Вы из отпуска?

— Да.

Он с ухмылочкой обтер руки о свитер.

— Хорошо отдохнули?

Остальные тоже заулыбались.

— Неплохо, — сказал я. — А что с ней?

— Убитая. То одно, то другое.

— А сейчас что?

— Старые кольца.

Я оставил их возиться с автомобилем, казавшимся обесчещенным и выпотрошенным, с мотором наружу и разложенными на верстаке запчастями, а сам вошел под навес, чтобы разглядеть машины поближе. Они были относительно чистые: какие-то недавно помыли, другие покрыты пылью. Я проверил, нет ли на покрышках порезов или вмятин от дорожных камней. Вроде в хорошем состоянии. Очевидно, ничего не меняется от того, устраиваю я проверки или нет. Мне представлялось, что состояние автопарка, вне зависимости от доступности запчастей, и налаженная эвакуация больных и раненых в горах из перевязочных в эвакопункт и их дальнейшее

распределение по госпиталям, указанным в медицинских картах, во многом зависит от меня. А на деле никакой разницы, что я есть, что меня нет.

— Проблемы с запчастями? — спросил я у механика-сержанта.

— Никаких, синьор лейтенант.

— Где сейчас склад горючего?

— Там же.

— Отлично. — Я вернулся в дом и выпил в столовой еще одну кружку кофе. Кофе был бледно-серого цвета, сладкий от сгущенки. За окном чудесное весеннее утро. В носу появилась сухость, предвещавшая жару. В тот день я объезжал посты в горах и в город вернулся под вечер.

Без меня, кажется, дела шли лучше. Наступление, по слухам, должно было возобновиться. Нашей дивизии предстояло форсировать реку, и во время атаки я должен был по указанию майора проверять посты. Форсирование реки планировалось в узкой горловине с последующим восхождением на гору. Посты следовало устроить максимально близко к реке и замаскировать. В конечном счете подходящие места выберет пехота, ну а мы как бы отвечали за логистику. Тот самый случай, когда у тебя появляется ложное чувство, что ты кем-то руководишь.

Пыльный и грязный, я пошел умыться. Ринальди сидел на своей кровати с английской грамматикой Хьюго. Он был одет с иголочки, в черных ботинках, волосы блестели от бриллиантина.

— Отлично, — сказал он, увидев меня. — Ты пойдешь со мной к мисс Баркли.

— Нет.

— Да. Будь так добр, помоги мне произвести на нее хорошее впечатление.

— Ладно. Подожди, пока я приведу себя в порядок.

— Умойся и иди так.

Я умылся, причесался, и мы пошли к выходу.

— Постой, — сказал Ринальди. — Почему бы нам не выпить. — Он открыл сундучок и достал оттуда бутылку.

— Только не травяной ликер, — сказал я.

— Нет. Граппа.

— Ладно.

Он наполнил два стакана, и мы чокнулись, отставив мизинцы. Граппа была очень крепкая.

— Еще?

— Давай, — кивнул я.

Мы выпили по второму, Ринальди убрал бутылку в сундучок, и мы спустились вниз. После

жаркого дня с заходом солнца приятно было прогуляться по городу. Британский госпиталь размещался в большой вилле, построенной немцами перед войной. Мисс Баркли была в саду, а с ней еще одна медсестра. Разглядев между деревьев белые форменные платья, мы направились прямиком туда. Ринальди отсалютовал. Я тоже, но не так лихо.

— Добрый вечер, — поздоровалась мисс Баркли. — Вы ведь не итальянец?

— О нет.

Ринальди разговаривал с другой сестрой, и они над чем-то смеялись.

— Как странно — служить в итальянской армии.

— Это не совсем армия. Медслужба.

— Все равно странно. Что вас побудило?

— Не знаю, — ответил я. — Не все имеет разумные объяснения.

— Вот как? А меня в детстве учили, что все.

— Как это мило.

— Мы и дальше будем разговаривать в таком духе?

— Нет, — сказал я.

— Ну, слава Богу.

— Что это за палка? — поинтересовался я у мисс

Баркли.

Высокая загорелая блондинка с серыми глазами, в форменной одежде медсестры. Настоящая красавица. Она держала в руке обтянутую кожей тонкую ротанговую палку, вроде стека для верховой езды.

— Она принадлежала мальчику, которого убили в прошлом году.

— Мне очень жаль.

— Чудный мальчик. Мы должны были пожениться, а его убили на Сомме.

— Та еще бойня.

— Вы там были?

— Нет.

— Я об этом наслышана, — сказала она. — Здесь такой войной не пахнет. Эту палку мне прислали. Его мать переслала. А ей вернули вместе с его вещами.

— И давно вы были обручены?

— Восемь лет. Мы вместе выросли.

— А почему не вышли за него раньше?

— Сама не знаю, — ответила она. — По глупости. Хотя бы это могла ему дать. Но я считала, что ему это не нужно.

— Ясно.

— Вы кого-нибудь любили?

— Нет.

Мы уселись на скамейку, и я остановил на ней взгляд.

— У вас красивые волосы, — сказал я.

— Они вам нравятся?

— Очень.

— Я хотела их обрезать, когда он умер.

— Да ну?

— Хотелось что-то для него сделать. Видите ли, другое меня не волновало, и при желании он мог это заполучить. Он мог заполучить все, что только пожелал бы, если бы я знала. Я бы вышла за него замуж, да все что угодно. Сейчас-то я все понимаю. Но тогда он захотел пойти на войну, а я ничего не понимала.

Я молчал.

— Я ничегошеньки не понимала. Думала, для него будет только хуже. Думала, что он может не выдержать, а потом, как известно, его убили, и на этом все кончилось.

— Ну, не знаю.

— О да, — сказала она. — Все кончено.

Мы оба поглядели на Ринальди, беседовавшего с другой сестрой.

— Как ее зовут?

— Фергюсон. Хелен Фергюсон. Ваш друг врач,

не так ли?

— Да. Он очень хороший врач.

— Прекрасно. Хороший врач в прифронтовой полосе — большая редкость. Мы ведь находимся в прифронтовой полосе?

— Да уж.

— Тоже мне фронт, — сказала она. — А вот места красивые. Предстоит наступление?

— Да.

— Придется поработать. Сейчас-то мы без работы.

— Давно вы стали сестрой милосердия?

— С конца пятнадцатого. Одновременно с ним. Помню, у меня была дурацкая идея, что он попадет ко мне в госпиталь. С сабельным ранением и забинтованной головой. Или с простреленным плечом. Что-то живописное.

— У нас живописный фронт, — заметил я.

— Да, — согласилась она. — А вот Франция — это ни у кого не укладывается в голове. Если бы укладывалось, так не могло бы продолжаться. Какое там сабельное ранение. Его разорвало на мелкие кусочки.

Я помалкивал.

— По-вашему, это будет продолжаться бесконечно?

— Нет.

— Что может это остановить?

— Где-то сломается.

— Мы сломаемся. Во Франции мы сломаемся. Нельзя проделывать такие вещи, как на Сомме, и не сломаться.

— Здесь не сломаются.

— Думаете?

— Да. Прошлым летом все получалось.

— Могут и сломаться, — сказала она. — Кто угодно может сломаться.

— Немцы тоже.

— Нет, — возразила она. — Я так не думаю.

Мы подошли к другой паре.

— Вы любите Италию? — спросил Ринальди мисс Фергюсон по-английски.

— Недурственно.

— Не понимать. — Ринальди тряхнул головой.

— Abbastanza bene, — перевел я.

Он неодобрительно покачал головой.

— Не так. Вы любите Англию?

— Не очень. Видите ли, я шотландка.

Ринальди вопросительно уставился на меня.

— Она шотландка, поэтому она любит Шотландию больше, чем Англию, — сказал я по-итальянски.

— Но Шотландия это же Англия.

Я перевел для мисс Фергюсон.

— Pas encore[2], — возразила она.

— Не совсем?

— Совсем нет. Мы не любим англичан.

— Не любить англичан? Не любить мисс Барклли?

— О, это другое дело. Не воспринимайте все так буквально.

Вскоре мы попрощались и ушли. По дороге домой Ринальди сказал:

— Ты нравишься мисс Баркли больше, чем я. Это очевидно. А шотландочка очень даже ничего.

— Даже очень, — согласился я, хотя толком ее не разглядел. — Она тебе нравится?

— Нет, — ответил Ринальди.

---

[2] Примечания: 2

Еще нет *(фр.)*.

Глава пятая

На следующий день я снова наведался к мисс Баркли. В саду ее не было, и я направился к боковому входу, куда подъезжали санитарные машины. Внутри я нашел старшую сестру, которая сообщила, что мисс Баркли на дежурстве.

— Идет война, знаете ли.

Я сказал, что в курсе.

— Вы и есть тот американец, который служит в итальянской армии? — спросила она.

— Да, мэм.

— Как вас угораздило? Почему вы не в нашей части?

— Сам не знаю, — признался я. — А сейчас я могу записаться?

— Боюсь, что нет. Скажите, почему вы пошли в итальянскую армию?

— Я жил в Италии и говорю по-итальянски.

— Вот как, — сказала она. — Я учу итальянский. Красивый язык.

— Кто-то сказал, что его можно выучить за две недели.

— О, только не я. Я его учу уже столько месяцев. Если хотите ее увидеть, приходите после семи. К

тому времени она освободится. Только не приводите с собой кучу итальянцев.

— Даже при том, что у них красивый язык?

— Даже при том, что у них красивая форма.

— До свидания, — попрощался я.

— A rivederci, tenente[3].

— A rivederci. — Я отсалютовал и вышел. Стыдоба — салютовать иностранцам, изображая из себя местного. Итальянский салют явно не предназначался на экспорт.

День выдался жаркий. Я побывал на позициях перед мостом возле Плавы в верховье реки. Именно оттуда должно было начаться наступление. Осуществить его в прошлом году не представлялось возможным, так как от укреплений до понтонного моста вела только одна дорога, которая почти на милю простреливалась из пулеметов и пушек. К тому же она была недостаточно широкой, чтобы пропустить весь транспорт, необходимый для наступления, и австрийцы устроили бы настоящую бойню. Но итальянцы перешли через понтонный мост и, рассредоточившись вдоль реки примерно на полторы мили, укрепились на австрийской стороне. Место было

---

[3] Примечания: 3

Прощайте, лейтенант *(итал.)*.

крутое, так что зря противник позволил им окопаться. Пожалуй, то была уступка с обеих сторон, поскольку австрийцы по-прежнему удерживали плацдарм ниже по течению. Их траншеи на склоне холма отделяли от итальянских считаные метры. На этом месте раньше был городок, превратившийся в руины. Мало что осталось и от железнодорожной станции, и от разбитого каменного моста, который невозможно было отремонтировать и использовать, так как он был весь на виду.

Я проехал до реки по узкой дороге, оставил машину возле перевязочного пункта у подножия холма, пересек понтонный мост, защищенный от неприятеля выступом горы, и пошел по траншеям на месте разрушенного городка у подножия склона. Все сидели в окопах. Фугасные огнеметы стояли в ряд, готовые в любой момент попросить артиллерийскую подмогу или дать сигнал, что перерезан телефонный провод. Здесь было тихо, жарко и грязно. Я посмотрел сквозь колючку — австрийцев не видать. Я выпил в блиндаже со знакомым капитаном и тем же путем пошел обратно.

Заканчивалось строительство новой широкой дороги, петлявшей в лесу на горе и зигзагами

выходившей к мосту, после чего должно было начаться наступление. Идея заключалась в том, чтобы все подвозить по новой дороге, а порожные грузовики, прицепы и загруженные санитарные машины пускать по старой узкоколейке. Перевязочный пункт находился на австрийском берегу, у подножия холма, и санитары таскали носилки с ранеными через понтонный мост. Так же будет и во время наступления. Насколько я мог понять, последний, что-то около мили, участок новой дороги, где она сглаживалась, станет объектом регулярных артобстрелов со стороны австрийцев. Перспектива пугающая. Но я нашел укромное место для «санитарок», где, миновав опасный участок, они смогут спокойно дожидаться, пока доставят раненых через понтонный мост. Я бы проехал по новой дороге, но она еще не была закончена. На вид широкая и добротно сделанная, под правильным углом, и ее изгибы, проглядывавшие сквозь лесные прогалины на горном склоне, впечатляли. Автомобилям с хорошими тормозами, тем более прибывающим порожняком, ничто не угрожало. Обратно я поехал по узкоколейке.

Меня тормознули два карабинера. Впереди разорвался снаряд, и, пока все ждали, на дорогу

упали еще три. Снаряды семьдесят седьмого калибра со свистом пролетали над головой, после яркой вспышки содрогалась земля, и дорогу заволакивал серый дым. Наконец карабинеры дали отмашку, что можно ехать. Объезжая воронки, я вдыхал запахи взрывчатки, обожженной глины и камня и разбросанной кремниевой гальки. Я вернулся в Горицию на нашу виллу, а впереди, как я уже говорил, был визит к отдежурившей мисс Баркли.

Я быстро поужинал и отправился на виллу, где помещался британский госпиталь. Вилла была огромная и красивая, обсаженная прекрасными деревьями. Мисс Баркли сидела в саду на скамейке вместе с мисс Фергюсон. Кажется, они были рады меня видеть. Вскоре мисс Фергюсон извинилась и встала.

— Оставлю вас вдвоем, — сказала она. — Вам и без меня хорошо.

— Хелен, не уходи, — попросила мисс Баркли.

— Мне надо идти. Я должна написать несколько писем.

— Доброй ночи, — сказал я.

— Доброй ночи, мистер Генри.

— Не пишите такого, что могло бы насторожить цензора.

— Можете не беспокоиться. Я только описываю, в каком красивом месте мы живем и как отважны итальянцы.

— Тогда вас представят к награде.

— Это было бы чудесно. Доброй ночи, Кэтрин.

— До скорого, — сказала мисс Баркли.

Мисс Фергюсон скрылась в темноте.

— Она милая, — сказал я.

— Да, очень милая. Она же сестра милосердия.

— А вы?

— Я — нет. Я из ЖДК[4]. Мы трудимся, не жалея сил, но нам не доверяют.

— Почему?

— Нам не доверяют, пока ничего не происходит. Когда доходит до дела, отношение меняется.

— А в чем разница?

— Медсестра почти врач. Она к этому долго шла. ЖДК — это короткий путь.

— Ясно.

— Итальянцы не подпускают женщин к линии фронта, поэтому у нас особый режим. Мы не выходим.

— По крайней мере я могу приходить сюда.

— Это да. Мы не монахини.

---

[4] Примечания: 4

ЖДК — женский добровольческий корпус, обслуживающий действующую армию.

— Забудем про войну.

— Легко сказать. Как ее забудешь?

— Все равно, давайте забудем.

— Договорились.

Мы смотрели друг на друга в темноте. Она была такая красивая, и я взял ее за руку. Она не возражала, и тогда другой рукой я приобнял ее за талию.

— Не надо, — сказала она. Я не убрал руку.

— Почему?

— Не надо, и все.

— Надо, — сказал я. — Пожалуйста.

Я наклонился в темноте, чтобы ее поцеловать, и тут меня словно обожгло. Она влепила мне увесистую пощечину. По носу и по глазам, от чего у меня навернулись слезы.

— Ох, простите.

Кажется, я получил небольшое преимущество.

— Все правильно.

— Мне ужасно неприятно, — сказала она. — Я взвилась от мысли, что это из серии «у медсестры свободный вечер». Я не хотела вас больно ударить. Вам больно? — Она глядела на меня в темноте. Я был зол, но при этом уверен в себе — будущее просчитывалось, как шахматные ходы.

— Вы поступили правильно, — ответил я. —

Никаких обид.

— Бедняжка.

— Я веду довольно нелепый образ жизни, практически не говорю на английском, а тут вы, такая красивая. — Я не сводил с нее глаз.

— Не говорите глупости. Я перед вами извинилась. По-моему, мы поладим.

— Да, — сказал я. — И мы убежали от войны.

Она засмеялась. Я первый раз услышал, как она смеется. Ее лицо было прямо передо мной.

— Вы милый, — сказала она.

— Вот уж нет.

— Да. Вы прелесть. Я вас поцелую, если не возражаете.

Я заглянул в ее глаза, приобнял, как прежде, и поцеловал. Я привлек девушку к себе и впился в ее губы, пытаясь их разжать, но безуспешно. Я был все еще зол, и вдруг она задрожала в моих объятьях. Я так прижал ее к себе, что чувствовал биение ее сердца, и тут она разжала губы, прижалась затылком к моей руке и заплакала у меня на плече.

— Ах, дорогой, — сказала она. — Ты ведь будешь паинькой, правда?

Черт знает что, подумал я, гладя ее по волосам и похлопывая по плечу. Она продолжала плакать.

— Будешь, да? — Она подняла глаза. — Нас ждут необычные времена.

Через какое-то время я проводил ее до дверей, и она ушла, а я отправился домой. Я поднялся наверх. Ринальди лежал на своей кровати. Он посмотрел на меня.

— Понемногу охмуряешь мисс Баркли?

— Мы друзья.

— У тебя вид кобелька в период гона.

Я не понял, о чем он.

— В период чего?

Он объяснил.

— Это у тебя, — огрызнулся я, — вид кобелька, готового…

— Хорош, — перебил он меня. — Этак мы можем разругаться. — И сопроводил свои слова смехом.

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, щенок.

Я подушкой смахнул на пол его свечу и в темноте залез в постель. Ринальди свечу поднял, снова зажег и возобновил чтение.

Глава шестая

Два дня я объезжал посты. Когда вернулся, время было уже позднее, и с мисс Баркли я увиделся лишь на следующий вечер. В саду я ее не застал, и пришлось дожидаться в офисе, пока она спустится. В комнате, используемой под офис, на крашеных деревянных колоннах вдоль стен стояли мраморные бюсты. Бюсты украшали и прихожую. Мрамор делал их все на одно лицо. Скульптура всегда казалась мне скучным делом. Бронза еще туда-сюда, но мрамор напоминает мне о кладбище. Хотя одно кладбище мне понравилось — в Пизе. Ну, а если вы желаете увидеть удручающие мраморные бюсты, идите на генуэзское кладбище. Эта вилла когда-то принадлежала очень богатому немцу, и такая коллекция бюстов должна была ему обойтись в изрядную сумму. Интересно, кто их изготовил и сколько за них выручили. Я пытался понять, это члены семьи или кто-то еще, но на них на всех лежала печать классицизма, и невозможно было сказать ничего определенного.

Я сел на стул, держа пилотку в руках. Вообще-то мы даже в Гориции должны были носить

стальную каску, но она была слишком неудобной и выглядела чертовски театрально в городе, из которого не эвакуировалось гражданское население. Каску я надевал, когда объезжал посты, и еще брал с собой английский противогаз. Мы как раз начали их получать. Это были настоящие респираторы. Нас также обязали носить пистолет, даже врачей и офицеров санитарных частей. Я ощущал его прижатым к спинке стула. Если ты не носил его на видном месте, тебе грозил арест. Ринальди набил кобуру туалетной бумагой. Я носил оружие и чувствовал себя настоящим солдатом, пока не поупражнялся в стрельбе. Это была «Астра» калибра 7,65 с коротким стволом и такой отдачей, что попасть в цель было нереально. Я пробовал подводить прицел под мишень и хоть как-то контролировать скачущий дурацкий ствол, но все, чего я добился, это попадать в метре от мишени, стреляя с двадцати шагов, и тогда, поняв всю бессмысленность ношения оружия, я про него забыл, оно просто болталось у меня на пояснице, и я не испытывал ничего, кроме смутного стыда, при встрече с теми, кто говорил на моем родном языке. Я сидел на стуле под неодобрительными взглядами какого-то дежурного за столом и рассматривал то мраморный пол, то

колонны с мраморными бюстами, то фрески на стенах в ожидании мисс Баркли. Фрески были неплохие. Любая фреска хороша, когда она начинает отслаиваться и осыпаться.

Я увидел идущую по коридору Кэтрин Баркли и поднялся. Она не показалась мне высокой, зато ужасно миловидной.

— Добрый вечер, мистер Генри, — сказала она.

— Как поживаете? — спросил я.

Дежурный за столом обратился в слух.

— Сядем здесь или выйдем в сад?

— Давайте выйдем. Там прохладнее.

Я последовал за ней в сад под пристальным взглядом дежурного. Когда мы оказались на гравийной дорожке, она спросила:

— Где ты пропадал?

— Объезжал посты.

— Ты не мог меня известить?

— Нет, — сказал я. — В этом не было смысла. Я полагал, что сразу вернусь.

— Милый, все-таки надо было меня известить.

Мы свернули под деревья. Я взял ее за руки, остановил и поцеловал.

— Мы можем куда-нибудь уйти?

— Нет, — ответила она. — Нам остается только прогуливаться. Тебя так долго не было.

— Всего третий день. Я же вернулся.

Она посмотрела на меня.

— Ты любишь меня, правда?

— Да.

— Ты ведь говорил, что меня любишь?

— Да, — солгал я. — Я люблю тебя. — На самом деле я ей этого не говорил.

— Я для тебя Кэтрин?

— Кэтрин.

Мы немного прошли и остановились под деревом.

— Скажи: «Я вернулся вечером к Кэтрин».

— Я вернулся вечером к Кэтрин.

— Ах, милый, ты правда вернулся?

— Да.

— Я тебя очень люблю, и мне было так тяжело. Ты не уедешь?

— Нет. Я всегда буду возвращаться.

— Я тебя очень люблю. Пожалуйста, снова положи туда руку.

— Я ее не убирал.

Я запрокинул ей голову, чтобы видеть лицо, когда буду ее целовать. Глаза закрыты. Я поцеловал ее в закрытые глаза и подумал, что она, пожалуй, немного того. Пусть даже так. Мне было все равно, во что я влезаю. Все лучше, чем ходить каждый

вечер в бордель, где девочки в перерывах между уходами наверх с другими офицерами забираются к тебе на колени и разворачивают головной убор задом наперед в знак особого расположения. Я знал, что не люблю Кэтрин Баркли, и в мыслях такого нет. Это была игра, вроде бриджа, только здесь вместо карт выкладываешь слова. Как в бридже, нужно изображать, что играешь на деньги, и делать ставки. Правда, никто не объяснил, какие здесь ставки. Но мне было все равно.

— Хорошо бы куда-нибудь пойти, — предложил я, испытывая затруднение сродни тому, когда надо стоя долго заниматься любовью.

— Некуда идти, — отозвалась она, вернувшись из какого-то другого мира.

— Можем ненадолго присесть.

Мы сели на каменную скамью. Я держал Кэтрин Баркли за руку, обнять себя она не позволяла.

— Сильно устал?

— Нет.

Она опустила взгляд на траву.

— Некрасивая у нас игра, не правда ли?

— Игра?

— Дурачка из себя изображаешь?

— И не пытаюсь.

— Ты славный парень, — сказала она. — И игра-

ешь настолько хорошо, насколько это возможно. Но игра некрасивая.

— Ты всегда читаешь чужие мысли?

— Не всегда. Но твои — да. Зачем притворяться, что ты меня любишь? На сегодня хватит. Может, еще о чем-то хочешь поговорить?

— Но я правда тебя люблю.

— Давай не будем лгать без необходимости. Пожалуйста. Мне показали маленький спектакль, и я его досмотрела. Как видишь, не разозлилась, не вышла из себя. Так, разве что чуть-чуть.

Я сжал ее руку.

— Кэтрин, дорогая…

— Прозвучало забавно — «Кэтрин». Каждый раз у тебя это звучит по-разному. Но ты такой милый. Ты хороший.

— Вот и наш священник так говорит.

— Да, ты хороший. И ты же будешь приходить ко мне?

— Конечно.

— И можешь не говорить, что меня любишь. Оставим это на время. — Она встала и протянула руку: — Спокойной ночи.

Я хотел ее поцеловать.

— Нет, — сказала она. — Я страшно устала.

— И все же поцелуй меня, — попросил я.

— Я очень устала, милый.

— Поцелуй меня.

— Тебе так хочется?

— Да.

Мы стали целоваться, но она вдруг вырвалась.

— Нет. Спокойной ночи, милый.

Мы прошли до дверей, и я проследил за тем, как она ушла по коридору. Мне нравилось смотреть за ее движениями. Она ушла, и я отправился домой. Вечер был душный. В горах разворачивались серьезные дела. На Сан-Габриеле темноту прорезали яркие вспышки.

Перед виллой «Росса» я остановился. За закрытыми ставнями еще кипела жизнь. Кто-то распевал. Я пошел дальше. Ринальди вошел в комнату, когда я раздевался ко сну.

— Ага! — сказал он. — Дела не ахти. Малыш озадачен.

— Ты где был?

— На вилле «Росса». Это было очень поучительно. Все пели. А ты где был?

— Проведывал англичанок.

— Слава Богу, что я не спутался с англичанками.

Глава седьмая

На следующий день я возвращался с первого поста в горах и велел остановить машину перед smistimento[5], где рассортировывали раненых и больных согласно направлению в соответствующий госпиталь. Я сидел в машине, пока водитель относил бумаги. День был жаркий, небо пронзительно голубое, дорога белая и пыльная. Я сидел на высоком сиденье «фиата» и ни о чем не думал. Просто глядел на проходивший мимо полк. Все обливались по́том. Некоторые солдаты были в стальных касках, но у большинства они висели поверх скаток. Солдатские каски такие большие, что у многих не видно ушей. Офицеры же в касках подходящего размера. Это была часть бригады Базиликата. Я их узнал по петлицам в красно-белую полоску. За колонной с большим опозданием тянулись отставшие солдаты, не поспевавшие за своими взводами. Мокрые от пота, запыленные, изнемогшие. На некоторых было жалко смотреть. Наконец показался последний солдат, хромоножка. Он остановился и уселся

---

[5] Примечания: 5
Эвакопункт *(итал.)*.

на обочине. Я вышел из машины и направился к нему.

— Что случилось?

Он поглядел на меня и поднялся на ноги.

— Я пошел.

— А в чем проблема?

— В войне, чтоб ее…

— Что у вас с ногой?

— С ногой ничего. У меня грыжа.

— Почему вы не воспользовались транспортом? — спросил я. — Почему не обратились в госпиталь?

— Меня не примут. Лейтенант считает, что я нарочно снял бандаж.

— Дайте я пощупаю.

— Она совсем вылезла.

— С какой стороны?

— Вот тут.

Я ее нащупал и попросил его:

— Покашляйте.

— Как бы она от этого не стала еще больше. Она и так с утра увеличилась в два раза.

— Садитесь в машину, — велел я. — Как только получу документы на раненых, провожу вас в санитарную часть.

— Он скажет, что я нарочно.

— Вам ничего не сделают, — сказал я. — Это ведь не рана. Давно она у вас?

— Но я потерял бандаж.

— Вас направят в госпиталь.

— А я могу остаться с вами, лейтенант?

— Не можете. У меня же нет на вас никаких бумаг.

Тут вышел водитель с документами на наших раненых.

— Четверых в сто пятый. Двоих в сто тридцать второй, — сказал он. Оба госпиталя находились по ту сторону реки.

— Садитесь за руль, — сказал я и помог солдату с грыжей взобраться на сиденье.

— Вы говорите по-английски? — спросил он.

— Да.

— Как вам эта чертова война?

— Хреновая штука.

— Вот-вот. Хреновая штука, черт бы ее побрал.

— Вы бывали в Штатах?

— А то. В Питсбурге. Я сразу понял, что вы американец.

— Разве мой итальянский недостаточно хорош?

— Я сразу просек, что вы американец.

— Еще один американец, — сказал водитель по-

итальянски, бросив взгляд на солдата с грыжей.

— Послушайте, лейтенант. Вы непременно должны отвезти меня в часть?

— Да.

— Наш старший врач знает о моей грыже. Я выбросил дурацкий бандаж, чтобы стало совсем плохо, и тогда меня не пошлют на передовую.

— Ясно.

— Может, отвезете меня в другое место?

— Если бы мы были на передовой, я бы мог отвезти вас в ближайший медпункт. Но здесь вам нужно направление.

— Если я вернусь в часть, меня прооперируют и пошлют на передовую с концами.

Я задумался над его словами.

— Вы бы не хотели оказаться на передовой с концами? — спросил он.

— Нет.

— Черт, эта мерзкая война.

— Послушайте, — сказал я. — Вы могли бы неудачно упасть на обочине и набить шишку на голове, а я бы на обратном пути вас подобрал и отвез в госпиталь. Альдо, съезжайте.

Мы съехали на обочину. Я помог солдату выбраться из машины.

— Я буду здесь, лейтенант, — сказал он.

— До встречи, — ответил я.

Мы продолжили наш путь, обогнали полк, уже протопавший около мили, затем пересекли стремительно убегающую из-под свай моста реку, мутную от талого снега, и покатили по равнине, чтобы доставить раненых в разные госпитали. Обратно, уже порожняком, я гнал машину, чтобы подобрать солдата из Питсбурга. Сначала мы поравнялись все с тем же полком, совсем уже спекшимся и едва волочившим ноги, потом с отставшими одиночками. А потом мы увидели санитарную повозку, стоящую на обочине. Двое мужчин поднимали с земли солдата с грыжей. Все-таки они за ним вернулись. Завидев меня, он помотал головой. Он был без каски, лоб в крови, нос ободран, рана и волосы покрыты пылью.

— Вон какая шишка, лейтенант! — закричал он. — И ничего не сделаешь. Они вернулись за мной.

Когда я приехал на виллу, было пять часов пополудни, и я отправился на моечную для машин, чтобы принять душ. Затем писал отчет в своей комнате, сидя у открытого окна в брюках и нательном белье. Через два дня начнется наступление, и я со своими машинами отправлюсь к Плаве. Я давно не писал в Штаты и понимал,

что уже пора, но дело было так запущено, что непонятно, о чем писать. Решительно не о чем. Я послал парочку военных открыток из Zona di Guerra[6], последовательно вычеркнув все, кроме слов, что я в порядке. То, что требуется. В Америке они будут выглядеть отлично: странно и загадочно. Такой же странной и загадочной была наша зона боевых действий, хотя, думается, они велись неплохо и жестко в сравнении с другими войнами против австрийцев. Австрийская армия была создана, чтобы проигрывать Наполеону любого калибра. Можно было только мечтать о своем Наполеоне, но вместо него мы имели генерала Кадорну, толстого и преуспевающего, и Витторио Эммануэле, маленького человечка с длинной тонкой шеей и козлиной бородкой. На правом фланге орудовал герцог Аоста. Для выдающегося генерала он был, пожалуй, слишком хорош собой, но в нем чувствовалось мужское начало. Многие итальянцы были бы не прочь, если бы он стал королем. У него для этого были все данные. Он, будучи дядей короля, командовал 3-й армией. Я попал во 2-ю. В 3-й армии было несколько английских батарей. В Милане я познакомился с двумя

---

[6] Примечания: 6
Зона боевых действий *(итал.).*

артиллеристами оттуда, хорошими ребятами. Мы провели вместе отличный вечер. Физически крепкие, при этом робкие и застенчивые, а еще необыкновенно отзывчивые. Жаль, что я не попал к англичанам. Все было бы гораздо проще. Зато я мог бы запросто погибнуть. Не то что в санитарной службе. Впрочем, и в санитарной. Англичан, водителей «санитарок», периодически убивали. Но я знал, что меня не убьют. Во всяком случае, на этой войне. Дело было не во мне. Война казалась мне не более опасной, чем в кино. Но я молил Бога, чтобы она закончилась. Может, этим летом. Может, австрийцы сломаются. Они ломались во всех войнах. А эта что, какая-то не такая? Все говорили, что французы слились. Я слышал от Ринальди, что французские войска устроили бучу и пошли на Париж. Я спросил, а дальше что, и получил ответ: «Что-что, их остановили». Я мечтал побывать в мирной Австрии. В Шварцвальде. В горах Гарц.

А кстати, где они находятся? Бои шли в Карпатах, но туда я не рвался. Хотя, может, там и неплохо. Я мог бы отправиться в Испанию, если бы не война. С заходом солнца становилось прохладнее. После ужина я наведаюсь к Кэтрин Баркли. Жаль, что она сейчас не здесь. Поехать

бы с ней в Милан. Поужинать в «Кове», потом теплым вечером прогуляться по виа Манцони, свернуть на набережную канала и дойти до отеля. Возможно, она бы не отказалась. Возможно, я сойду за ее убитого мальчика, мы войдем через парадный вход, и швейцар в знак приветствия снимет фуражку, я остановлюсь у стойки портье и попрошу ключи, а она будет ждать у лифта, потом мы в него войдем, и он медленно поползет вверх, клацая на каждом этаже, пока не доберется до нашего, и тогда мальчик-лифтер откроет железную дверь и будет стоять снаружи, пока не выйдет она, а затем я, и мы пойдем по коридору, и я вставлю ключ в замок и открою дверь, и мы войдем, я сниму телефонную трубку и попрошу прислать в номер бутылку «Капри бьянка» в серебряном ведерке со льдом, и мы услышим, как в коридоре позвякивает лед, а потом посыльный постучит в номер, и я попрошу его оставить ведерко за дверью. А все потому, что из-за жары мы в чем мать родила, окно нараспашку, над крышами домов носятся ласточки, а если в ночи подойти к окну, то можно разглядеть крошечных летучих мышей, охотящихся над деревьями и домами, и мы пьем капри, и дверь на запоре, а в комнате так тепло, что достаточно одной про-

стыни, и всю теплую миланскую ночь напролет мы занимаемся любовью. Вот как должно быть. А сейчас я быстро поем и пойду к Кэтрин Баркли.

В столовой все говорили наперебой, а я налегал на вино, так как не быть нам сегодня братьями, если я слегка не приложусь, и обсуждал с нашим священником архиепископа Айрленда, судя по всему, достойного человека, претерпевшего много несправедливостей, в чем я, как американец, был повинен, хотя ни о чем таком даже не подозревал, однако делал вид, что в курсе. Было бы невежливо не знать о них ничего, выслушав блестящее объяснение причин, которые в конечном счете выглядели недоразумением. По-моему, у архиепископа была замечательной фамилия[7], а родом он был из Миннесоты, из чего рождались чудесные словосочетания: Ирландия миннесотская, Ирландия висконсинская, Ирландия мичиганская. Особый шарм ей добавляло то, что она звучала как Айленд[8]. Нет, не в этом дело. За ней стояло нечто более существенное. Да, святой отец. Верно, святой отец. Возможно, святой отец. Нет, святой отец. Может, и так, святой отец. Вы

---

[7] Примечания: 7
Айрленд (Ireland) — Ирландия *(англ.).*

[8] Примечания: 8
Айленд (island) — остров *(англ.).*

знаете об этом больше меня, святой отец. Священник был человек хороший, но скучный. Офицеры нехорошие, но скучные. Король хороший, но скучный. Вино плохое, но не скучное. Оно снимает с зубов эмаль, которая остается на нёбе.

— Священника посадили в кутузку, — говорил Рокка, — после того как при нем нашли трехпроцентные облигации. Все происходило, естественно, во Франции. Здесь бы его не арестовали. Он отрицал свою причастность к пятипроцентным облигациям. Это было в Безье, на юге. Я как раз был там и, прочитав об этом в газете, отправился в тюрьму и попросил свидания со священником. Было совершенно очевидно, что он эти облигации украл.

— Ни единому слову не верю, — заявил Ринальди.

— Дело твое, — сказал Рокка. — Я это рассказываю святому отцу. История очень поучительная. Он как представитель церкви ее оценит.

Священник улыбнулся.

— Продолжайте, — сказал он. — Я слушаю.

— Конечно, происхождение не всех ценных бумаг, которые там были, удалось объяснить, но с трехпроцентным займом и еще какими-то местными облигациями, уже не помню какими, все

было ясно. Короче, пришел я в тюрьму — внимание! — остановился перед его камерой и сказал, как если бы пришел на исповедь: «Благословите меня, святой отец, ибо вы согрешили».

Это вызвало общий хохот.

— А он что? — спросил священник.

Рокка вопрос проигнорировал и обратился ко мне:

— В чем соль, улавливаете?

Видимо, если ты все правильно понимал, анекдот от этого становился гораздо смешнее. Мне подлили вина, и я рассказал байку про английского рядового, которого засунули под душ. Потом майор рассказал байку про одиннадцать чехословаков и венгерского капрала. Выпив еще вина, я рассказал байку про жокея, который нашел однопенсовую монету. Майор вспомнил анекдот про герцогиню, страдавшую бессонницей. На этом месте священник ушел, а я рассказал анекдот про коммивояжера, приехавшего в Марсель в пять утра, когда дул мистраль. Я слышал, сказал майор, что вы умеете пить. Я стал это отрицать. Он настаивал на своем и поклялся Бахусом, что сейчас мы это проверим. Бабахусом, пробормотал я. Бахусом, твердо произнес он. Я должен на спор выпить с Басси Филиппе Винченца: он кружку

— я кружку, он стакан — я стакан. Басси отказался, утверждая, что уже выпил в два раза больше меня. Я это назвал подлым враньем и призвал в свидетели Бахуса или как там его, что Филиппе Винченца Басси, а может, Басси Филиппе Винченца за весь вечер не взял в рот ни капли и вообще, для начала пусть разберется, как его звать. Он спросил, а я кто — Федерико Энрико или Энрико Федерико? Пусть победит сильнейший, сказал я, без всякого Бахуса, и майор для начала наполнил красным вином наши кружки. Я остановился на полдороге, внезапно вспомнив, куда я иду.

— Басси победил, — сказал я. — Вот кто настоящий мужчина. Мне надо идти.

— Ему правда надо, — подтвердил Ринальди. — У него свидание. Я все про это знаю.

— Мне надо идти.

— В другой раз, — сказал Басси. — В другой раз, когда вы будете в лучшей форме.

Он похлопал меня по плечу. На столе горели свечи. Все офицеры были в отличном расположении духа.

— Доброй ночи, господа, — попрощался я.

Ринальди вышел вместе со мной. Мы остановились на пятачке перед домом, и он сказал:

— Тебе не стоит идти туда пьяным.

— Я не пьян, Ринин. Честно.

— Тебе надо пожевать кофейные зерна.

— Глупости.

— Я тебе принесу, малыш. Погуляй пока. — Он вернулся с пригоршней жареных кофейных зерен. — На вот, пожуй, и да пребудет с тобой Бог.

— Бахус, — поправил я его.

— Я тебя провожу.

— Я в полном порядке.

Мы шли по городу, и я жевал зерна. У ворот, откуда дорожка вела к британской вилле, Ринальди пожелал мне спокойной ночи.

— Спокойной ночи, — ответил я. — Почему бы и тебе не пойти?

Он помотал головой со словами:

— Нет. Мне бы чего-нибудь попроще.

— Спасибо тебе за кофейные зерна.

— Не за что, малыш.

Я пошел по дорожке мимо четких очертаний кипарисов. Обернувшись, я увидел Ринальди, глядящего мне вслед, и помахал ему рукой.

Я сидел в приемной и ждал, когда ко мне спустится Кэтрин Баркли. Услышав шаги в коридоре, я встал, но то была не Кэтрин. Это была мисс Фергюсон.

— Привет, — сказала она. — Кэтрин попросила

меня передать, что не сможет встретиться с вами сегодня.

— Мне очень жаль. Надеюсь, она не заболела.

— Она не очень хорошо себя чувствует.

— Вы ей передадите, что мне очень жаль?

— Передам.

— Может, мне завтра к ней зайти? Как вы думаете?

— Зайдите.

— Большое вам спасибо, — сказал я. — Спокойной ночи.

Я вышел и вдруг почувствовал себя одиноким и опустошенным. Я очень легкомысленно отнесся к встрече с Кэтрин, выпил лишку и чуть не забыл, куда иду, но, не увидев ее, ощутил одиночество и пустоту.

Глава восьмая

На следующий день прошел слух, что готовится ночная атака в верховье реки и что мы должны пригнать туда четыре машины. Никто ничего толком не знал, но во всех разговорах чувствовались абсолютная уверенность и стратегические познания. Я ехал в головной машине, и, когда мы поравнялись с британским госпиталем, велел водителю остановиться. Остальные машины тоже тормознули. Я вышел и сказал, чтобы они ехали дальше, а если мы их не нагоним, то пусть ждут нас на повороте к Кормону. После чего быстро прошел в дом и спросил в приемной мисс Баркли.

— Она на дежурстве.

— Можно ее увидеть на одну минутку?

Послали санитара, и он вернулся вместе с ней.

— Я зашел узнать, как ты себя чувствуешь. Мне сказали, что ты на дежурстве, и я спросил, можно ли тебя увидеть.

— Я в порядке, — сказала она. — Думаю, это жара меня вчера подкосила.

— Мне надо ехать.

— Я на минутку выйду, — предупредила она.

— Ты правда в порядке? — спросил я, когда мы вышли.

— Да, милый. Ты к вечеру вернешься?

— Нет. Нам предстоит развлечение на Плаве.

— Развлечение?

— Я думаю, ничего серьезного.

— И когда ты вернешься?

— Завтра.

Она что-то расстегнула на шее и сунула мне в руку.

— Это святой Антоний, — сказала она. — Приходи завтра вечером.

— Ты католичка?

— Нет, но, говорят, святой Антоний охраняет.

— Теперь придется мне о нем позаботиться. Прощай.

— Нет, — возразила она, — не прощай.

— Как скажешь.

— Веди себя хорошо и будь осторожен. Нет, здесь меня нельзя целовать. Нельзя.

— Как скажешь.

Оглянувшись, я увидел, что она стоит на ступеньках. Она мне помахала, а я послал ей воздушный поцелуй. Она снова помахала, а потом я вышел за ворота, сел в машину, и мы отъехали. Святой Антоний лежал в серебряном медальоне,

который я открыл, и вытряхнул его на ладонь.

— Святой Антоний? — поинтересовался водитель.

— Да.

— У меня тоже. — Правой рукой, ранее лежавшей на руле, он расстегнул пуговицу на кителе и вытащил из-под рубашки такого же. — Видите?

Я спрятал святого Антония в медальон, собрал в горсти тонкую золотую цепочку и все вместе положил в нагрудный карман.

— Не наденете?

— Нет.

— Лучше надеть. Для того он и нужен.

— Ладно. — Я расстегнул застежку на золотой цепочке, повесил ее на шею и снова застегнул. Святой повис на виду. Я расстегнул китель и воротник рубашки и убрал его внутрь. Я чувствовал на груди холодок медальона, но потом забыл про него. После моего ранения святой Антоний исчез. Вероятно, его кто-то снял на одном из перевязочных пунктов.

После моста мы поехали быстрее и вскоре увидели поднятые колесами столбы пыли. Когда дорога повернула, впереди показались три автомобиля, с виду такие маленькие, зато пыль от них поднималась к вершинам деревьев. Мы

их нагнали, обошли и свернули на дорогу, поднимавшуюся в гору. Ехать в колонне совсем не плохо, когда ты находишься в головной машине, и я откинулся на спинку сиденья и стал разглядывать пейзажи за окном. Мы проехали предгорье, дорога пошла вверх, и на севере открылись вершины, покрытые снегом. Я оглянулся назад: еще три машины карабкались следом за нами, отделенные столбами пыли. Мы обогнали длинный караван груженых мулов, рядом с которыми шли погонщики в красных фесках. Берсальеры[9].

Дальше дорога была свободной, мы поднимались среди холмов, а затем по длинному склону спустились в речную долину. Здесь росли деревья по обе стороны дороги, и справа, в просветах между ними, я увидел реку — быструю и чистую. Здесь и там на мелководье проглядывали полосы песка и голышей среди узких протоков, а потом вода вновь, посверкивая, покрывала галечное русло. Возле берегов образовались глубокие озерца с водой цвета небесной сини. От главной дороги по узкоколейкам можно было свернуть к переброшенным через реку каменным аркам. Мимо проносились основательные дома с канделяб-

[9] Примечания: 9

Берсальеры (от berságlio — «мишень») — стрелки в итальянской армии, элитные пехотные части.

рами грушевых деревьев на фоне южной стены и низкими каменными оградами, за которыми начинались поля. Дорога еще долго тянулась через долину, пока мы не свернули и снова не полезли вверх. Подъем был крутой, дорога петляла среди каштанов и, наконец, уже на горном хребте, выровнялась. Глядя поверх крон, я увидел далеко внизу освещенную солнцем речную извилину, разделившую две армии. Мы ехали по новой щербатой военной дороге, проложенной вдоль гребня горного хребта, и на севере моим глазам открылись две горные цепи, темно-зеленые внизу и красивые, белоснежные под лучами солнца наверху. Позже, когда дорога ушла еще выше, я увидел третью, еще более высокую и снежную горную цепь, казавшуюся меловой и ребристой, с удивительными плоскостями, а за ними, совсем далеко, открылись еще горы, но я бы не поручился, что вижу их на самом деле. Это уже были австрийские горы, каких на нашей стороне не было. Впереди показался разворот, и, глянув вниз, я увидел, как дорога через лес уходит под уклон. Там были войска, и армейские грузовики, и мулы, тащившие пушки на колесах; мы спускались, держась ближе к обочине, и я мог разглядеть далеко внизу реку, а вдоль нее железную

дорогу, и старый мост, по которому проходила «железка», а за рекой, у подножия горы, разбитые дома городка, который нам предстояло взять.

К тому времени, когда мы спустились вниз и свернули на главную дорогу вдоль реки, уже начинало смеркаться.

Глава девятая

Забитая дорога с двух сторон и сверху была замаскирована щитами из кукурузных стеблей и циновками из соломы, так что казалось, будто входишь в цирк или в деревню туземцев. Мы медленно проехали по этому соломенному тоннелю и выбрались на голую, расчищенную площадку, где когда-то находилась железнодорожная станция. Дальше дорога была прорыта ниже уровня реки, и на всем ее протяжении зияли катакомбы, в которых пряталась пехота. Солнце садилось, и из-под насыпи я увидел над холмами, по ту сторону реки, австрийские аэростаты для наблюдения — темные силуэты на фоне заката. Мы припарковались возле бывшего кирпичного завода. Печи для обжига и какие-то ниши превратились в перевязочные пункты. Трех врачей я знал. Майор мне объяснил, что, когда все начнется, наши «санитарки» с ранеными проедут обратно по замаскированному тоннелю, по главной дороге поднимутся на горный хребет и там, на медицинском посту, всех перегрузят на другие машины. Он надеялся, что обойдется без заторов. Путь-то один. А маскировка нужна, поскольку до-

рога просматривается австрийцами с того берега. Здесь же, на кирпичном заводе, от ружейного и пулеметного обстрела нас защищает насыпь. Один мост был разрушен, и после артобстрела планировалось навести понтонный мост, а пока войска перейдут речку вброд там, где она делает изгиб. Майор был коротышкой с загнутыми вверх усами. Он воевал в Ливии и имел две нашивки за ранения. Если все пройдет успешно, сказал майор, то он представит меня к награде. Надеюсь, что все пройдет успешно, ответил я, только вы ко мне слишком добры. Я поинтересовался, есть ли большой блиндаж, где могли бы укрыться мои водители, и он велел солдату меня проводить. Мы пошли вдвоем, и я убедился, что блиндаж просто отличный. Водителям он понравился, и я их там оставил. Майор предложил мне выпить с ним и еще двумя офицерами. Мы очень задушевно выпили рому. Тем временем наступили сумерки. Я спросил, когда начнется атака, и получил ответ: когда совсем стемнеет. Я вернулся к водителям. Они сидели в блиндаже и разговаривали, а когда я подошел, замолчали. Я дал каждому по пачке плохо набитых македонских сигарет, из них высыпался табак, так что прежде чем закурить, надо было закрутить кончик. Маньера щелкнул

зажигалкой и пустил ее по кругу. Зажигалка изображала радиатор «фиата». Я рассказал им то, что узнал сам.

— Почему мы не видели медицинский пост, когда ехали сюда? — спросил Пассини.

— Мы свернули, немного до него не доехав.

— Из этой дороги сделают кровавое месиво, — сказал Маньера.

— Они выпустят из нас кишки, туды их растуды.

— Да уж.

— А как насчет того, чтобы пожрать, лейтенант? Когда все начнется, будет не до того.

— Пойду узнаю, — сказал я.

— Нам сидеть здесь или можно прогуляться?

— Лучше сидите здесь.

Я снова пошел в блиндаж майора и выяснил, что полевая кухня скоро подъедет и водители смогут получить свой суп. Им дадут столовые миски, если у них нет. Кажется, сказал я, у них есть. Я вернулся и сообщил, что как только подвезут еду, я за ними приду. Хорошо бы ее подвезли до начала артобстрела, сказал Маньера. Водители молчали, пока я не ушел. Все они были механиками и ненавидели войну.

Я пошел проверить машины и вообще что про-

исходит, а вернувшись, уселся в блиндаже вместе с четырьмя водителями. Мы сидели на земле, привалившись к стене, и курили. Почти совсем стемнело. Земля в блиндаже была теплая и сухая, я еще больше вытянулся и расслабился.

— Кто идет в атаку? — спросил Гавуцци.

— Берсальеры.

— Берсальеры, и всё?

— Вроде так.

— У нас маловато войск для настоящей атаки.

— Возможно, это отвлекающий маневр, а главный удар будет не отсюда.

— Солдаты об атаке знают?

— Не думаю.

— Конечно, не знают, — сказал Маньера. — Если бы знали, они бы не пошли.

— Пошли бы, — возразил Пассини. — Берсальеры дурачье.

— Они храбрые и дисциплинированные, — заметил я.

— Здоровяки, грудь навыкате, а все равно дурачье.

— Кто здоровяки, так это гренадеры, — сказал Маньера. Это была шутка, и все посмеялись.

— А вы, лейтенант, там были, когда наши не пошли в атаку и потом каждого десятого рас-

стреляли?

— Нет.

— Это правда. Их потом выстроили в ряд и каждого десятого расстреляли. Карабинеры.

— Карабинеры, — процедил Пассини и сплюнул на пол. — Даже гренадеры под сто девяносто и те не пошли в атаку.

— Если бы никто не пошел в атаку, война бы закончилась, — сказал Маньера.

— Гренадеры — они такие. Трусоватые. Офицеры из благородных семей.

— Кое-кто из офицеров пошел в атаку.

— Сержант пристрелил двоих, которые отказались вылезать из окопа.

— Некоторые солдаты повылезали.

— Которые повылезали, тех не выстроили в ряд, когда каждый десятый был расстрелян.

— Карабинеры расстреляли моего земляка, — сказал Пассини. — Здоровяк, красавец, умница, настоящий гренадер. Вечно торчал в Риме. С девочками. С карабинерами. — Он рассмеялся. — Теперь перед его домом стоит часовой со штыком, и никому не позволено видеть его родителей и сестер, а его отец лишился гражданских прав и даже не может голосовать. Закон их больше не защищает. Кто угодно может отобрать их соб-

ственность.

— Если бы не страх за семью, никто бы не пошел в атаку.

— Не скажи. Альпийские стрелки пошли бы. И гвардейцы Витторио Эммануэле И одиночки-берсальеры.

— Берсальеры тоже бежали с поля боя. А теперь стараются об этом забыть.

— Лейтенант, не давайте нам распускать языки. Evviva l'esercito![10] — с издевочкой провозгласил Пассини.

— Языки — это ладно, — сказал я, — пока вы крутите баранку и прилично себя ведете…

— …и пока вас не слышат другие офицеры, — закончил за меня Маньера.

— Я считаю, что с войной надо покончить, — продолжил я. — Но она не закончится, если одна сторона перестанет сражаться. Если мы перестанем сражаться, будет только хуже.

— Хуже не будет, — почтительным тоном заметил Пассини. — Нет ничего хуже войны.

— Поражение хуже.

— Я так не считаю, — по-прежнему с почтением возразил Пассини. — Что такое поражение? Ты

---

[10] Примечания: 10
Да здравствует армия! *(итал.)*

едешь домой.

— За тобой приходят. Забирают твой дом. Твоих сестер.

— Я в это не верю, — сказал Пассини. — С другими этот номер не пройдет. Пускай каждый защищает свой дом. Не выпускает сестер на улицу.

— Тебя повесят. Или снова сделают солдатом. Только уже не санитарной службы, а пехоты.

— Всех не перевешают.

— Внешний враг еще не делает из тебя солдата, — сказал Маньера. — При первой же стычке все побегут с поля боя.

— Как чехословаки.

— Попасть в плен — тебе это ни о чем не говорит, и поэтому ты в этом не находишь ничего плохого.

— Лейтенант, — обратился ко мне Пассини. — Раз уж вы даете нам распускать языки, послушайте. Нет ничего хуже войны. Не нам, в санитарной службе, судить о том, насколько это худо. Те, кто начинает понимать, даже не пытаются ее остановить, потому что у них сносит крышу. Кому-то вообще не понять. А кто-то боится своих офицеров. Вот на таких держится война.

— Я знаю, что это худо, но мы должны ее за-

кончить.

— Она не заканчивается. У войны нет конца.

— Как же, есть.

Пассини покачал головой.

— Победами война не выигрывается. Ну, возьмем мы Сан-Габриеле? Ну, возьмем Карсо и Монфальконе и Триест? А дальше что? Вы сегодня видели горы там, вдали? По-вашему, их мы тоже захватим? Только если австрийцы сложат оружие. Почему бы это не сделать нам? Пока австрийцы дотопают до Италии, они выдохнутся и повернут обратно. У них своя родина. Но нет, вместо этого мы воюем.

— Да вы оратор.

— Мы думаем. Читаем. Мы не крестьяне, мы механики. Но даже крестьяне в войну не верят. Эту войну ненавидят все.

— Страной управляет узкий класс, а страна глупа, ничего не понимает и никогда не поймет. Вот почему идет эта война.

— К тому же они делают на этом деньги.

— Далеко не все, — сказал Пассини. — Они слишком глупы. Делают это просто так. По глупости.

— Нам пора заткнуться, — заметил Маньера. — Мы уже и так заговорили лейтенанта.

— Ему это нравится, — сказал Пассини. — Мы его обратим в свою веру.

— А пока заткнемся, — подвел итог Маньера.

— Еду еще не привезли, лейтенант?

— Схожу проверю, — сказал я.

Гордини встал и вышел вместе со мной.

— Вам ничего не нужно, лейтенант? Я чем-то могу помочь? — Он был самый молчаливый из четырех.

— Если хотите, пойдемте со мной, — предложил я, — а там посмотрим.

Было уже совсем темно, длинные лучи прожекторов обшаривали горные склоны. Большие прожектора перевозили на грузовиках, и если ты ехал ночью, то мог увидеть такой грузовик в стороне от дороги, позади передовой линии, и офицера, руководящего действиями перепуганных подчиненных. Мы пересекли двор и остановились возле главного перевязочного пункта. Козырек над входом был замаскирован зелеными ветками, и в ночи ветерок шевелил высушенные солнцем листья. Внутри горел свет. У телефона на ящике сидел майор. Один из капитанов медслужбы сказал, что начало атаки отложили на час. Он предложил мне коньяк. Я окинул взглядом сколоченные из досок столы,

посверкивающие инструменты, кюветы, закупоренные склянки. Гордини стоял у меня за спиной. Майор оторвался от телефона и встал.

— Начинаем, — сказал он. — Вернули прежнее время.

Я выглянул в окно — в темноте австрийские прожектора прочесывали горы позади нас. Еще какое-то мгновение продлилась тишина, а затем за нашими спинами враз ударили все орудия.

— Савойя, — сказал майор.

— Я насчет супа, майор, — напомнил я, но он меня не услышал. Пришлось повторить.

— Еще не подвезли.

Пролетел большой снаряд и разорвался на заводском дворе. Потом еще один, и сквозь грохот можно было расслышать, как осыпаются осколки кирпича и штукатурки.

— А что есть?

— Есть немного пасты asciutta[11], — сказал майор.

— Я возьму, что дадите.

Майор переговорил с санитаром, тот вышел и вскоре вернулся с железной миской, в которой лежали сваренные холодные макароны. Я пере-

---

[11] Примечания: 11

Паста asciutta — блюдо из макарон, обычно с соусом и тертым сыром.

дал миску Гордини.

— А сыр есть?

Майор что-то недовольно пробурчал санитару, и тот, снова нырнув в какой-то закуток, вынес оттуда четверть круга белого сыра.

— Большое спасибо, — поблагодарил я.

— Вам лучше обождать.

Перед входом поставили на землю что-то тяжелое. Один из тех, кто это принес, заглянул внутрь.

— Вносите, — приказал майор. — Чего вы ждете? Чтобы мы сами за ним сходили?

Санитары подняли раненого за руки, за ноги и внесли в перевязочную.

— Разрежьте гимнастерку, — приказал майор.

В руке у него был пинцет с куском марли. Два капитана-медика сняли шинели.

— А вам здесь делать нечего, — обратился майор к санитарам.

— Пошли, — сказал я Гордини.

— Лучше подождать, пока не прекратится артобстрел, — бросил мне майор через плечо.

— Они голодные, — сказал я.

— Дело ваше.

Мы побежали через двор. Неподалеку, возле реки, рванул снаряд. А следующий застал нас

врасплох, мы уже услышали взрыв, и оба упали ничком на землю. Вспышка, запах гари, свист летящих осколков, грохот обваливающейся кладки. Гордини вскочил и побежал в блиндаж. И я за ним, с куском сыра, покрывшимся слоем кирпичной пыли. В блиндаже трое водителей курили, сидя у стены.

— Держите, патриоты, — сказал я.

— Как там машины? — спросил Маньера.

— В порядке.

— Испугались, лейтенант?

— Да уж, было дело.

Я раскрыл складной нож, протер лезвие и счистил с сыра всю грязь. Гавуцци протянул мне миску с макаронами.

— Начинайте, лейтенант.

— Нет, — сказал я. — Поставьте на пол. Все будем есть.

— У нас нет вилок.

— Черт с ними, — сказал я по-английски.

Я порезал сыр на куски и бросил их сверху на макароны.

— Подсаживайтесь, — сказал я. Они придвинулись и молча ждали. Я запустил в макароны пятерню и вытащил горсть. Клейкая масса повисла в воздухе.

— Поднимите повыше, лейтенант.

Я поднял горсть на вытянутой руке, и макаронины отделились одна от другой. Я запустил их в рот, втянул в себя, потом обкусил и стал жевать, а вдогонку добавил кусок сыра и запил вином. На языке остался привкус ржавого металла. Я передал флягу Пассини.

— Проржавела, — сказал он. — Слишком долго пролежала в машине.

Сгрудившись вокруг миски, все ели, запрокидывая головы и всасывая макаронины. Я отправил в рот еще одну горсть и сыр и запил вином. Снаружи тряхануло.

— Четыреста двадцатый калибр или миномет, — предположил Гавуцци.

— В горах таких нет, — сказал я.

— У них есть большие шкодовские минометы. Сам видел воронки.

— Это триста пятые.

Трапеза продолжилась. Послышался звук, похожий на кашель трогающегося локомотива, и снова сотряслась земля.

— Мелковат блиндаж, — сказал Пассини.

— Это большой миномет.

— Точно.

Я съел сыр и глотнул вина. Сквозь общий шум

донесся кашель, потом ча-ча-ча-ча, потом яркая вспышка, как будто распахнулась дверь доменной печи, оттуда вырвался рев и стал набирать обороты, от белого до раскаленно-красного, и обрушилась воздушная масса. Я попытался дышать, но не мог вдохнуть и почувствовал, что стремительно покидаю собственное тело, отлетая все дальше, и дальше, и дальше, подхваченный ветром. Я быстро покинул его и понял, что я умер, и было бы ошибкой думать, будто смерть мгновенна. Какое-то время я парил, но вместо того чтобы отлететь совсем, вернулся обратно. Я задышал и пришел в себя. Земля вокруг была разворочена, и прямо передо мной торчал обломок деревянного бруса. В мое перевернутое сознание пробились вопли. Кажется, кто-то стенал. Я попробовал пошевелиться и не смог. По обе стороны реки стреляли пулеметы и винтовки. С громким шипом в небо взмывали осветительные снаряды и сигнальные ракеты, прочерчивая белые следы, рвались бомбы, это длилось какой-то миг, а затем рядом с собой я услышал: «Mamma mia! Oh, mamma mia!»[12] Я подтянулся, поерзал, наконец, сумел освободить ноги и уж затем по-

[12] Примечания: 12
Мамочка, ой, мамочка! *(итал.)*

трогал стонущего. Это был Пассини, и когда я к нему прикоснулся, он взвыл. В темноте, прорезаемой сполохами, я увидел, что обе ноги у него раздроблены выше колен. Одну оторвало вовсе, а другая висит на сухожилиях, и обрубок вместе с куском брючины дергается как бы отдельно от тела. Он закусил руку и простонал: «Mamma mia! Oh, mamma mia!», а потом забормотал: «Dio te salve, Maria[13]. Dio te salve, Maria. Пошли мне смерть, Господи. Пошли мне смерть, Пречистая Дева Мария. Хватит, хватит, хватит. Господи, Всемилостивая Дева Мария, прекрати мои мучения. О-о-о-о-о!» И снова взахлеб: «Mamma mia! Oh, mamma mia!» Потом он умолк и только закусывал руку, а обрубок ноги все дергался.

— Portaferiti![14] — закричал я, сложив ладони рупором. — Portaferiti!

Я предпринял попытку подобраться к Пассини поближе, чтобы наложить жгуты на его культи, но у меня ничего не вышло. Я снова попробовал, и на этот раз мои ноги мне отчасти подчинились. Я сумел подтянуться на локтях. Пассини затих. Я сел рядом, расстегнул китель и рванул полу

---

[13] Примечания: 13
Спаси тебя Господь, Мария *(итал.).*

[14] Примечания: 14
Носилки! *(итал.)*

рубашки. Не получилось, тогда я вцепился в нее зубами. И тут я вспомнил про обмотки. Сам-то я был в шерстяных чулках, а вот Пассини носил обмотки. Как и все водители. Я стал разматывать обмотки на его единственной ноге, но уже в процессе понял, что никакой жгут ему не поможет, потому что он уже был мертв. На всякий случай я проверил. Оставалось найти остальных. Я сел прямо, и тут же в голове у меня что-то поехало, и две тяжелые монеты, словно на глазах покойника, только изнутри, стали выдавливать глазные яблоки. Я вдруг почувствовал, что ноги у меня горячие и мокрые, и такие же ступни в ботинках. Я понял, что ранен, и, нагнувшись, положил руку на колено. Колена не было на месте. Рука куда-то провалилась, а коленная чашечка обнаружилась ниже, на голени. Я вытер руку о рубашку. При свете медленно падающей сигнальной ракеты я разглядел свою ногу, и мне стало страшно. О Боже, сказал я вслух, забери меня отсюда. Но при этом я помнил про тех троих. Всего было четыре водителя. Пассини умер. Осталось трое. Кто-то подхватил меня под мышки, кто-то поднял мои ноги.

— Там еще трое, — сказал я. — И один умер.

— Это я, Маньера. Мы пошли за носилками, но

так и не нашли. Как вы, лейтенант?

— А где Гордини и Гавуцци?

— Гордини в медпункте на перевязке. А Гавуцци держит вас за ноги. Обхватите меня за шею, лейтенант. Вас серьезно ранило?

— В ногу. Как там Гордини?

— Ничего страшного. В блиндаж попал большой минометный снаряд.

— Пассини умер.

— Да. Умер.

Неподалеку упал снаряд, и они оба, бросив меня, распластались на земле.

— Простите, лейтенант, — сказал Маньера. — Держитесь за мою шею.

— Если вы меня опять бросите…

— Мы испугались.

— Вы-то не ранены?

— У нас легкие ранения.

— Гордини может вести машину?

— Боюсь, что нет.

Пока мы шли к медпункту, они еще раз меня бросили.

— Сукины дети, — вырвалось у меня.

— Простите, лейтенант, — сказал Маньера. — Больше это не повторится.

В эту ночь возле медпункта на земле лежал не я

один. Раненых вносили и выносили. Когда в перевязочной откидывали полог, оттуда пробивался свет. Покойников складывали отдельно. Врачи работали засучив рукава, забрызганные кровью, как мясники. Носилок не хватало. Кто-то стонал, но большинство лежало тихо. Ветер ерошил листву над входом. Похолодало. Санитары все время кого-то подносили и, разгрузив носилки, уходили за следующим. Когда меня подтащили к медпункту, Маньера сразу привел фельдшера, и тот забинтовал мне обе ноги. В рану набилось столько грязи, сказал он, что это быстро остановило кровотечение. Пообещав, что меня скоро примут, он ушел внутрь. Гордини не сможет вести машину, объяснил Маньера, поскольку у него раздроблено плечо и задета голова. Чувствует он себя сносно, но плечо одеревенело. Он сидит, привалившись к стене. Маньера и Гавуцци увезли раненых. У них проблем с вождением не было. Приехали англичане на трех «санитарках», в каждой по два водителя. Одного из них привел ко мне Гордини, выглядевший страшно бледным и больным. Англичанин склонился надо мной.

— Тяжелое ранение? — спросил он. Он был высокого роста, очки в металлической оправе.

— В ноги.

— Надеюсь, не серьезное. Как насчет сигареты?

— Спасибо.

— Я слышал, вы потеряли двух водителей.

— Да. Одного убили, а второй привел вас ко мне.

— Хреново. Хотите, чтобы мы взяли ваши машины?

— Я как раз собирался вам предложить.

— Мы вернем их в целости и сохранности. Пригоним прямо к вашей вилле. Номер двести шесть, правильно?

— Точно.

— Чудесная вилла. Я вас там видел. Говорят, вы американец.

— Да.

— А я англичанин.

— Да ну!

— Да. А вы меня приняли за итальянца? В одном из наших отрядов есть итальянцы.

— Можете смело брать машины, — сказал я.

— Мы вернем их в целости и сохранности. — Он распрямился. — Ваш приятель так настаивал, чтобы я к вам пришел. — Он потрепал Гордини по плечу. Тот вздрогнул, а затем улыбнулся. Англичанин перешел на бойкий итальянский. — Все в порядке. Я договорился с твоим лейтенантом. Мы

берем у вас две машины. Можешь не беспокоиться. — Он снова обратился ко мне: — Хорошо бы вытащить вас отсюда. Я поговорю с медицинским начальством. Мы вас заберем.

Осторожно ступая между ранеными, он вошел в медпункт. Я видел, как откинули одеяло, мелькнула полоска света, и он скрылся в перевязочной.

— Вы в надежных руках, лейтенант, — заметил Гордини.

— Вы-то как, Франко?

— Я в порядке.

Он сел рядом. Через минуту из перевязочной вышли двое санитаров с носилками, а за ними высокий англичанин. Он подвел их ко мне.

— Вот американский лейтенант, — сказал он по-итальянски.

— Я могу спокойно подождать, — возразил я. — Здесь есть тяжелораненые. Я еще ничего.

— Ладно, ладно. Не изображайте из себя героя, — обратился он ко мне, а затем к ним на итальянском: — Поосторожнее, когда будете поднимать за ноги. У него очень болезненное ранение. Это законный сын президента Вильсона.

Они подняли меня на носилках и понесли в перевязочную. Там на всех столах оперирова-

ли. Коротышка майор бросил на нас свирепый взгляд. Но, узнав меня, помахал хирургическими щипцами.

— Ça va bien?

— Ça va[15].

— Мой подопечный, — сказал высокий англичанин по-итальянски. — Единственный сын американского посла. Пусть здесь полежит, пока вы не освободитесь. А я потом его увезу первым же рейсом. — Англичанин склонился надо мной. — Я поищу их адъютанта, чтобы он оформил ваши бумаги, тогда все пойдет гораздо быстрее. — Он пригнулся под притолокой и вышел.

Майор бросил щипцы в лоток. Я следил за его руками. Он наложил повязку, и санитары сняли пациента со стола.

— Я займусь американским лейтенантом, — сказал один из капитанов медслужбы. Меня перенесли на стол, жесткий и скользкий. Здесь стояли сильные запахи химикатов и сладковатый запах крови. С меня стащили брюки, и врач, приступив к осмотру, диктовал ассистенту:

— Множественные поверхностные ранения левого и правого бедра, левого и правого колена

---

[15] Примечания: 15

«Вы в порядке?» — «В порядке» *(фр.).*

и правой ступни. Проникающие ранения правого колена и ступни. Рваная рана на голове (он ее прозондировал: «Больно?» — «Ай, еще бы!») с возможной трещиной черепной кости. Получены при исполнении служебных обязанностей. Это чтобы избежать военно-полевого суда в связи с нанесенными самому себе увечьями. — Последние слова уже адресовались мне. — Глоток коньяку? Как это вас угораздило? Пытались покончить с собой? Дайте-ка мне противостолбнячную и пометьте в медицинской карте обе ноги крестиком. Благодарю. Сейчас я тут немного почищу, потом промоем и наложим бинты. Кровь у вас свертывается отлично.

Ассистент оторвался от бумаг:

— Чем вызваны ранения?

Капитан мне:

— Чем это вас?

Я, не открывая глаз:

— Минометный снаряд.

Капитан, рассекая кожные ткани и тем причиняя мне острую боль:

— Вы уверены?

Я, пытаясь лежать спокойно и чувствуя, как внутри с каждым разрезом у меня все дрожит:

— Так мне кажется.

Капитан (заинтересовавшись увиденным):

— Осколки неприятельского траншейного миномётного снаряда. Я могу, конечно, пройтись зондом, если хотите, но в этом нет необходимости. Сейчас я здесь помажу… что, горит? Это еще цветочки. Настоящую боль вы пока не почувствовали. Дайте ему глоток коньяка. Первый шок заглушает боль. Все у вас нормально. Если не попала инфекция, а сейчас это маловероятно, то волноваться не о чем. Как голова?

— Черт.

— Тогда вам лучше много не пить. К трещине нам только не хватало воспаления. А как здесь?

Меня прошиб пот.

— Черт!

— Видимо, все-таки трещина. Я забинтую, а вы старайтесь не вертеть головой. — Его руки так и мелькали, и повязка вышла тугой и надежной.

— Вот и все. Удачи вам и Vive la France[16].

— Он американец, — заметил второй капитан.

— Вы, кажется, сказали, что он француз. И говорит по-французски, — напомнил первый. — Мы с ним уже сталкивались, и я всегда думал, что он француз. — Он выпил полстопки коньяка. — А

---

[16] Примечания: 16

Да здравствует Франция *(фр.)*.

теперь что-нибудь серьезное. И захватите побольше противостолбнячной. — Капитан помахал мне на прощание.

Санитары погрузили меня на носилки. Когда мы выходили, по моему лицу прошелся край свисающего одеяла. Я лежал во дворе, и рядом со мной опустился на колени фельдшер.

— Фамилия? — тихо спросил он. — Имя? Звание? Место рождения? Специализация? Корпус? — И так далее. — Голова задета, сочувствую, лейтенант. Желаю скорейшего выздоровления. Я вас отправлю с английской санитарной машиной.

— Я в порядке, — заверил я его. — Большое спасибо.

Боль, о которой предупреждал майор, уже дала о себе знать, и я утратил интерес к окружающему, потерял с ним связь. Через какое-то время подъехала английская «санитарка», и меня положили на носилки, которые потом приподняли до нужного уровня и загнали в кузов. Рядом оказались носилки с мужчиной, чей восковой нос торчал из-под бинтов. Он тяжело дышал. Там были еще носилки, вставленные в пазы над нашими головами. Высокий водитель-англичанин заглянул внутрь.

— Мы поедем очень аккуратно, — сказал он. — Надеюсь, вам будет комфортно.

Я слышал, как он забрался на переднее сиденье, как завел двигатель, как снял с ручного тормоза, и мы поехали. Я лежал неподвижно, а боль делала свое дело.

Дорога пошла в гору, и мы поехали медленнее по забитой дороге, то и дело останавливались, иногда подавали назад перед поворотом и наконец набрали хороший ход. Сверху на меня закапало. Сначала потихоньку, с регулярными паузами, затем потекла струйка. Я крикнул шоферу. Он остановил машину и заглянул к нам через окошко в перегородке.

— Что там у вас?

— У человека надо мной кровотечение.

— До перевала уже рукой подать. Я все равно в одиночку не вытащу носилки.

Он снова завел мотор. Ручеек не убывал. В темноте я не мог определить, где сквозь брезент просачивается кровь. Я попробовал сдвинуться вбок, чтобы не лилось прямо на меня. Пропитавшаяся рубашка сделалась теплой и липкой. Я замерз, а нога ныла так, что меня подташнивало. В какой-то момент ручеек стал иссякать, потом снова закапало, и я услышал, как человек заше-

велился на своем клеенчатом ложе, устраиваясь поудобнее.

— Как он там? — поинтересовался англичанин. — Мы почти наверху.

— Сдается мне, что он умер, — сказал я.

Капли падали уже очень редко, как это бывает, когда сосулька тает после захода солнца. Машина все карабкалась вверх, выступенная в ночи. Когда мы добрались до поста, санитары вытащили верхние носилки, вставили другие, и мы поехали дальше.

Глава десятая

В палате полевого госпиталя меня предупредили о дневном визите. Утро было жаркое, и нас одолевали мухи. Вестовой нарезал полоски бумаги и привязал их к концу палки — получилась этакая метелка, чтобы отгонять мух. Они устроились на потолке. Когда он перестал махать и уснул, мухи тут же спустились, и тогда я стал их гонять, но в какой-то момент закрыл лицо руками и тоже забылся сном. Проснулся я от дикой жары и зуда в ногах. Я разбудил вестового, и он полил бинты минеральной водой. Постель сделалась влажной и прохладной. Бодрствующие больные переговаривались через всю палату. Днем жизнь затихала. А по утрам к каждому по очереди подходили четверо, врач и трое санитаров, и уносили в перевязочную, чтобы перестелить постель, пока больному меняют бинты. Перевязка — удовольствие ниже среднего, а перестелить постельное белье можно и под больным, о чем я узнал позже. После того как вестовой полил бинты и я ощутил приятную прохладу, я попросил его почесать мне зудящие ступни, но тут врач привел в палату Ринальди. Он подлетел к кровати и, наклонившись,

чмокнул меня. Я заметил, что он в перчатках.

— Как дела, малыш? Как ты себя чувствуешь? Это тебе… — Он показал бутылку коньяка. Вестовой принес стул, и он сел. — И хорошие новости. Тебя представили к награде. Medaglia d'argento[17]. Но, может быть, выйдет только бронзовая.

— За что?

— Серьезные ранения. Если ты сумеешь доказать, что совершил подвиг, то получишь серебро. А иначе бронза. Расскажи мне в деталях, как все произошло. Ты совершил подвиг?

— Нет, — сказал я. — Когда рвануло, я ел сыр.

— Давай серьезно. Наверняка ты совершил какой-то подвиг, до или после. Хорошо подумай.

— Ничего такого я не совершал.

— Может, вытащил на себе кого-нибудь? Гордини утверждает, что ты вынес на себе несколько человек, а вот майор медицинской службы на первом посту говорит, что это невозможно. А он подписывает представление к награде.

— Никого я не вытаскивал. Я не мог пошевелиться.

— Это не важно, — отмахнулся Ринальди и снял перчатки. — Я думаю, мы можем рассчитывать

---

[17] Примечания: 17
Серебряная медаль *(итал.).*

на серебро. Разве ты не отказался от медицинской помощи, пока не обслужат других?

— Я не настаивал.

— Не важно. А твои ранения? А то, как ты рвался на передний край? К тому же операция была успешной.

— Так реку все-таки удалось форсировать?

— Еще как удалось. Почти тысяча пленных. Это было в сводке. Ты что, не видел?

— Нет.

— Я тебе принесу. Это был настоящий coup de main[18].

— А как вообще?

— Отлично. Все наши на высоте. Мы тобой гордимся. Расскажи мне в точности, как все было. Я уверен, что ты получишь серебро. Давай, рассказывай. Все-все. — На секунду он задумался. — Может, ты еще и английскую медаль получишь. Я найду этого англичанина и попрошу, чтобы он тебя порекомендовал. Наверняка что-то сделает. Сильно мучаешься? Тебе надо выпить. Вестовой, принесите штопор. Ты бы видел, как я убрал три метра тонкой кишки — высший класс! Это для «Ланцета». Ты переведешь, и я им

---

[18] Примечания: 18

Удар, выпад; *здесь:* атака, застигшая неприятеля врасплох *(фр.).*

пошлю. Я расту с каждым днем. Малыш, как ты себя чувствуешь? Где этот чертов штопор? Ты такой смельчак и так мужественно держишься, что я забываю о твоих страданиях. — Он хлопнул перчатками о край кровати.

— Вот штопор, синьор лейтенант, — сказал вестовой.

— Откройте бутылку. Принесите стакан. Пей, малыш. Как твоя головушка? Я видел медицинское заключение. Нет у тебя никакой трещины. Этот майор с первого поста годится в мясники. У меня ты бы не почувствовал боли. У меня никто не чувствует боли. Я учусь, как надо делать. Каждый день учусь делать ровнее и лучше. Ты уж меня прости за мою болтовню, малыш. Тяжело видеть твои ранения. Ты пей. Хороший коньяк. Пятнадцать лир. Должен быть приличный. Пять звезд. Прямо от тебя я пойду к этому англичанину, и он тебе добудет английскую медаль.

— Их так просто не дают.

— Скромняга ты наш. Я к нему пошлю офицера связи. Он знает подход к англичанам.

— Ты видел мисс Баркли?

— Я приведу ее сюда. Прямо сейчас приведу.

— Не надо, — сказал я. — Расскажи мне о Горици. Как там девочки?

— Какие девочки? Уже две недели ни одной новенькой. Я туда больше не хожу. Сплошное безобразие. Это не девочки, а старые боевые товарищи.

— Совсем не ходишь?

— Только узнать новости. Захожу на минутку. Все про тебя спрашивают. Это безобразие, они торчат так долго, что становятся твоими друзьями.

— Возможно, девочки больше не хотят ехать на фронт.

— Еще как хотят. У них полно желающих. Просто такое начальство. Их придерживают для тыловых крыс.

— Бедный Ринальди, — сказал я. — Один на войне, без новых девочек.

Ринальди налил себе еще коньяку.

— Малыш, выпей. Хуже не будет.

Я выпил и почувствовал, как тепло пошло вниз. Ринальди налил еще стакан. Он притих. Поднял стакан:

— За твои доблестные ранения! За серебряную медаль! Признайся, малыш, когда ты так часами поджариваешься, неужели не испытываешь возбуждения?

— Бывает.

— Не представляю, как можно столько лежать. Я бы умом тронулся.

— Ты и так тронулся.

— Скорее возвращайся. Не с кем возвращаться после ночных приключений. Не над кем потешаться. Не у кого взять в долг. Я потерял побратима и сожителя. И зачем тебе понадобились эти ранения?

— Ты можешь потешаться над священником.

— Священник! Я, что ли, над ним потешаюсь? Это капитан. А мне он нравится. Хочешь священника — будет тебе священник. Он собирается к тебе в гости. Целый день готовится.

— Я его люблю.

— Я давно подозревал. Иногда мне кажется, что вы оба немножко не по этой части. Ну, ты меня понимаешь.

— Ничего ты не подозревал.

— Нет, правда. Как некоторые в первом полку бригады Анкона.

— Иди ты к черту.

Он поднялся и натянул перчатки.

— Обожаю тебя дразнить, малыш. Ты можешь дружить со священником и англичанкой, но в душе такой же, как я.

— Вот уж нет.

— Да. Ты истинный итальянец. Весь горишь, дымишься — а внутри пусто. Ты только изображаешь из себя американца. Мы братья, и мы любим друг друга.

— Веди себя хорошо, пока я здесь.

— Я пришлю мисс Баркли. Тебе лучше с ней без меня. Ты чище и нежнее.

— Иди ты к черту.

— Я пришлю ее. Твою прекрасную холодную богиню. Английскую богиню. Господи, что может мужчина делать с такой женщиной? Только молиться на нее. Для чего еще годится англичанка?

— Ты богохульник и невежественный даго[19].

— Кто я?

— Ты невежественный макаронник.

— Сам ты макаронник. Только холодный как лед.

— Невежественный, тупой. — Я заметил, что последнее слово его задело, и продолжил: — Необразованный. Незрелый. Отупевший от своей незрелости.

— Вот как? Тогда я тебе кое-что скажу про твоих порядочных девушек. Про твоих богинь. Есть лишь одно отличие между порядочной девушкой

---

[19] Примечания: 19

Даго — американское прозвище итальянцев и испанцев.

и женщиной, которую ты берешь. Девушке больно. — Он шлепнул перчатками по изголовью. — И еще неизвестно, понравится ли это девушке.

— Не сердись.

— Я не сержусь. Просто говорю это тебе, малыш, для твоей же пользы. Чтобы оградить тебя от неприятностей.

— Это единственное отличие?

— Да. Но миллионы дураков вроде тебя этого не знают.

— Как хорошо, что ты мне сказал.

— Не будем ссориться, малыш. Я ведь тебя люблю. Но не будь дураком.

— Нет. Я буду таким же мудрым, как ты.

— Не сердись, малыш. Смейся. Пей. А мне пора идти.

— Ты настоящий друг.

— Вот видишь. В душе мы все одинаковы. Братья по оружию. Поцелуемся на прощание.

— Ты слюнявый.

— Нет. Просто я более любящий.

Я почувствовал его дыхание.

— Пока. Скоро я к тебе еще наведаюсь. — Его дыхание отдалилось. — Не буду тебя целовать, если ты не хочешь. Я пришлю твою английскую девушку. Пока, малыш. Коньяк под кроватью.

Выздоравливай поскорее.

Он ушел.

Глава одиннадцатая

Когда пришел священник, уже стемнело. Нам принесли суп, потом забрали пустые тарелки, и я лежал, поглядывая то на ряды коек, то в окно на дерево, макушку которого слегка раскачивал вечерний бриз. Он проникал в палату, и по вечерам становилось прохладнее. Мухи сидели на потолке и электрических лампочках, болтавшихся на проводах. Свет включали, только когда приводили гостя или надо было что-то сделать. Наступление темноты сразу после сумерек возвращало в детство, когда меня после раннего ужина укладывали в постель. Между коек прошел вестовой и остановился. Рядом с ним я различил еще один силуэт. Это был священник, маленький, смуглолицый и смущенный.

— Как вы себя чувствуете? — спросил он, ставя на пол какие-то пакеты.

— Все хорошо, святой отец.

Он присел на стул, ранее поставленный для Ринальди, и от смущения вперился в окно. Он казался ужасно уставшим.

— Я ненадолго, — сказал он. — Время позднее.

— Да нет. Как там наша столовая?

Он улыбнулся.

— Я по-прежнему главный объект для шуток. — Голос у него тоже был усталый. — Слава Богу, все живы-здоровы. Я так рад, что вы в порядке. Надеюсь, вы не очень страдаете.

Кажется, я никогда не видел его таким измученным.

— Уже нет.

— Мне вас не хватает в столовой.

— Хотел бы я быть там. Я всегда получал удовольствие от наших разговоров.

— Я вам принес разные мелочи. — Он взял в руки пакеты. — Москитная сетка. Бутылка вермута. Вы любите вермут? А это английские газеты.

— Можно вас попросить открыть пакеты?

Он с радостью выполнил мою просьбу. Я держал в руках москитную сетку. Вермут он мне показал и снова поставил бутылку на пол. Я поднял над собой одну газету. Повернув ее так, чтобы слабый свет из окна падал на страницу, я мог читать заголовки. Это оказалась «Ньюс оф уорлд».

— Остальные иллюстрированные, — сказал гость.

— С удовольствием почитаю. Где вы их раздобыли?

— Я посылал человека в Местре. Мне привезут

еще.

— Здорово, что вы пришли, святой отец. Как насчет вермута?

— Спасибо. Держите при себе. Это для вас.

— Нет уж, выпейте стаканчик.

— Ну хорошо. Я вам тогда еще захвачу.

Вестовой принес стаканы. Открывая бутылку, он сломал пробку, и кончик пришлось протолкнуть внутрь. Видно было, что священник огорчился, но вслух сказал:

— Ничего. Не страшно.

— Ваше здоровье, святой отец.

— Чтобы вы скорее пошли на поправку.

Когда он выпил и держал перед собой пустой стакан, наши взгляды встретились. Мы с ним периодически беседовали и вообще были хорошими друзьями, но сегодня сразу как-то не заладилось.

— Что случилось, святой отец? У вас такой усталый вид.

— Я чувствую усталость, хотя для этого нет оснований.

— Это жара.

— Но ведь еще только весна. Я совсем расклеился.

— Вам обрыдла война.

— Нет. Скорее я ее ненавижу.

— Мне она тоже не нравится, — сказал я.

Он покачал головой и посмотрел в окно.

— Вы не против. Вы просто ее не видите. Простите меня. Вы были ранены.

— Чистая случайность.

— Даже будучи раненым, вы ее не видите. Хотя я ее тоже не вижу, но как-то ощущаю.

— Когда меня ранили, мы разговаривали о войне. Я и Пассини.

Священник поставил стакан. Он думал о чем-то.

— Я их понимаю, потому что я такой же, как они, — сказал он.

— Вы другой.

— По большому счету такой же.

— Офицеры вообще ничего не видят.

— Некоторые видят. Есть очень тонкие, и они переживают больше нас с вами.

— В основном они другие.

— Тут дело не в образовании и не в деньгах. Это что-то иное. Даже имей они образование и деньги, люди вроде Пассини не подались бы в офицеры. Я бы не подался.

— По рангу вас можно считать офицером. И я офицер.

— Так да не так. Вы даже не итальянец. Вы иностранный подданный. Но все-таки вы ближе к офицерам, чем к простым людям.

— А в чем разница?

— Не знаю, как объяснить. Есть люди, заточенные на войну. В этой стране таких много. А есть люди, не заточенные на войну.

— Но первые их в нее втягивают.

— Да.

— А я им в этом помогаю.

— Вы иностранец. Вы патриот.

— А те, которые не заточены на войну? Они могут ее остановить?

— Я не знаю на это ответа.

Он снова посмотрел в окно, а я наблюдал за выражением его лица.

— Им хоть однажды удалось ее остановить?

— Они недостаточно организованы, чтобы что-то остановить, а стоит им организоваться, как их лидеры продают их с потрохами.

— Значит, все безнадежно?

— Безнадежных ситуаций не бывает. Но иногда я теряю надежду. Я хочу надеяться, но у меня не всегда получается.

— Может, война закончится?

— Хотелось бы верить.

— И чем вы тогда займетесь?

— Вернусь в Абруцци, если это возможно.

Его смуглое лицо вдруг просветлело.

— Любите Абруцци?

— Да, очень люблю.

— Так поезжайте.

— Я был бы счастлив. Жить там, любить Бога, служить ему.

— И вызывать уважение, — добавил я.

— Да, и вызывать уважение. А что?

— Ничего. Вы его заслужили.

— Это не так важно. Главное, в моих краях все понимают, что человек может любить Бога. Из этого не делают похабный анекдот.

— Я понимаю.

Он с улыбкой на меня посмотрел.

— Вы понимаете, но вы не любите Бога.

— Нет.

— Совсем не любите? — спросил он.

— Иногда по ночам я Его боюсь.

— Попробуйте Его полюбить.

— Любовь — это не про меня.

— Почему же, про вас, — сказал он. — Если послушать рассказы о ваших ночных похождениях. Но это не любовь. Это всего лишь страсть и похоть. Когда кого-то любишь, хочется для него

что-то сделать. Чем-то пожертвовать. Хочется ему служить.

— Я никого не люблю.

— Вы полюбите. Знаю, что полюбите. И будете счастливы.

— Я и так счастлив. И всегда был счастливым.

— Это другое. О счастье можно судить, только когда ты его обрел.

— Что ж, — сказал я. — Если я его когда-нибудь обрету, вы об этом первый узнаете.

— Я слишком долго сижу и слишком много говорю. — В его словах сквозила озабоченность.

— Нет, постойте. А любовь к женщинам? Если я полюблю женщину, это будет то же самое?

— Про это я ничего не знаю. Я никогда не любил женщину.

— А свою мать?

— Ее — да.

— Вы всегда любили Бога?

— Еще мальчиком.

— М-м-м. — Я не знал, что сказать. — Вы прекрасный мальчик.

— Мальчик, к которому вы обращаетесь «святой отец».

— Из вежливости.

Он улыбнулся.

— Мне правда надо идти. Я вам зачем-нибудь нужен? — с надеждой спросил он.

— Нет. Только поговорить.

— Я всем передам от вас приветы.

— Спасибо за прекрасные подарки.

— Не за что.

— Приходите еще.

— Да. До свидания. — Он погладил меня по руке.

— Чао, — сказал я по-простому.

— Чао, — ответил он.

В палате было темно, и вестовой, все это время сидевший у меня в изножье, поднялся и проводил гостя. Мне очень нравился священник, и хотелось надеяться, что когда-нибудь он вернется в Абруцци. В столовой его, конечно, третировали, а он все это терпел, сейчас же я больше думал о том, как сложится его жизнь в родном краю. Ниже Капракотты, как он мне рассказывал, в речке водилась форель. По ночам там запрещалось играть на флейте. Молодые люди пели серенады, но на флейте — ни-ни. Я спросил почему. Потому что звуки флейты плохо действуют на девичий сон. Крестьяне там величают тебя «дон» и при встрече снимают шляпу. Его отец каждый день охотится и заглядывает в крестьянские дома, чтобы пере-

кусить. Для них это честь. А чтобы иностранцу получить разрешение на охоту, тот должен представить документ, что он никогда не подвергался аресту. В Гран-Сассо-д'Италиа водятся медведи, но это не ближний свет. Аквила красивый городок, там летними вечерами прохладно. Если же говорить о весне, то во всей Италии лучше, чем в Абруцци, не бывает. А еще хороша осень, когда можно охотиться в каштановых рощах на птиц. Они откормленные, поскольку поклевывают виноград. И не нужно брать с собой еду, так как местные крестьяне почитают за честь принять вас у себя. Я сам не заметил, как уснул.

Глава двенадцатая

Палата была длинная, с окнами по правую руку и дверью в дальнем конце, которая вела в перевязочную. Один ряд коек, включая мою, находился напротив окон, вдоль стены, а второй был под окнами. Лежа на левом боку, я видел дверь в перевязочную. Там была еще одна дверь, откуда иногда появлялись люди. Если кто-то начинал отходить, койку закрывали ширмой, чтобы больные не видели агонии, только из-под ширмы выглядывали ботинки и обмотки врачей и санитаров, да еще под конец оттуда доносился шепоток. Из-за ширмы появлялся священник, а затем туда входили санитары и выходили с покойником, накрытым одеялом, и несли его по проходу между коек, а кто-то складывал ширму и уносил.

В то утро майор, отвечавший за отделение, спросил меня, готов ли я к путешествию. Я ответил, да. Он сказал, что меня отправят завтра рано утром. Мне будет легче перенести дорогу, объяснил он, до наступления жары. Когда тебя несли в перевязочную, из окна можно было разглядеть свежие могилы в саду. На крылечке

солдат ладил кресты и краской выводил на них имя, звание и полк очередного погребенного. Он выполнял разные поручения, а в свободное время смастерил для меня зажигалку из холостого патрона для австрийской винтовки. Врачи были очень приятные и, судя по всему, знающие. Они были озабочены тем, чтобы направить меня в Милан, где лучше рентгеновское оборудование и где после операции я смогу пройти курс лечебной физкультуры. Мне тоже хотелось в Милан. Больничное начальство стремилось услать нас подальше и освободить койки, которые понадобятся, когда начнется наступление.

Накануне отправки ко мне в полевой госпиталь пришел Ринальди и с ним майор из нашей столовой. От них я узнал, что меня везут в только что открытый американский госпиталь в Милане. Туда направят несколько наших бригад скорой помощи, и госпиталь возьмет их под свое крыло вместе со всеми американскими военнослужащими в Италии. В Красном Кресте таких было много. Штаты объявили войну Германии, но не Австрии.

Итальянцы не сомневались, что Америка и Австрии объявит войну, и страшно радовались появлению каждого американца, пусть даже из

Красного Креста. Они спрашивали меня, когда же президент Вильсон объявит войну Австрии, и я отвечал, мол, не сегодня-завтра. Я не знал, что мы имеем против Австрии, но казалось логичным объявить ей войну, раз мы выступили против Германии. А войну Турции? Вот это сомнительно. Турция, вещал я, наша национальная птица[20]. В переводе шутка теряла смысл, и, видя их озадаченные и подозрительные взгляды, я сказал, да, Турции, вероятно, тоже объявим. А Болгарии? Мы уже выпили не по одному стакану коньяка, и я ответил, а то как же, и Болгарии, и Японии. Но ведь Япония, возражали мне, союзница Англии. Англичане такой народишко, отвечал я, что им верить нельзя. Японцы хотят отжать у нас Гавайи. А Гавайи — это где? Это в Тихом океане. А зачем они японцам? Да не нужны они им, отвечал я. Так, одни разговоры. Японцам, этому чудному маленькому народу, подавай танцы и легкие вина. Как и французам, подхватил майор. У французов мы заберем Ниццу и Савойю. А еще Корсику и все Адриатическое побережье, сказал Ринальди. Италия вернет себе величие Рима, заявил майор. Не люблю Рим, сказал я. Там жарко и полно блох.

---

[20] Примечания: 20

Национальная птица — игра слов: имеется в виду индейка (turkey).

Ты не любишь Рим? Еще как люблю. Рим — это праматерь народов. Я всегда буду помнить Ромула, сосущего Тибр. Что? Ничего. Все едем в Рим.

Поедем прямо сегодня и будем там жить. Рим прекрасный город, сказал майор. Праматерь народов, напомнил я. Рим мужского рода, поправил меня Ринальди. Он не может быть матерью. Ты еще скажи, что он не может быть отцом. А кто тогда отец? Святой Дух? Не богохульствуй. Я не богохульствую, это был уточняющий вопрос. Ты пьян, малыш. А кто меня напоил? Я вас напоил, признался майор. Я вас напоил, потому что люблю и потому что Америка влезла в эту войну. По самые гланды, сказал я. Малыш, утром ты уезжаешь, напомнил мне Ринальди. В Рим, кивнул я. Нет, в Милан. В Милан, подхватил майор: Хрустальный дворец, «Кова», «Кампари», Биффи, галерея Витторио Эммануэла. Счастливчик. За «Гран Италия», сказал я, где я одолжу денег у Джорджа. За «Ла Скала», провозгласил Ринальди. Ты будешь ходить в «Ла Скала». Каждый вечер, пообещал я. Каждый вечер не получится, заметил майор. Очень дорогие билеты. Я выпишу вексель на предъявителя, моего деда, сказал я. Что вы напишете? Вексель на предъявителя. Ему придется заплатить, или я отправлюсь в тюрьму. Мистер

Каннингем в банке все оформит. Я буду жить за счет предъявительских чеков. Неужели дедушка допустит, чтобы его внука-патриота, отдающего свою жизнь за Италию, отправили за решетку? Да здравствует американский Гарибальди, сказал Ринальди. Да здравствуют предъявительские чеки, подхватил я. Давайте потише, сказал майор. Нас уже несколько раз просили, чтобы мы вели себя потише. Федерико, вы правда завтра утром уезжаете? Я же вам говорил, его отправляют в американскую лечебницу, напомнил Ринальди. К хорошеньким медсестричкам. Это вам не полевой госпиталь с бородатыми санитарами. Да, я помню, его отправляют в американскую лечебницу. Меня бороды не смущают, сказал я. Хочет человек отпустить бороду — на здоровье. Почему бы вам, майор, не отпустить бороду? Она не влезет в противогаз. Запросто. В противогаз чего только не влезает. Меня, например, тошнило в противогаз. Не так громко, малыш, предупредил меня Ринальди. Мы знаем, что ты был на фронте. Ох, малыш, что я тут буду делать без тебя? Нам пора отваливать, сказал майор. Хватит сентиментальничать. Слушай, у меня для тебя есть сюрприз. Твоя англичанка. Ну, медсестра, к которой ты каждый вечер наведывался

в гости. Она тоже едет в Милан. Еще с одной, в этот же госпиталь. Пока там ждут сестричек из Америки. Сегодня я разговаривал с начальником нашей медицинской бригады. Здесь, на фронте, оказалось слишком много женщин, и некоторых теперь отсылают обратно. Как тебе это нравится, малыш? Хорошо. И это все? Ты едешь в большой город, где тебя будет ублажать твоя англичанка. Почему я не получил ранение? Может, еще получишь, сказал я. Нам пора, встрял майор. Мы выпиваем, шумим и не даем Федерико отдохнуть. Не уходите. Нет, нам пора. Будь здоров. Удачи. Всего-всего. Чао. Чао. Чао. Возвращайся, малыш, поскорее. Ринальди меня чмокнул. Ты пахнешь крезоловым мылом. Пока, малыш. Пока. Всего-всего. Майор потрепал меня по плечу, и они вышли на цыпочках. Мне удалось уснуть, хотя я был сильно пьян.

На следующее утро мы отбыли в Милан и спустя сорок восемь часов прибыли на место. Дорога выдалась тяжелой. Не доезжая Местре, нас надолго отогнали на запасный путь, и в вагоны стали заглядывать подростки. Я послал одного за коньяком, но он вернулся и сказал, что может купить только граппу. Ладно, сказал я, и когда он принес бутылку, отдал ему сдачу, а мы с моим

соседом напились и проспали до Виченцы, где меня вывернуло наизнанку прямо на пол. Это было уже неважно, поскольку моего соседа до этого стошнило несколько раз туда же. Меня измучила жажда, и, когда поезд стоял под Вероной, я окликнул солдата, прогуливавшегося по платформе, и он мне принес воды. Я разбудил Жоржетти, моего собутыльника, и предложил ему глоток. Но он попросил полить ему на плечо и снова уснул. Солдат, вместо того чтобы взять мелочь, притащил мне сочный апельсин. Я высосал его, как мог, а мякоть выплюнул, продолжая наблюдать за тем, как солдат прогуливается туда-сюда мимо товарного вагона, но вот поезд дернулся, и мы поехали.

Книга вторая

Глава тринадцатая

В Милан мы приехали рано утром, и нас выгрузили на товарной станции. Меня повезли в американский госпиталь на санитарной машине. Лежа на носилках, я не понимал, какие кварталы мы проезжаем, но когда меня вынесли, увидел рынок и распахнутую дверь винной лавки, откуда девушка выметала мусор. Улицу поливали, и пахло ранним утром. Санитары поставили носилки на землю и вошли внутрь. Потом с ними вышел седоусый привратник в фирменной фуражке, но при этом в нарукавниках. Носилки в лифт не проходили, и они стали обсуждать, взять ли меня за руки, за ноги и подняться лифтом или тащить на носилках вверх по лестнице. Я слушал аргументы за и против. Решили ехать на лифте. Меня сняли с носилок.

— Эй, полегче, — сказал я. — Без рывков.

В кабине было не развернуться, и им пришлось согнуть мне ноги, отчего тело пронзила острая боль.

— Ноги-то распрямите, — попросил я.

— Мы не можем, синьор лейтенант. Слишком тесно. — Тот, кто это сказал, держал меня под

мышками, а я его за шею. Он дышал мне в лицо чесноком и красным вином.

— Поосторожнее, — сказал ему второй.

— А то я не осторожно!

— Говорю тебе, поосторожнее, — повторил тот, что держал меня за ноги.

Закрылись двери лифта, потом ограждающая решетка, и привратник нажал на кнопку четвертого этажа. Вид у него был озабоченный. Кабина медленно поползла вверх.

— Тяжелый? — спросил я у чесночного.

— Ерунда, — ответил он, кряхтя и обливаясь по́том.

Кабина методично доползла, куда надо, и остановилась.

Мужчина, державший мои ноги, открыл дверь и вышел первый. Мы оказались на площадке, куда выходили разные двери с медными круглыми ручками. Мужчина нажал на кнопку. Внутри прозвенел звонок, но никто не подошел. Тем временем привратник одолел лестничный подъем.

— Где люди? — поинтересовались санитары.

— Не знаю, — ответил привратник. — Спят внизу.

— Найдите кого-нибудь.

Привратник нажал на звонок, потом постучал,

потом открыл дверь своим ключом и вошел.

Вернулся он с пожилой женщиной в очках. Волосы у нее растрепались, несколько прядок выбились. Она была в форме медсестры.

— Я не понимаю, — сказала она. — Я не понимаю итальянского.

— Я говорю по-английски, — успокоил я ее. — Они хотят меня где-то пристроить.

— Но палаты еще не готовы. Мы пока не ждали больных. — Она поправила волосы и близоруко вперилась в меня.

— Покажите им любую палату, где меня можно разместить.

— Даже не знаю. Мы никого не ждали. Я не могу вас разместить вот так, в любой палате.

— Сойдет любая, — сказал я ей. А затем привратнику на итальянском: — Найдите пустую палату.

— Они все пустые, — ответил тот. — Вы первый больной. — Он держал в руке фуражку и вопросительно глядел на пожилую сиделку.

— Бога ради, отнесите меня уже куда-нибудь. — Из-за согнутых ног боль все нарастала и нарастала, и я чувствовал, как она пульсирует в самой кости. Привратник прошел внутрь в сопровождении седовласой сиделки и поспешно вернулся.

— Идите за мной, — сказал он.

Меня понесли по длинному коридору, и мы вошли в комнату с опущенными шторами. Здесь пахло новой мебелью. Меня положили на койку, рядом с которой стоял большой зеркальный шкаф.

— Я не могу ее застелить, — сказала медсестра. — Простыни заперты.

Я не стал с ней разговаривать.

— Деньги в кармане, — обратился я к привратнику. — Карман застегнут на пуговицу.

Он их вытащил. Санитары стояли перед койкой, держа в руках пилотки.

— Дайте каждому по пять лир и столько же возьмите себе. Мои документы в другом кармане. Отдайте их медсестре.

Санитары откозыряли и поблагодарили.

— Счастливо, — сказал я. — Огромное вам спасибо.

Они еще раз откозыряли и вышли.

— Здесь моя медицинская карточка и история болезни, — пояснил я сестре.

Она взяла бумаги в руки и стала изучать сквозь очки. Для этого ей пришлось их развернуть.

— Вы меня поставили в тупик, — сказала она. — Я не читаю по-итальянски. И не имею права

что-то делать без указания врача. — Она заплакала и сунула документы в карман передника. — Вы американец? — спросила она сквозь слезы.

— Да. Пожалуйста, положите бумаги на столик.

В палате было сумеречно и прохладно. Лежа на кровати, я видел большое зеркало в другом конце комнаты, но что в нем отражается, отсюда было не разглядеть. Привратник стоял рядом. Он был славный и весьма любезный.

— Вы можете идти, — сказал я ему. — И вы тоже, — обратился я к сестре. — Как вас зовут?

— Миссис Уокер.

— Вы можете идти, миссис Уокер. Я, пожалуй, посплю.

Я остался один. В палате было прохладно, и больницей здесь не пахло. Матрас твердый и удобный. Я лежал неподвижно, дыша почти незаметно, наслаждаясь ощущением уходящей боли. Через какое-то время мне захотелось пить, и я подергал за шнурок с колокольчиком, но никто не отозвался. Я уснул.

Проснувшись, я огляделся. Сквозь закрытые ставни пробивались солнечные лучи. Взгляд зафиксировал большой платяной шкаф, голые стены и два стула. Мои ноги в грязных бинтах

торчали передо мной, как две палки. Я старался ими не шевелить. Испытывая жажду, я позвонил в колокольчик. На этот раз дверь открылась, и на пороге появилась молоденькая и хорошенькая сестра.

— Доброе утро, — сказал я.

— Доброе утро. — Она подошла к кровати. — Мы не смогли вызвать доктора. Он уехал на озеро Комо. Мы не ждали больных. А кстати, что с вами?

— Я получил ранения. Оба колена и ступни, и еще голова задета.

— Как вас зовут?

— Генри. Фредерик Генри.

— Я вас обмою. Но трогать повязки без доктора мы не можем.

— Здесь работает мисс Баркли?

— Нет. Я не знаю никого с такой фамилией.

— А кто эта женщина, которая меня принимала и расплакалась?

Сестра засмеялась.

— Миссис Уокер. У нее было ночное дежурство, а она спала, поскольку мы никого не ждали.

Пока мы беседовали, она меня раздела догола и стала обмывать, очень деликатно и ловко. Одно удовольствие. Голову она тоже обтерла, не касаясь повязки.

— Где вы получили ранения?

— На Изонцо, севернее Плавы.

— Где это?

— К северу от Гориции.

Видно было, что эти названия ей ни о чем не говорят.

— У вас сильные боли?

— Нет. Сейчас нет.

Она вставила мне в рот градусник.

— Итальянцы ставят под мышку, — не без труда выговорил я.

— Не разговаривайте.

Когда пришло время его вынуть, она поглядела температуру и встряхнула градусник.

— Какая у меня температура?

— Вам знать не полагается.

— Скажите.

— Почти нормальная.

— У меня не бывает высокой температуры. А мои ноги начинены старым железом.

— В каком смысле?

— Осколки мины, ржавые шурупы, кроватные пружины и все такое.

Она улыбнулась и покачала головой:

— Если бы в вашем теле находились посторонние предметы, это бы вызвало воспалительный

процесс, и у вас бы поднялась температура.

— Что ж, — сказал я, — посмотрим, что покажет операция.

Она вышла и вскоре вернулась вместе с ночной сестрой. Вместе они застелили постель прямо подо мной. Для меня это было открытие и удивительная процедура.

— Кто тут главный?

— Мисс Ван Кампен.

— А сколько всего сестер?

— Только мы вдвоем.

— А еще будут?

— Должны приехать.

— И когда они здесь появятся?

— Не знаю. Для больного вы задаете слишком много вопросов.

— Я не болен, а ранен, — поправил я ее.

Они постелили, и теперь я лежал на свежей простынке, укрытый такой же. Миссис Уокер принесла пижамную курточку, в которую меня облачили. Теперь я был такой чистенький и одетый.

— Вы сама любезность, — сказал я. Сестра, которую звали мисс Гейдж, хихикнула. — Можно мне воды? — попросил я.

— Конечно. А потом вы позавтракаете.

— Я не хочу завтракать. Нельзя ли открыть ставни?

В палате царил полумрак, когда же открыли ставни, комнату залил яркий свет. За балконом просматривались черепичные крыши домов и кирпичные трубы, а над ними синее небо и белые облака.

— Неужели вы не знаете, когда приезжают новые сестры?

— Почему вы спрашиваете? Мы недостаточно хорошо с вами обращаемся?

— Вы выше всяких похвал.

— Не хотите воспользоваться судном?

— Я попробую.

Они меня приподняли и подложили судно, но у меня ничего не получилось. Потом я лежал и через раскрытую дверь разглядывал вид, открывающийся с балкона.

— Когда придет врач?

— Как вернется. Мы пытались до него дозвониться в Комо.

— А других врачей нет?

— Он наш лечащий врач.

Мисс Гейдж принесла графин с водой, и я выпил три стакана. Они меня оставили, и я какое-то время смотрел в окно, а потом уснул. Потом был

ленч, а днем меня навестила мисс Ван Кампен, завотделением. Я ей не понравился, как и она мне. Она была маленького росточка, очень мнительная и чересчур важная. Она задавала один вопрос за другим и, кажется, находила зазорной мою службу в итальянской армии.

— Можно мне вина вместе с едой? — спросил я ее.

— Только по предписанию врача.

— А без него никак?

— Исключено.

— Вы уверены, что он когда-нибудь появится?

— Мы ему позвонили.

Она ушла, и вскоре появилась мисс Гейдж.

— Зачем вы так грубо разговаривали с мисс Ван Кампен? — спросила она, после того как весьма умело проделала со мной одну процедуру.

— Разве? Она была высокомерна.

— Она сказала, что вы держитесь властно и грубо.

— Вот уж нет. Но что это за госпиталь без врача?

— Он приедет. Ему позвонили на озеро Комо.

— А чем он там занимается? Плавает?

— Нет. У него там клиника.

— Почему тогда не пригласить другого врача?

— Ш-ш-ш. Ш-ш-ш. Ведите себя хорошо, и он приедет.

Я послал за привратником, и когда он пришел, попросил его на итальянском купить в винной лавке бутылку чинзано, фляжку кьянти и вечерние газеты. Он все принес в завернутом виде и вынул из газет, а затем по моей просьбе вынул пробки и поставил вино и вермут под кровать. Оставшись один, я лежа почитал газеты — новости с фронта, сводку о погибших офицерах и их боевых наградах, — потом выудил из-под кровати бутылку чинзано и поставил ее на живот, стеклянное дно приятно холодило кожу, я понемногу прикладывался, оставляя все новые кружки на животе, и небо за окном постепенно темнело. Я потягивал чинзано и наблюдал за тем, как ласточки и ночные ястребы взмывают над крышами домов. Мисс Гейдж принесла мне гоголь-моголь. Когда она появилась в дверях, я быстро сунул бутылку между стеной и кроватью.

— Мисс Ван Кампен добавила сюда немного шерри, — сказала она. — Вы уж с ней повежливее. Она уже немолода, а на ее плечах целый госпиталь — большая ответственность. И от старушки Уокер толку никакого.

— Прекрасная женщина, — сказал я. — Пере-

дайте ей мое огромное спасибо.

— Я принесу вам ужин.

— Это необязательно, — сказал я. — Я не голоден.

Но она все равно принесла и поставила поднос на прикроватный столик. Я ее поблагодарил и немного поклевал. Когда стемнело, я понаблюдал за тем, как лучи прожекторов прочесывают небо, пока не отключился. Сон был глубокий, и очнулся я лишь раз, весь в поту от ужаса, но потом снова провалился, стараясь не возвращаться в свой ночной кошмар. По-настоящему я проснулся еще до рассвета, услышав, как запели петухи, и прободрствовал, пока не взошло солнце. Но усталость взяла свое, и я снова уснул.

Глава четырнадцатая

Когда я совсем проснулся, комнату заливал солнечный свет. Я подумал, что я на фронте, и потянулся. Почувствовав боль, я посмотрел на свои ноги в грязных бинтах и вспомнил, где нахожусь. Я дернул за шнурок колокольчика. Звонок прозвучал в коридоре, где вскоре послышался приближающийся скрип резиновых подошв. Это была мисс Гейдж. При ярком свете она оказалась не такой молоденькой и миловидной.

— Доброе утро, — сказала она. — Хорошо выспались?

— Да, спасибо, — ответил я. — Можно сюда вызвать парикмахера?

— Я заходила, когда вы спали, и вот что я обнаружила у вас в постели. — Она открыла платяной шкаф и вытащила чинзано. Бутылка была почти пуста. — Вторую, которую нашла под кроватью, я убрала туда же, — сказала она. — Почему вы не попросили у меня стакан?

— Я подумал, что вы не дадите.

— Я бы выпила с вами.

— Вы прелесть.

— Вам вредно пить одному. Не надо.

— Хорошо.

— Приехала ваша подруга мисс Баркли, — сказала она.

— Правда?

— Да. Она мне не понравилась.

— Еще понравится. Она чудесная.

Сестра покачала головой:

— Вам виднее. Вы не могли бы немного подвинуться в эту сторону? Вот так. Вам надо перед завтраком умыться. — Она протерла меня тканевой салфеткой, смоченной в теплой мыльной воде. — Приподнимите руку, — попросила она. — Так хорошо.

— Можно вызвать парикмахера до завтрака?

— Я пошлю за ним привратника. — Она ушла и вскоре вернулась. — Он пошел за ним, — сказала она и положила салфетку в тазик с водой.

Парикмахер пришел в сопровождении привратника. Это был мужчина лет пятидесяти с закрученными усами. Мисс Гейдж, покончив с умыванием, ушла, а парикмахер вымазал мне все лицо мыльной пеной и стал меня брить. Он был очень серьезен и не раскрывал рта.

— В чем дело? — спросил я. — Вы не в курсе последних новостей?

— Каких новостей?

— Любых. Что происходит в городе?

— Военное время. Повсюду вражеские уши.

Я попробовал заглянуть ему в глаза.

— Держите голову прямо, — сказал он и продолжил меня брить. — Ничего я вам не буду рассказывать.

— Да что это с вами? — спросил я.

— Я итальянец. И не стану разговаривать с врагом.

Я оставил его в покое. Чем скорее я освобожусь от бритвы этого психа, тем лучше. Один раз я попробовал разглядеть его получше, но в ответ услышал:

— Осторожнее. Лезвие острое.

Когда все закончилось, я ему заплатил и дал пол-лиры сверху. Он вернул чаевые.

— Я не возьму. Тут вам не фронт. Я итальянец.

— Проваливайте.

— С вашего позволения.

Он завернул бритвы в газету и вышел, оставив на тумбочке пять медных монет. Я позвонил в колокольчик. Появилась мисс Гейдж.

— Вы не пригласите ко мне привратника?

— Хорошо.

Пришел привратник. Он просто давился от смеха.

— Этот парикмахер сумасшедший?

— Нет, синьорино. Он все перепутал. Он меня не понял и решил, что вы австрийский офицер.

— Вот как.

— Ха, ха, ха. Такой шутник. Еще бы, говорит, одно неловкое движение, и я бы его… — Он провел себя по горлу большим пальцем. — Ха, ха, ха. — Его просто разбирал смех. — Я ему объясняю, что вы не австриец. Ха, ха, ха.

— Ха, ха, ха, — с горечью повторил я. — Если бы он перерезал мне горло, вот было бы смеху.

— Нет, синьорино. Нет, нет. Он так боялся, что вы австриец. Ха, ха, ха.

— Ха, ха, ха, — передразнил я его. — Проваливайте.

Он ушел, и из коридора еще доносился его смех. Потом я услышал чьи-то шаги и поднял глаза. В дверях стояла Кэтрин Баркли.

Она подошла к моей кровати и сказала:

— Здравствуй, милый. — Она была такая свежая, молодая и красивая. Я подумал, что никогда не встречал таких красавиц.

— Привет. — Я ее увидел и влюбился. Во мне все перевернулось. Она бросила взгляд на дверь и, видя, что мы одни, присела на кровать, нагнулась и поцеловала меня. Я привлек ее к себе и

поцеловал, слыша, как бьется ее сердце.

— Сладкая моя, — сказал я. — Как чудесно, что ты сюда приехала.

— Это было не так трудно. Труднее будет остаться.

— Ты должна остаться. Ты просто чудо. — Она сводила меня с ума. Я не мог поверить, что она здесь, и прижимал ее все сильнее.

— Не надо, — сказала она. — Ты еще нездоров.

— Еще как здоров. Ну же.

— Нет. Ты еще не вполне выздоровел.

— Вполне. Точно тебе говорю. Ну пожалуйста.

— Ты меня любишь?

— Еще как. Я с ума по тебе схожу. Иди же ко мне.

— Чувствуешь, как бьются наши сердца?

— К черту сердца. Я тебя хочу. Ты меня сводишь с ума.

— Ты правда меня любишь?

— Хватит повторять. Иди ко мне. Прошу тебя. Кэтрин, ну пожалуйста.

— Хорошо, но только на одну минутку.

— Ладно. Запри дверь.

— Тебе нельзя. Ты не должен.

— Давай. Не надо слов. Я тебя прошу.

Кэтрин сидела на стуле у кровати. Дверь в ко-

ридор снова была открыта. Безумие прошло. Еще никогда я так хорошо себя не чувствовал.

— Теперь ты веришь, что я тебя люблю? — спросила она.

— Ты чудо, — сказал я. — Ты должна остаться. Они не имеют права тебя услать. Я от тебя без ума.

— Нам надо быть ужасно осторожными. Это было безумие. Это невозможно.

— Ночью возможно.

— Нам надо быть предельно осторожными. И тебе в присутствии посторонних.

— Я буду.

— Так надо. Ты чудесный. Ты ведь меня любишь?

— Не повторяй этих слов. Ты не понимаешь, как они на меня действуют.

— Я буду за собой следить. Не хочу тебя излишне волновать. Дорогой, мне правда надо идти.

— Скорее возвращайся.

— Когда смогу.

— Пока.

— Пока, милый.

Она ушла. Видит Бог, я не хотел в нее влюбляться. Я ни в кого не хотел влюбляться. И вот тебе на, влюбился. Я лежал на кровати в милан-

ском госпитале, и в голове все перемешалось, но чувствовал я себя прекрасно, а потом пришла мисс Гейдж.

— Доктор приедет, — сказала она. — Он позвонил из Комо.

— Когда он приедет?

— После обеда.

Глава пятнадцатая

До обеда не случилось ничего примечательного. Доктор оказался тихим, худощавым, небольшого роста мужчиной, которого война, похоже, уже достала. Он извлек из моих ног множество мелких стальных осколков с этакой деликатной и породистой брезгливостью. Он применил местную анестезию или что-то вроде «заморозки», снимавшей болевые ощущения, пока зонд, скальпель или зажим не выходили за пределы замороженного участка, более чем очевидного для пациента. После того как запас деликатности был исчерпан, доктор предложил сделать рентгеновский снимок, так как зондирование не дало желаемого результата.

Врач, делавший мне рентген в Ospedale Maggiore[21], был человек веселый и сноровистый. Больного поддерживали за плечи, чтобы он мог своими глазами видеть на экране наиболее крупные осколки. Снимки должны были прислать позже, а пока врач попросил меня написать в блокноте мою фамилию, полк и какие-нибудь по-

---

[21] Примечания: 21
Главный госпиталь *(итал.).*

желания. Инородные предметы в человеческом теле он считал уродством, мерзостью и проявлением жестокости. Австрийцы сущие негодяи. Много ли я их убил? На самом деле никого, но, чтобы сделать ему приятное, я сказал, что много. Меня сопровождала мисс Гейдж, и врач, приобняв ее, заметил, что она своей красотой затмевает Клеопатру. Он понятно выразился? Клеопатра, царица Древнего Египта. Затмевала, как Бог свят. Мы вернулись в наш госпиталь на санитарной машине, и после непростой транспортировки я снова оказался наверху в своей постели. Снимки пришли в тот же день. Врач выполнил свое обещание. Кэтрин Баркли показала мне снимки. Она вынимала их из красных конвертов, подносила к свету, и мы вдвоем их разглядывали.

— Это твоя правая нога. — Она положила снимок обратно в конверт. — А вот твоя левая.

— Убери их, — сказал я, — и ложись рядом.

— Не могу, — возразила она. — Я заглянула на минутку, чтобы тебе их показать.

Она ушла, и я остался один. День был жаркий, и, когда мне осточертело лежать, я послал привратника за газетами. Пусть купит все, какие только будут.

Он еще не успел вернуться, как ко мне пожало-

вали трое врачей. Я давно заметил: врач-неудачник ищет такую же компанию, чтобы было с кем проконсультироваться. Доктор, который не в состоянии правильно вырезать вам аппендикс, порекомендует вам доктора, который не сможет успешно удалить вам гланды. Такие врачи ко мне пожаловали.

— Вот этот молодой человек, — представил меня лечащий врач с тонкими пальцами.

— Здравствуйте, — сказал его коллега, высокий, костлявый, с бородкой.

Третий, державший красные конверты с моими снимками, ничего не сказал.

— Снимаем бинты? — спросил бородатый.

— Да, конечно. Сестра, пожалуйста, снимите бинты, — обратился лечащий врач к мисс Гейдж. Что она и сделала. Я посмотрел на свои ноги. В полевом госпитале они походили на несвежий рубленый бифштекс. Теперь раны покрылись коркой, колено опухло и посерело, а икра ввалилась, зато гноя не было.

— Чистенько, — сказал лечащий врач. — Чистенько и славно.

— Луковицеобразный сосуд, — изрек бородатый.

Третий поглядел через плечо лечащего врача.

— Пожалуйста, согните в колене, — попросил меня бородатый.

— Я не могу.

— Проверим сустав? — спросил бородатый. У него на рукаве, помимо трех звездочек, была полоска. То есть капитан медицинской службы.

— Конечно, — согласился лечащий врач. Двое из них осторожно взяли меня за правую ногу и согнули ее в колене.

— Больно, — сказал я.

— Так. Так. Еще немного, доктор.

— Хватит. Дальше не сгибается, — предупредил я.

— Частичная подвижность, — изрек капитан медицинской службы и выпрямился. — Позвольте мне еще раз взглянуть на снимки, доктор. — Третий подал ему снимок. — Нет, левой ноги, пожалуйста.

— Это левая нога, доктор.

— Вы правы. Я посмотрел не под тем углом. — Он вернул снимок. На другом он задержался. — Видите? — Он показал на посторонний предмет сферической формы, хорошо видный на свет. Все трое стали изучать снимок.

— Вот что я могу сказать, — наконец изрек бородатый в чине капитана. — Это вопрос времени.

От трех до шести месяцев.

— Должна восстановиться синовиальная жидкость.

— Именно. Это вопрос времени. Добросовестный подход не позволяет мне вскрыть колено, пока пуля не инкапсулируется.

— Я согласен с вами, доктор.

— Шесть месяцев для чего? — спросил я.

— Чтобы пуля инкапсулировалась, после чего можно безопасно вскрывать колено.

— Я вам не верю, — сказал я.

— Молодой человек, вы хотите сохранить колено?

— Нет.

— Что?

— Я хочу, чтобы отрезали ногу по колено, и я буду носить на этом месте крючок.

— Вы о чем? Какой крючок?

— Он так шутит, — пояснил лечащий врач. И миролюбиво похлопал меня по плечу. — Он хочет сохранить колено. Отважный молодой человек был представлен к серебряной медали за доблесть.

— Мои поздравления, — сказал капитан и потряс мне руку. — Могу лишь повторить, что следует подождать по крайней мере шесть ме-

сяцев, прежде чем вскрывать такое колено. Конечно, у вас может быть свое мнение.

— Большое вам спасибо, — сказал я. — Ваше мнение для меня очень ценно.

Капитан медицинской службы посмотрел на часы.

— Нам надо идти, — сказал он. — Мои вам наилучшие пожелания.

— И вам того же. Премного благодарен. — Я обменялся рукопожатием с третьим врачом.

— Капитан Варини.

— Лейтенант Генри.

Все трое покинули палату.

— Мисс Гейдж, — позвал я. Она вошла. — Вы не попросите лечащего врача вернуться на минутку?

Он вошел с пилоткой в руке и остановился возле кровати.

— Вы хотели меня видеть?

— Да. Я не могу ждать операции шесть месяцев. Послушайте, доктор, вы сами когда-нибудь проводили полгода в постели?

— Вам не придется все это время лежать в постели. Сначала прогреете раны под солнцем. Потом встанете на костыли.

— Полгода ждать операции?

— Так безопаснее. Посторонние предметы должны инкапсулироваться, а синовиальная жидкость восстановиться. После этого можно будет безопасно вскрыть колено.

— Вы сами полагаете, что мне следует ждать так долго?

— В ваших интересах.

— Кто этот врач?

— Очень хороший хирург из Милана.

— Он ведь капитан?

— Да, но он отличный хирург.

— Я не хочу, чтобы в моей ноге ковырялся капитан. Хороший врач был бы уже майором. Я знаю, что такое капитан медицинской службы, доктор.

— Он отличный хирург, и я целиком и полностью доверяю его заключению.

— Другой хирург может посмотреть мою ногу?

— Если вы этого желаете. Хотя лично я прислушался бы к мнению доктора Вареллы.

— Вы можете пригласить другого хирурга?

— Я попрошу Валентини.

— Кто это?

— Хирург из Ospedale Maggiore.

— Хорошо. Я вам очень благодарен. Вы же, доктор, понимаете, что я не могу провести в постели шесть месяцев.

— Вы не проведете их в постели. Сначала вы примете солнечные ванны. Потом будут легкие упражнения. А потом, когда инкапсулируется, мы вас прооперируем.

— Но я не могу ждать шесть месяцев.

Доктор развел тонкие пальцы веером поверх пилотки и улыбнулся.

— Вы спешите вернуться на фронт?

— Почему бы нет?

— Прекрасно, — сказал он. — Благородный молодой человек. — Он наклонился и очень деликатно поцеловал меня в лоб. — Я пошлю за Валентини. Не переживайте, не надо излишне волноваться. Держитесь молодцом.

— Выпить не хотите? — спросил я.

— Нет, спасибо. Я вообще не пью.

— Один глоток? — Я позвонил привратнику, чтобы тот принес стаканы.

— Спасибо, не надо. Меня ждут.

— Всего хорошего, — сказал я.

— Всего хорошего.

Через два часа пришел загорелый доктор Валентини в чине майора. Он так торопился, что даже концы усов у него задрались вверх. Это был настоящий зубоскал.

— Как вы так вляпались? — поинтересовался

он. — Погляжу-ка я ваши снимки. Так, так. Ясно. Здоров как бык. А кто эта красотка? Ваша девушка? Я так и подумал. Сволочная война. Что чувствуете? Вы молодчина. Будете у меня как новенький. Больно? Еще бы. Этим эскулапам только дай волю. Вам что-нибудь уже делали? Эта девушка не говорит по-итальянски? Надо учить. Какая красотка. Я ее научу. Буду у вас еще одним пациентом. Или приму у нее роды бесплатно. Она все поняла? Эта блондиночка подарит вам славного мальчонку. Еще бы, такая красотка. Ну и славненько. Вот и хорошо. Спросите у нее, она со мной поужинает? Я не собираюсь ее у вас отбивать. Спасибо. Большое спасибо, мисс. Мы закончили. Это все, что мне нужно было выяснить. — Он потрепал меня по плечу. — Полежите без бинтов.

— Как насчет стаканчика, доктор Валентини?

— Почему нет. Только почему стаканчика? Лучше десять. Где они?

— В шкафу. Мисс Баркли нас угостит.

— Будьте здоровы. И вы, мисс. Ах, красотка. Я принесу вам коньяк получше этого. — Он вытер усы.

— Когда, по-вашему, можно будет сделать операцию?

— Завтра утром. Раньше не получится. Надо опорожнить желудок. Промыть все внутренности. Я поговорю со старой дамой внизу и оставлю ей инструкции. Всего хорошего. Завтра увидимся. Я принесу вам коньяк получше этого. Неплохо вы здесь устроились. Бывайте. До завтра. Хорошенько выспитесь. Я приду рано.

Он помахал с порога, усы торчали вверх, загорелое лицо расплылось в улыбке. Звезда в ромбе у него на рукаве говорила о том, что он майор.

Глава шестнадцатая

В ту ночь в палату влетела летучая мышь через балконную дверь, откуда открывался вид на крыши спящего города. В комнате было темно, если не считать проникавшего сумеречного света, поэтому она бесстрашно летала над нами, как под открытым небом. Нас она не замечала, настолько тихо мы лежали. А когда вылетела вон, мы увидели шарящий в небе луч прожектора, но потом он исчез, и снова стало темно. Ночной бриз принес голоса боевого расчета зенитки на соседней крыше. Им стало холодно, и они надели плащи с капюшоном. Я забеспокоился, что кто-то может нагрянуть, но Кэтрин меня заверила, что все дрыхнут. Мы уснули, а когда я открыл глаза, ее рядом не оказалось, но вскоре послышались шаги в коридоре, Кэтрин вернулась и сообщила, что все в порядке, она спустилась вниз и убедилась, что все тихо. Она постояла под дверью мисс Ван Кампен и слышала ее сонное дыхание. Кэтрин принесла галеты, и мы запивали их вермутом. Мы сильно проголодались, но она напомнила, что утром мне предстоит очистить желудок. Я задремал, когда уже начинало светать, а очнув-

шись, снова не нашел ее рядом. Она вошла, вся такая свежая и хорошенькая, и присела на кровать, а солнце поднималось выше, пока я держал во рту градусник, и мы вдыхали запахи росы и кофе, который пили парни из боевого расчета зенитки на соседней крыше.

— Вот бы нам прогуляться, — сказала Кэтрин. — Я бы тебя прокатила в инвалидном кресле.

— Интересно, как бы я в него забрался?

— Как-нибудь справились бы сообща.

— Поехали бы в парк, позавтракали бы на природе. — Я бросил взгляд на открытую дверь.

— Но сейчас мы займемся другим, — сказала она. — Подготовим тебя к приходу твоего дружка доктора Валентини.

— Классный парень.

— Я от него не в таком восторге, как ты. Но врач он, надо полагать, отличный.

— Ложись в постель, Кэтрин. Пожалуйста, — сказал я.

— Нельзя. Правда, у нас была чудесная ночь?

— А сегодня ты выйдешь на ночное дежурство?

— Очень может быть. Но ты меня не захочешь.

— Еще как захочу.

— Не захочешь. Тебя еще никогда не опери-

ровали. Ты себе не представляешь, в каком ты будешь состоянии.

— Я буду в порядке.

— Тебя будет выворачивать, и тебе будет не до меня.

— Тогда ложись сейчас.

— Нет, дорогой, — сказала она. — Я должна записать показания температуры и, главное, тебя подготовить.

— Ты меня не любишь, иначе бы снова легла.

— Вот глупый мальчик. — Она меня поцеловала. — Ну вот, с показаниями покончено. Температура у тебя всегда в норме. У тебя такая замечательная температура.

— А у тебя все замечательное.

— Вот уж нет. Я так горжусь твоей температурой.

— Может, у всех наших детей будет хорошая температура.

— У наших детей скорее всего будет зверская температура.

— А как ты должна меня подготовить к приходу Валентини?

— Ничего особенного. Но процедура малоприятная.

— По мне, так лучше бы ты этого не делала.

— По мне тоже. Но я не хочу, чтобы кто-то другой к тебе прикасался. Такая вот я глупая. Когда кто-то тебя обихаживает, меня начинает колотить.

— Даже если это Фергюсон?

— Особенно Фергюсон, а также Гейдж и эта, как там ее?

— Уокер?

— Ну да. Многовато у нас сестер. Если не поступят новые больные, нас куда-нибудь отправят. Как-никак четыре сестры.

— Наверняка еще поступят. Куда же без сестер? Такой большой госпиталь.

— Надеюсь, поступят. А что я буду делать, если меня отправят в другое место? Ведь отправят, если не поступят новые больные.

— Тогда и я с тобой.

— Не говори глупости. Тебе пока нельзя. Скорее поправляйся, милый, и мы куда-нибудь поедем.

— А потом?

— Может, война закончится. Не может же она продолжаться бесконечно.

— Я поправлюсь. Валентини поставит меня на ноги.

— С такими усами — непременно. Знаешь, милый, когда ты будешь под воздействием эфира,

думай о чем угодно, только не о нас. Люди под наркозом становятся жутко болтливыми.

— О чем же мне думать?

— О чем хочешь. Только не о нас. Думай о своих ребятах. Или хоть о другой девушке.

— Ну нет.

— Тогда читай молитвы. Это произведет отличное впечатление.

— Может, я не стану болтать.

— Тоже возможно. Не все болтают.

— Я не буду болтать.

— Не хвастайся, милый. Я тебя прошу. Такой симпатяга не должен хвастаться.

— Не скажу ни единого слова.

— Ну вот, расхвастался. Не надо, милый, не хвались. Просто, когда тебе скажут дышать глубже, начинай читать молитвы или стихи. Это будет мило, и я смогу тобой гордиться. Я и так тобой горжусь. У тебя такая замечательная температура, и спишь ты, как маленький мальчик, обняв подушку и думая, что это я. Или что это другая девушка? Какая-нибудь симпатичная итальянка?

— Это ты.

— Конечно, я. Ах, как же я тебя люблю. Валентини сделает из твоей ноги конфетку. Хорошо, что я не должна на это смотреть.

— Ты сегодня выйдешь на ночное дежурство?

— Да. Но тебе будет не до меня.

— Поживем — увидим.

— Ну вот, милый. Теперь ты чист снаружи и внутри. Скажи мне, многих ли женщин ты любил?

— Никого.

— Значит, и меня?

— Тебя — да.

— А еще?

— Больше никого.

— А сколько было тех, с кем ты, как сказать… проводил время?

— Нисколько.

— Ты меня обманываешь.

— Да.

— Это ничего. Обманывай дальше. Это то, чего я от тебя жду. Они были милашки?

— Ни с кем из них я не проводил время.

— Конечно. Они были очень привлекательные?

— Про это я ничего не знаю.

— Ты только мой. Это правда, и больше ты никогда и никому не принадлежал. А хоть бы и принадлежал. Я их не боюсь. Но ты мне о них не рассказывай. А когда мужчина остается у девуш-

ки, в какой момент она говорит, во что это ему обойдется?

— Понятия не имею.

— Ну разумеется. А она говорит, что любит его? По крайней мере на это ответь. Я хочу знать.

— Да. Если он хочет это от нее услышать.

— А он говорит, что любит ее? Пожалуйста, скажи. Мне это важно.

— Да, если хочет.

— Но ты не говорил? Так?

— Нет.

— Не говорил. Скажи мне правду.

— Нет, — солгал я.

— Ты бы не стал, — сказала она. — Знаю, не стал бы. Ах, я тебя люблю, милый.

Солнце уже поднялось над крышами, и я мог разглядеть в его лучах шпили кафедрального собора. Я был чист снаружи и внутри и готов к приходу доктора.

— И все? — удивилась Кэтрин. — Она говорит лишь то, что он хочет от нее услышать?

— Не всегда.

— А я буду всегда. Я буду говорить лишь то, что ты хочешь от меня услышать, и делать то, что ты хочешь, и тогда тебе будут не нужны другие девушки, правда ведь? — Она вся сияла. — Я ста-

ну делать и говорить то, чего ты ждешь, и буду пользоваться большим успехом, правда?

— Да.

— Что я должна сделать сейчас, когда ты подготовлен к визиту?

— Иди ко мне.

— Хорошо. Будь по-твоему.

— Милая, милая, милая.

— Видишь, — сказала она. — Я делаю все, что ты хочешь.

— Ты просто прелесть.

— Боюсь, что у меня это пока еще не очень получается.

— Ты прелесть.

— Я желаю того же, чего желаешь ты. Моего «я» больше не существует. Только твои желания.

— Ты чудо.

— Я хорошая. Правда, я хорошая? Тебе ведь не нужны другие девушки?

— Нет.

— Вот видишь? Я хорошая. Я делаю все, что ты хочешь.

Глава семнадцатая

Я пришел в себя после операции и понял, что никуда не провалился. Ты не проваливаешься. Тебя просто слегка придушили. Это не похоже на умирание, тебя просто слегка придушили с помощью химикатов, чтобы ты ничего не чувствовал, а после ты как будто пьян, но если тебя вывернет наизнанку, то только желчью, и легче тебе потом не станет. У себя в ногах я увидел мешки с песком. Они давили на стержни, прихваченные гипсовой повязкой. Через какое-то время ко мне зашла мисс Гейдж и спросила:

— Ну как вы?

— Лучше, — ответил я.

— Он отлично прооперировал ваше колено.

— Долго это продолжалось?

— Два с половиной часа.

— Я говорил какие-нибудь глупости?

— Ни слова. Не разговаривайте. Лежите молча.

Меня тошнило. Кэтрин как в воду глядела: мне было без разницы, чье сегодня ночное дежурство.

В госпитале теперь лежали еще трое: худенький паренек из Красного Креста, уроженец

Джорджии, с малярией; симпатичный и тоже худой парень из Нью-Йорка с малярией и желтухой; и симпатяга, попытавшийся свинтить в качестве сувенира капсюль-взрыватель с разрывного снаряда, начиненного шрапнелью. Снаряд этот, применявшийся австрийцами в горах, имел переднюю крышку, которая взрывалась при контакте.

Кэтрин Баркли стала любимицей сестер, так как бесконечно отрабатывала ночные дежурства. С малярийными хлопот было мало, а наш общий друг, любитель капсюля-взрывателя, не вызывал ее ночью без особой нужды, так что свободное время она проводила со мной. Я любил ее без памяти, и она любила меня. Днем мы отсыпались, а когда бодрствовали, писали друг другу записочки и передавали их через Фергюсон. Она была чудесная. Я знал о ней только то, что один ее брат служил в 52-й дивизии, а второй в Месопотамии и что она очень хорошо относилась к Кэтрин.

— Вы приедете на нашу свадьбу, Ферги? — спросил я ее однажды.

— Вы никогда не поженитесь.

— Поженимся.

— Нет.

— Почему?

— Вы разругаетесь до свадьбы.

— Мы вообще не ругаемся.

— Все впереди.

— Мы не ругаемся.

— Значит, кто-то умрет. Разругаетесь или кто-то умрет. Так со всеми происходит. Люди не женятся.

Я протянул к ней руку.

— Не трогайте меня, — сказала она. — Я не плачу. Может, у вас двоих все еще сложится. Только смотрите, не оставьте ее в положении. Иначе я вас убью.

— Не оставлю.

— Смотрите у меня! Я надеюсь, что все у вас получится. Вам хорошо вдвоем.

— Нам отлично вдвоем.

— Не ругайтесь и не оставьте ее в положении.

— Не оставлю.

— Смотрите в оба. Я не хочу, чтобы у нее на руках осталось дитя войны.

— Вы чудо, Ферги.

— Неправда. Не надо сказок. Как ваша нога?

— Отлично.

— А голова? — Она потрогала больное место кончиками пальцев.

Ощущение было, как будто тронули затекшую

ногу.

— Она меня не беспокоит.

— С такой шишкой можно тронуться рассудком. Совсем не беспокоит?

— Нет.

— Вы счастливчик. Письмо написали? Я иду вниз.

— Вот, — сказал я.

— Скажите ей, чтобы она хотя бы на время оставила ночные дежурства. Она очень устает.

— Ладно. Я ей скажу.

— Я бы подежурила, но она мне не даст. А других это устраивает. Дайте ей немного отдохнуть.

— Ладно.

— Мисс Ван Кампен говорила, что вы спите целыми днями.

— С нее станется.

— Было бы хорошо, если бы вы дали Кэтрин несколько ночей отдохнуть.

— Я был бы только рад.

— Рад, как же. Но если вы ее уговорите, я вас зауважаю.

— Я ее уговорю.

— Я вам не верю. — Она взяла записку и ушла.

Я позвонил в колокольчик, и вскоре появилась мисс Гейдж.

— Что случилось?

— Просто захотелось с вами поговорить. Вам не кажется, что хорошо бы мисс Баркли немного отдохнуть от ночных дежурств? У нее такой усталый вид. Почему она постоянно дежурит по ночам?

Мисс Гейдж внимательно на меня посмотрела.

— Я ваш друг, — сказала она. — Не надо со мной так разговаривать.

— Что вы имеете в виду?

— Не изображайте из себя наивного дурачка. Что-нибудь еще?

— Как насчет вермута?

— Хорошо. А потом мне надо идти. — Она достала из шкафа бутылку и принесла стакан.

— Стакан возьмите себе, — сказал я. — Я буду из бутылки.

— Ваше здоровье, — пожелала мисс Гейдж.

— Значит, Ван Кампен говорила, будто я сплю допоздна?

— Бормотала что-то такое. Она вас называет привилегированным пациентом.

— Ну и черт с ней.

— Она не злая, — сказала мисс Гейдж. — Просто старая и больная. Вы ей никогда не нравились.

— Да уж.

— А мне нравитесь. Я ваш друг. Помните об этом.

— Вы чертовски милы.

— Ха. Я знаю, кто для вас чертовски мила. Но я ваш друг. Как нога?

— Хорошо.

— Я принесу холодной минералки — полить сверху. Под гипсом должно чесаться. Жарко ведь.

— Вы жутко милая.

— Сильно чешется?

— Нет, все нормально.

— Надо вам поправить эти мешки с песком. — Она склонилась надо мной. — Я ваш друг.

— Я понимаю.

— Ничего вы не понимаете. Но когда-нибудь поймете.

Кэтрин Баркли на три ночи освободили от дежурств, и наконец она появилась. Мы как будто снова встретились после долгих странствий.

Глава восемнадцатая

Мы чудесно проводили лето. Когда я стал ходячим, мы стали кататься по парку в коляске. Лошадка неспешно трусила, впереди маячила спина кучера в лакированном цилиндре, а рядом сидела Кэтрин Баркли. Даже если наши руки слегка соприкасались, нас это возбуждало. Когда я освоился с костылями, мы стали выбираться на ужин к Биффи или в «Гран Италия» и там устраивались на галерее. Официанты сновали туда-сюда, рядом шла уличная жизнь, на столах, покрытых скатерками, горели свечи под абажурами. Когда мы окончательно поняли, что отдаем предпочтение «Гран Италии», метрдотель Жоржи зарезервировал за нами столик. Он знал толк в своем деле, и мы предоставляли ему самому выбирать блюда, пока мы разглядывали посетителей, и погруженную в сумерки галерею, и друг друга. Мы пили белое сухое капри, стоявшее в ведерке со льдом. Мы перепробовали и другие вина: фреза, барбера, белое сладкое. Из-за войны они остались без сомелье, и всякий раз, когда я спрашивал Жоржи о винах вроде фрезы, он смущенно улыбался.

— Вы себе представляете страну, делающую вино со вкусом клубники.

— А почему нет? — спросила Кэтрин. — Звучит шикарно.

— Если дама хочет попробовать, то пожалуйста, — отвечал Жоржи. — Но, позвольте, я принесу бутылочку марго для лейтенанта.

— Жоржи, я тоже хочу попробовать.

— Сэр, вам я не рекомендую. В нем даже клубника не чувствуется.

— Кто знает, — сказала Кэтрин. — Вдруг я почувствую?

— Я подам, — согласился Жоржи, — а когда дама удовлетворит свое любопытство, я его унесу.

Вином это трудно было назвать. Как сказал Жоржи, в нем даже клубника не чувствовалась. Мы вернулись к капри. Однажды мне не хватило денег, и Жоржи мне одолжил сто лир.

— Ничего страшного, лейтенант, — сказал он. — Дело житейское. С кем не бывает. Если вам или даме понадобятся деньги, вы всегда можете на меня рассчитывать.

После ужина мы прошлись по галерее, миновали рестораны и магазины с опущенными стальными жалюзи и остановились перед лавчонкой, торговавшей бутербродами — ветчина с

латуком и анчоусы на глазурованных тарталетках величиной с палец. Это нам на ночь, когда проголодаемся. Потом мы сели в открытую коляску перед галереей напротив кафедрального собора и покатили в госпиталь. Меня встретил привратник и помог мне с костылями. Я расплатился с кучером, и мы поехали на лифте. Кэтрин вышла на этаже, где жил медперсонал, а я поднялся выше и поковылял на костылях по коридору к себе в палату. Иногда я сразу раздевался и ложился в постель, а иногда садился на балконе, положив больную ногу на стул, и наблюдал за снующими поверх крыш ласточками, и ждал Кэтрин. Когда она приходила, мне казалось, что она вернулась из долгого путешествия, и мы вместе шли по коридору, я нес судна, а потом ждал ее под дверью или входил вместе с ней в палату, если там были наши друзья, а по окончании положенных процедур мы с ней сидели на моем балконе. Потом я ложился, и когда все засыпали и она понимала, что ее никто уже не вызовет, то приходила ко мне. Я любил распускать ее волосы, а она сидела на кровати неподвижно, но иногда вдруг быстро наклонялась, чтобы меня поцеловать, я вытаскивал шпильки и складывал их на постели, так что выбивались новые пряд-

ки, и наблюдал за ней, сидящей неподвижно, а потом вынимал последние шпильки, и вся копна обрушивалась, а она склоняла голову, и мы оба оказывались внутри, и было ощущение, что мы в палатке или вокруг нас водопад.

У нее были необыкновенные волосы, и, когда мы лежали рядом, я любил наблюдать за тем, как она перебирает их в луче света, пробивающегося с балкона, они переливались даже ночью, как иногда переливается вода перед рассветом. У нее было чудесное лицо и тело и чудесная гладкая кожа. Мы лежали рядом, я касался кончиками пальцев ее щек и лба, трогал под глазами, подбородок и шею и приговаривал:

— Как клавиши рояля.

А она проводила пальцем по моему подбородку и говорила:

— Наждаком по клавишам рояля.

— Что, такая щетина?

— Нет, милый. Я просто тебя подкалываю.

Ночи были чудесные, и нам довольно было просто прикоснуться друг к другу, чтобы почувствовать себя счастливыми. Помимо больших, у нас еще были маленькие любовные хитрости, например передача мыслей на расстоянии. Порой это срабатывало, хотя, возможно, просто потому,

что мы думали об одном и том же.

О том, что мы женаты, мы говорили с первого дня ее появления в госпитале и вели отсчет со дня нашей свадьбы. Я бы предпочел настоящий брак, но Кэтрин сказала, что в этом случае ее отошлют, и даже если мы начнем официальную процедуру, ее выследят и все поломают. Нам бы пришлось жениться по итальянским законам, а у них жуткие формальности. На самом деле я хотел, чтобы мы поженились, так как меня беспокоила мысль о ребенке, когда она меня посещала, однако мы оба делали вид, что женаты, и особенно не заморачивались, и, если вдуматься, я даже рад был тому, что мы не женаты. Как-то ночью, когда мы завели об этом речь, Кэтрин сказала:

— Милый, меня же сразу отправят отсюда.

— Может, и нет.

— Да. Меня отправят домой, и тогда мы будем врозь до конца войны.

— Я приеду в отпуск.

— Никакого отпуска не хватит, чтобы съездить в Шотландию. И вообще, я тебя не оставлю. Зачем нам сейчас жениться? Мы и так женаты. Куда уж больше.

— Я думал, это нужно тебе.

— Меня нет. Я — это ты. Не надо меня отде-

лять.

— Мне казалось, все девушки мечтают выйти замуж.

— Мечтают. Но, милый, я уже замужем. За тобой. Разве я плохая жена?

— Ты чудесная жена.

— Дорогой, у меня уже был опыт брачных ожиданий.

— Я не желаю про это слышать.

— Ты же знаешь, я не люблю никого, кроме тебя. Ты не должен возражать, если кто-то другой любил меня.

— Я возражаю.

— Ты не должен ревновать к тому, кого уже нет на свете, когда у тебя есть все.

— Просто я не желаю об этом слышать.

— Бедняжка. А я вот знаю, что у тебя были разные девушки, и не придаю этому значения.

— Может, нам пожениться тайно? Тогда, если со мной что-то произойдет или если у тебя будет ребенок…

— Здесь возможно одно из двух: брак церковный или гражданский. Мы с тобой тайно обвенчались. Милый, ты пойми, для меня это было бы важно, будь я религиозна. Но я не религиозна.

— Ты мне подарила святого Антония.

— Это на счастье. Кто-то мне дал этот амулет.

— Значит, тебя ничего не тревожит?

— Только то, что меня могут с тобой разлучить. Ты моя религия. Ты все, что у меня есть.

— Ладно. Но как только ты скажешь, я в тот же день на тебе женюсь.

— Милый, не говори со мной так, будто пытаешься сделать из меня честную женщину. Я и так честная женщина. Ты же не можешь стыдиться того, что делает тебя счастливым и чем ты гордишься. Разве ты не счастлив?

— Но ты ведь никогда не уйдешь от меня к другому?

— Нет, милый. Я никогда не уйду от тебя к другому. Нас, вероятно, ожидают всякие страстимордасти, но тебе не стоит заморачиваться по этому поводу.

— Я не заморачиваюсь. Но я так тебя люблю, а ты прежде любила другого.

— И что с ним случилось?

— Он умер.

— Вот. А если бы он не умер, я бы не встретила тебя. Не считай меня неверной, милый. У меня много недостатков, но я очень верная. Моя верность тебе еще осточертеет.

— Довольно скоро я должен буду вернуться на фронт.

— Вот тогда мы над этим и задумаемся. А сейчас, милый, я счастлива, и мы чудесно проводим время. Я давно не была счастлива, а когда мы встретились, я, кажется, была близка к сумасшествию. Если уже не была сумасшедшей. Но сейчас мы счастливы, и мы любим друг друга. Так давай наслаждаться счастьем. Ты ведь счастлив? Может, я делаю что-то такое, что тебе не нравится? Что мне для тебя сделать? Распустить волосы? Хочешь с ними поиграть?

— Да. И залезай в постель.

— Хорошо. Но сначала проведаю больных.

Глава девятнадцатая

Так прошло лето. Отдельные дни почти не остались в памяти, помню только, что было жарко и что газеты пестрели нашими победами. На здоровье я не жаловался, ноги заживали быстро, так что на костылях я проходил недолго и скоро уже гулял с палкой. Начались процедуры в Ospedale Maggiore: сгибание и разгибание коленей, механотерапия, прогревание ультрафиолетовыми лучами в зеркальном боксе, массажи и ванны. После дневных процедур я заходил в кафе выпить и почитать газеты. По городу я не разгуливал, а из кафе шел прямиком в госпиталь. Поскорее увидеть Кэтрин. А еще я просто убивал время. Спал допоздна, днем иногда захаживал на скачки, а потом мне делали механотерапию. Случалось заглядывать в англо-американский клуб, где я садился у окна в глубокое кожаное кресло и читал журналы. После того как я бросил костыли, от прогулок вдвоем пришлось отказаться, так как медсестре не полагалось появляться на публике без компаньонки, зато с пациентом, которому явно не требовалась помощь, поэтому днем мы теперь редко бывали вместе. Правда,

иногда мы выбирались поужинать, если к нам присоединялась Фергюсон. Мисс Ван Кампен, эксплуатировавшая Кэтрин нещадно, согласилась с тем, что мы закадычные друзья. Она полагала, что Кэтрин происходит из очень хорошей семьи, и в конечном счете это сыграло в ее пользу. Мисс Ван Кампен высоко ценила семейные узы, и у нее самой по этой части был полный порядок. В госпитале кипела жизнь, и она чувствовала себя при деле. Лето выдалось жаркое, и в Милане мне было с кем повидаться, но в конце дня я всегда спешил вернуться в госпиталь. Тем временем фронт продвинулся в сторону горы Карсо, войска взяли гору Кукко на той стороне Плавы и вот-вот должны были захватить плато Баинзицца. На Западном фронте дела обстояли не так хорошо. Похоже, эта война надолго. Америка в нее уже вступила, но, по моим представлениям, понадобится не меньше года, чтобы перебросить достаточное количество войск в Европу и привести их в боевое состояние. Год предстоял плохой, хотя, может, и хороший. Итальянцы терпели слишком большие потери. Надолго их не хватит. Даже если они захватят всю Баинзиццу и хребет Сан-Габриель, еще столько гор останется под австрийским контролем. Я их видел. Все самые

высокие горы — они где-то там. Да, на Карсо мы продвигались вперед, но когда спустимся к морю, там пойдут топи и болота. Наполеон разгромил бы австрийцев на равнине. Он бы никогда не ввязался с ними в драку высоко в горах. Он бы позволил им спуститься и отметелил их под Вероной. Ну а на Западном фронте никто никого не метелил. Может, войны отныне вообще не выигрываются. Может, они теперь продолжаются бесконечно. Очередная Столетняя война. Я положил газету обратно на полку и покинул клуб. Осторожно спустился по ступенькам и пошел по виа Манцони. Перед «Гранд-отелем» из экипажа выходили старик Мейерс с женой. Они вернулись со скачек. Грудастая миссис Мейерс была в черном атласном платье. Ее седоусый старый муж маленького росточка страдал плоскостопием и опирался на трость.

— Ну что? Как поживаете? — Она пожала мне руку.

— Привет, — сказал Мейерс.

— Как скачки?

— Прекрасно. Лучше не бывает. Я выиграла три раза.

— А вы? — спросил я у Мейерса.

— Неплохо. Один раз выиграл.

— Я про него ничего не знаю, — сказала миссис Мейерс. — Он меня не посвящает.

— Да все у меня хорошо, — ответил он радушно. — Вы бы тоже выбрались. — Он оставлял впечатление человека, который то ли на тебя не смотрит, то ли принимает за кого-то другого.

— Выберусь, — пообещал я.

— Я собираюсь проведать вас в госпитале, — сказала миссис Мейерс. — У меня есть кое-что для мальчиков. Вы все мои мальчики. Мои ненаглядные.

— Вам будут рады.

— Мои ненаглядные. Вы тоже. Вы один из моих мальчиков.

— Мне пора возвращаться, — сказал я.

— Передайте мои приветы дорогим мальчикам. У меня для них много чего есть. Отличная марсала и пироги.

— Всего хорошего, — сказал я. — Они будут страшно рады вам.

— Всего хорошего, — подхватила миссис Мейерс. — Приходите на галерею. Вы знаете, где мой столик. Мы там каждый вечер.

Я пошел дальше. Захотелось купить в «Кове» чего-нибудь для Кэтрин. В результате купил коробку шоколада и, пока продавщица ее заво-

рачивала, подошел к барной стойке. Там сидели пара британцев и несколько авиаторов. Я выпил мартини в одиночку, расплатился, взял на выходе коробку шоколада и двинулся дальше в сторону госпиталя. Возле небольшого бара неподалеку от «Ла Скалы» я увидел знакомых: вице-консула, двух парней, занимавшихся оперным пением, и Этторе Моретти, итальянца из Сан-Франциско, воевавшего в национальной армии. Я с ними выпил. Один из певцов, Ральф Симмонс, выступал под псевдонимом Энрико Дель Кредо. Я не знал, какой у него голос, но он всякий раз подавал дело так, будто вот-вот у него случится нечто грандиозное. Он был упитанный, а кожа вокруг носа и губ шелушилась, как от сенной лихорадки. Ральф недавно вернулся из Пьяченцы, где был бесподобен в «Тоске».

— Вы, конечно, ни разу меня не слышали? — спросил он меня.

— А когда вы будете петь здесь?

— Осенью в «Ла Скале».

— Тебя забросают креслами, — встрял Этторе. — Вы слышали, что в Модене его забросали креслами?

— Наглое вранье.

— Да, — подтвердил Этторе. — Я там был и сам

запустил в него шесть кресел.

— Макаронник из Фриско.

— Ему не дается итальянский, — продолжал Этторе. — И куда бы он ни приехал, его забрасывают креслами.

— Оперный театр в Пьяченце самый сложный в Северной Италии, — заявил второй тенор. — Поверьте, петь там — такое испытание! — Этого звали Эдгар Сондерс, а выступал он под псевдонимом Эдуардо Джованни.

— Я хочу своими глазами посмотреть, как вас забросают креслами, — сказал Этторе. — Вы не можете петь на итальянском.

— Псих, — отозвался Эдгар Сондерс. — Выучил два слова: «Забросают креслами».

— А что еще им делать, когда вы оба поете? — возразил Этторе. — Потом в Америке будете всем рассказывать о своих триумфах в «Ла Скала». Да вас остановят после первой же ноты.

— Я буду петь в «Ла Скала», — сказал Симмонс. — В октябре я буду петь «Тоску».

— Пойдем послушать, Мак? — обратился Этторе к вице-консулу. — Кто-то ведь должен их защитить от публики.

— Может, их защитит американская армия, — предположил вице-консул. — Еще выпьешь,

Симмонс? А ты, Сондерс?

— О'кей.

— Я слышал, ты получишь серебряную медаль, — обратился ко мне Этторе. — Что будет написано в представлении?

— Не знаю. Я совсем не уверен, что ее получу.

— Получишь. И сразу вырастешь в глазах у девочек в «Кове». Они подумают, что ты положил две сотни австрийцев или в одиночку захватил целую траншею. Я знаю, что говорю. Думаешь, мне легко достались мои боевые награды?

— А сколько их у тебя, Этторе? — спросил вице-консул.

— Все, какие есть, — ответил за него Симмонс. — Ради этого парня была затеяна война.

— У меня две бронзовые медали и три серебряные, — сказал Этторе. — Но бумаги пришли только на одну.

— А что с остальными? — поинтересовался Симмонс.

— Военные операции не были успешными. Если военная операция неуспешная, все медали придерживают.

— Сколько ранений ты получил, Этторе?

— Три тяжелых. У меня за них три нашивки. Видите? — Он повернул рукав. Нашивки, парал-

лельные серебристые полоски на черном фоне, сидели на рукаве дюймах в восьми пониже плеча. — У тебя тоже есть одна, — обратился Этторе ко мне. — Это вещь, скажу я тебе. По мне, так лучше, чем медали. Поверь, дружище, три тяжелых — это не шутка. Ты получил одну за ранение, которое тебе уже стоило трех месяцев госпиталя.

— Где тебя ранило, Этторе? — спросил вице-консул.

Этторе задрал рукав.

— Здесь. — Он показал глубокий гладкий красный шрам. — Еще голень. Не могу вам показать, потому что я в обмотках. И ступня. Там гниет кость. Каждое утро я вытаскиваю осколочки, а она все воняет.

— Чем тебя так? — спросил Симмонс.

— Ручной гранатой. Такая взбивалка для картофельного пюре. Части ступни как не бывало. Знаешь эти взбивалки для картофельного пюре? — Он повернулся ко мне.

— Еще бы не знать.

— Я видел сучонка, который ее швырнул, — продолжал Этторе. — Я вырубился, успев подумать, что откинул копыта, но это же фиговые взбивалки. Я очнулся и застрелил сучонка из винтовки. Я всегда беру с собой винтовку, чтобы во мне не

узнали офицера.

— Какой он был из себя? — спросил Симмонс.

— У него всего-то и было, что эта граната, — гнул свое Этторе. — Не знаю, почему он ее швырнул. Небось всю жизнь об этом мечтал. Ни разу не видел настоящего боя. Я застрелил этого сучонка.

— Какой он был из себя, когда ты его застрелил? — повторил свой вопрос Симмонс.

— Да почем я знаю, — сказал Этторе. — Я выстрелил ему в живот. Боялся промахнуться, если выстрелю в голову.

— Давно ты офицер? — спросил я его.

— Два года. Меня произведут в капитаны. А ты давно лейтенант?

— Третий год пошел.

— Капитаном тебя не сделают, потому что ты недостаточно знаешь итальянский, — сказал Этторе. — Ты на нем говоришь, но надо еще хорошо читать и писать. Чтобы стать капитаном, надо получить образование. Почему бы тебе не перейти в американскую армию?

— Может, еще перейду.

— Я об этом могу только мечтать. Сколько у вас получает капитан, Мак?

— Точно не знаю. Около двухсот пятидесяти долларов, я думаю.

— Мать честная. Да за двести пятьдесят долларов я бы… Поступай в американскую армию, Фред, да поскорее. И меня перетащишь.

— Ладно.

— Я отдаю команды на итальянском. Могу запросто перейти на английский.

— Ты бы стал генералом, — сказал Симмонс.

— Нет, до генерала я не дорос. Генерал должен знать черт знает сколько всего. Вы, ребята, думаете, что война это просто. С вашими мозгами вы не потянете даже на капрала.

— И слава Богу, — сказал Симмонс.

— Если всех вас, тунеядцев, забреют в армию, может, еще и потянете. Эх, вас бы обоих в мой взвод! А тебя, Мак, я бы сделал своим ординарцем.

— Этторе, ты отличный парень, — сказал Мак. — Но сидит в тебе милитарист.

— Я стану полковником еще до конца войны, — заявил Этторе.

— Если тебя раньше не убьют.

— Не убьют. — Он подержался двумя пальцами за звездочки на воротничке. — Что я делаю, видите? Когда кто-то заговаривает о смерти, мы трогаем наши звездочки.

— Пошли, Сим, — сказал Сондерс, вставая.

— Ладно.

— Пока, — попрощался я. — Мне тоже пора. — Часы в баре показывали без четверти шесть. — Чао, Этторе.

— Чао, Фред. Здорово, что ты получишь серебряную медаль.

— Это еще вопрос.

— Получишь, Фред, получишь. Сведения верные.

— Счастливо, — сказал я. — Подальше от греха, Этторе.

— За меня не беспокойся. Я не пьющий, не гулящий. Вино, девки — это не мое. Я знаю, что мне нужно.

— Пока. Я рад, что тебя повысят до капитана.

— Мне не надо ждать повышения. Боевые заслуги сделают меня капитаном. Три звезды, скрещенные шпаги и сверху корона. Это мое.

— Удачи тебе.

— И тебе того же. Когда возвращаешься на фронт?

— Уже скоро.

— Еще увидимся.

— Пока.

— Пока. Не попадай впросак.

Я пошел закоулками, чтобы побыстрее выйти к

госпиталю. Этторе было двадцать три. Он вырос у дяди в Сан-Франциско и приехал навестить отца и мать в Турин, когда началась война. Его сестра когда-то уехала вместе с ним к американскому дяде и в этом году заканчивала педагогическое училище. Он был таким патентованным героем, от которого все не знали куда деться. Кэтрин его на дух не выносила.

— У нас тоже есть свои герои, — сказала она. — Вот только, милый, они себя ведут куда скромнее.

— Я отношусь к нему спокойно.

— Я бы тоже относилась к нему спокойно, если бы он так не задавался. Он нагоняет на меня тоску, тоску, тоску.

— И на меня.

— Милый, ты говоришь мне приятное, но это вовсе не обязательно. Ты мысленно видишь его на фронте и знаешь, что он там полезен, а мне такие парни неинтересны.

— Я знаю.

— Приятно слышать. Я пытаюсь найти в нем что-то хорошее, но он правда ужасный, ужасный.

— Он сказал, что его произведут в капитаны.

— Я рада. А уж как он будет рад.

— А ты бы желала видеть меня рангом повыше?

— Нет, милый. Меня устроит ранг, дающий нам доступ в хорошие рестораны.

— Это как раз мой нынешний.

— У тебя отличный ранг. Выше не надо, а то еще ударит в голову. Милый, я ужасно рада, что ты не тщеславен. Я бы за тебя так и так вышла, но гораздо спокойнее иметь мужа, который не тщеславен.

Мы тихо разговаривали на балконе. Уже должна была бы подняться луна, но над городом повис туман, и она так и не показалась, а через какое-то время заморосило, и мы ушли внутрь. Туман обернулся дождем, причем серьезным, и мы слышали, как он забарабанил по крыше. Я подошел к двери посмотреть, не заливает ли, но нет, не заливало, и я оставил балконную дверь открытой.

— Кого еще ты встретил? — спросила Кэтрин.

— Мистера и миссис Мейерс.

— Странная парочка.

— Говорят, на родине он сидел в тюрьме, а выпустили его, чтобы он мог спокойно умереть.

— И с тех пор он живет припеваючи в Милане.

— Ну, не знаю, насколько припеваючи.

— По сравнению с тюрьмой, надо полагать.

— Миссис Мейерс собирается кое-что сюда принести.

— Она в этом знает толк. Ты ее дорогой мальчик?

— Один из.

— Вы все ее дорогие мальчики, — сказала Кэтрин. — Она предпочитает дорогих мальчиков. Какой дождь!

— Настоящий ливень.

— Ты будешь всегда меня любить?

— Да.

— И дождь не будет нам помехой?

— Нет.

— Это хорошо. Потому что я боюсь дождя.

— Почему?

Я уже засыпал. А за окном все лило и лило.

— Не знаю, милый. Я всегда боялась дождя.

— А мне нравится.

— Мне нравится гулять под дождем. Но для любящих это очень плохо.

— Я всегда буду любить тебя.

— Я буду тебя любить и в дождь, и в снег, и в град, и… что там еще бывает?

— Не знаю. Кажется, я засыпаю.

— Спи, милый, а я буду тебя любить, что бы ни происходило.

— Ты правда боишься дождя?

— Когда я с тобой — нет.

— Почему ты его боишься?

— Не знаю.

— Скажи мне.

— Не заставляй меня.

— Скажи.

— Нет.

— Скажи.

— Ну хорошо. Я его боюсь, потому что иногда вижу, как умираю в дождь.

— Да ну?

— А иногда, как ты умираешь в дождь.

— Это уже больше похоже на правду.

— Нет, милый. Я ведь могу тебя защитить. Знаю, что могу. А вот себе не поможешь.

— Прошу тебя, прекрати. Не превращайся в ненормальную шотландку. Нам и так недолго осталось быть вместе.

— Да, я ненормальная шотландка. Но я остановлюсь. Все это глупости.

— Вот именно.

— Все это глупости. Все это глупости. Я не боюсь дождя. Я не боюсь дождя. О, о Господи, если бы это было так.

У нее потекли слезы. Я ее успокоил, и слезы

высохли. А дождь продолжал поливать.

Глава двадцатая

Как-то днем мы пошли на скачки. С нами пошли Фергюсон и Кроуэлл Роджерс, тот, что получил глазные увечья от разорвавшегося снаряда. Пока девушки после обеда переодевались, мы с Кроуэллом, сидя на койке в его палате, штудировали вестник ипподрома с предыдущими итогами и прогнозами на предстоящие заезды. У Кроуэлла была забинтована голова, и скачки его мало интересовали, но он постоянно читал вестник и отслеживал всех лошадей, чтобы чем-то себя занять. Он сказал, что ставить, в сущности, не на кого, но других у нас нет. Он нравился старику Мейерсу, и тот давал ему наводки. Мейерс срывал куш чуть не в каждом заезде, но давать наводки не любил, так как это снижало выигрыш. Скачки — дело грязное. Жокеи, которых отовсюду повыгоняли, соревновались в Италии. Мейерс располагал неплохой информацией, вот только задавать ему вопросы не хотелось; иногда он просто не отвечал, а если чем-то с тобой делился, то видно было, что он это делает через силу, но почему-то он считал себя обязанным с нами делиться. С Кроуэллом же ему было проще. Тот пострадал,

особенно один глаз, а у Мейерса самого были проблемы со зрением, поэтому он испытывал расположение к Кроуэллу. Кстати, своей жене Мейерс никогда не говорил, на какую лошадь он ставит, так что, выигрывая и проигрывая, чаще проигрывая, она рассчитывала только на себя и постоянно высказывалась по этому поводу.

Мы вчетвером поехали на «Сан-Сиро» в открытом экипаже. День был чудесный, мы проехали через парк, вдоль трамвайной линии и выбрались на пыльную загородную дорогу. Пошли виллы с железными заборами, и большие заросшие сады, и канавы с проточной водой, и покрытые пылью огородные посадки. Окинув взглядом равнину, можно было увидеть рабочие постройки, и богатые фермы с ирригационными каналами, и горы на севере. К ипподрому один за другим подъезжали экипажи, и, поскольку мы были в военной форме, нас впустили в ворота без билетов. Мы купили программки, пересекли внутреннюю часть поля, затем скаковой круг с ровным плотным дерном и вышли к загону. Трибуны были старые деревянные, а под ними, неподалеку от конюшен, кабинки, где делались ставки. У забора, на самом поле, толпились солдаты. В загоне, позади трибун, конюхи выгуливали

лошадей по кругу в тени деревьев. Мы увидели знакомые лица, принесли стулья для Фергюсон и Кэтрин и стали изучать лошадей.

Они ходили гуськом по кругу, опустив головы, ведомые конюхами. Один жеребец был вороной с багрянистым отливом, и Кроуэлл готов был поклясться, что он крашеный. Мы тоже не исключали такой возможности. Его вывели непосредственно перед тем, как зазвонил колокольчик, просигналивший, что пора седлать. По номеру на рукаве конюха мы нашли в программке этого жеребца — вороного мерина по кличке Джапалак. В скачках принимали участие лошади, которые ни разу не выигрывали заезды на тысячу лир и выше. Кэтрин была уверена в том, что вороного покрасили. Фергюсон сомневалась. Мне он казался подозрительным. В результате мы все решили, что должны его поддержать, и приготовили сотню лир. Лист котировок давал в случае победы выигрыш тридцать пять к одному. Кроуэлл пошел покупать билеты, пока мы наблюдали за тем, как жокеи сделали еще круг в загоне, затем выехали под деревьями в сторону трека и неспешным галопом отправились к повороту, откуда должна была стартовать гонка.

Мы поднялись повыше. Тогда на «Сан-Сиро»

не было ленточки, и стартер, как мог, построил лошадей в линию — на большом расстоянии они казались почти миниатюрными — и дал старт ударом длинного хлыста. Когда лошади проносились мимо нас, вороной был уже хорошо впереди, а на повороте он еще больше оторвался от остальных. Следя за ними в бинокль на дальних рубежах, я заметил, что жокей пытался осадить жеребца, но это ему не удалось, и когда после очередного поворота они вышли на финишную прямую, вороной опережал всех на добрых пятнадцать корпусов. А после финиша он еще отмахал добрых полкруга.

— Вот здорово! — воскликнула Кэтрин. — Мы получим больше трех тысяч лир. Ай да лошадь.

— Надеюсь, мы успеем получить выигрыш прежде, чем он облезет, — заметил Кроуэлл.

— Чудесная лошадь, — сказала Кэтрин. — Интересно, поставил ли на нее мистер Мейерс.

— Вы поставили на победителя? — окликнул я Мейерса. Он кивнул в ответ.

— Я нет, — вздохнула миссис Мейерс. — А вы, ребятки, на кого поставили?

— На Джапалака.

— Да вы что? Это же тридцать пять к одному!

— Нам понравилась его масть.

— А мне нет. Он мне показался каким-то потертым. Мне сказали, чтобы я на него не ставила.

— Много вы на нем не заработаете, — сказал Мейерс.

— Ставки принимались тридцать пять к одному, — возразил я.

— Много вы на нем не заработаете, — повторил Мейерс. — В последнюю минуту на него поставили кучу денег.

— Не может быть.

— Кемптон и компания. Сами увидите. Хорошо, если два к одному.

— Значит, мы не получим свои три тысячи, — огорчилась Кэтрин. — Не нравятся мне эти грязные скачки!

— Мы получим двести.

— Не о чем говорить. Все равно что ничего. Я рассчитывала на три тысячи.

— Грязные, мерзкие скачки, — фыркнула Фергюсон.

— Конечно, не будь они грязные, — сказала Кэтрин, — мы бы на него не поставили. И все равно жаль трех тысяч.

— Давайте спустимся вниз и выпьем, а заодно выясним, сколько нам заплатят, — предложил Кроуэлл.

Мы подошли к месту, где вывешивали цифры, тут зазвонил колокольчик, объявляющий начало выплат, и после имени победителя появилось 1,85. Это означало, что мы на нем заработали меньше, чем если бы поспорили на десять лир.

Мы зашли в подтрибунный бар и взяли по стакану виски с содовой. Там мы встретили пару знакомых итальянцев и Макадамса, вице-консула, и все вместе присоединились к девушкам. Итальянцы были сама любезность, Макадамс болтал с Кэтрин, а мы снова пошли делать ставки. Перед тотализатором стоял Мейерс.

— Спросите у него, на кого он поставил, — сказал я Кроуэллу.

— На кого вы поставили, Мейерс? — поинтересовался Кроуэлл. Тот достал программку и ткнул карандашом в пятый номер.

— Вы не будете возражать, если мы тоже на него поставим?

— Валяйте, валяйте. Только не говорите моей жене, что я вам дал наводку.

— Выпить не хотите? — спросил я.

— Спасибо, я не пью.

Мы отдали сто лир на победу пятого номера и еще сто за то, чтобы сделать ставку, после чего пропустили по второму стаканчику виски с

содовой. Я вошел во вкус, и мы сошлись еще с двумя итальянцами, которые с нами выпили, а потом пошли к девушкам. Эти итальянцы в плане любезности не уступали предыдущим. Через какое-то время всем было уже не до скачек. Я отдал билеты Кэтрин.

— Какая лошадь?

— Не знаю. Это по наводке Мейерса.

— Ты даже не знаешь, как ее зовут?

— Нет. Поищи в программке. Кажется, пятый номер.

— Ты такой простодушный, — сказала она.

Пятый номер победил, однако денег не принес. Мейерс был вне себя.

— Ты должен поставить двести, чтобы заработать двадцать, — возмущался он. — С десяти зарабатываешь двенадцать. Оно того стоит? Моя жена проиграла двадцать лир.

— Я пойду с тобой, — сказала Кэтрин.

Все итальянцы поднялись со своих мест. Мы спустились вниз и подошли к загону.

— Тебе здесь нравится? — спросила Кэтрин.

— Пожалуй.

— Может, и неплохо, — согласилась она. — Но, милый, я не выношу, когда много людей.

— Не так уж и много.

— Да, но эти Мейерсы и этот банкир с женой и детьми…

— Он обналичивает мои векселя на предъявителя, — сказал я.

— Не он, так кто-то другой. Эти четверо парней — какой-то кошмар.

— Мы можем здесь остаться и посмотреть следующий заезд.

— Отличная мысль. И давай, милый, поставим на неизвестную лошадь, к которой мистер Мейерс не имеет никакого отношения.

— Хорошо.

Мы поставили на лошадь по кличке Оторва, и она пришла четвертой из пяти. Позже, прислонившись к забору, мы провожали взглядами лошадей, отбивавших дробь копытами, и попутно любовались горными вершинами и Миланом вдали за деревьями и полями.

— Я словно очистилась, — сказала Кэтрин.

Лошади после финиша возвращались назад через ворота, взмокшие и потные, а жокеи их успокаивали, готовые соскочить на землю под деревьями.

— Выпить не хочешь? Можем пропустить прямо здесь, чтобы видеть заезды.

— Я принесу.

— Для этого есть мальчик. — Кэтрин подняла руку, и из бара «Пагода», что рядом с конюшней, сразу вышел мальчик. Мы уселись за круглый железный столик. — Правда ведь вдвоем лучше?

— Да, — согласился я.

— В этой компании я чувствовала себя совсем одинокой.

— Здесь классно, — сказал я.

— Да, симпатичный ипподром.

— Чудесный.

— Мне не хотелось бы испортить тебе удовольствие, милый. Поедем домой, когда ты скажешь.

— Давай еще посидим и выпьем. А потом, во время стипль-чеза, спустимся вниз и постоим рядом с водной преградой.

— Ты такой замечательный.

Побыв какое-то время вдвоем, мы с радостью присоединились к остальным. Нам было хорошо.

Глава двадцать первая

В сентябре после первых прохладных ночей наступили прохладные дни, листва в парке начала желтеть, и стало ясно, что лето кончилось. Дела на фронте шли хуже некуда, взять Сан-Габриеле так и не удалось. Бои за плато Баинзицца отгремели, и к середине месяца та же судьба постигла горную гряду Сан-Габриеле. Операция провалилась. Этторе вернулся в действующую армию. Лошадей увезли в Рим, так что скачкам пришел конец. Кроуэлл тоже отбыл в Рим, а оттуда в Америку. В Милане прошли две антивоенные демонстрации и особенно мощная в Турине. В клубе британский майор сказал мне, что на плато Баинзицца и в горах Сан-Габриеле итальянцы потеряли сто пятьдесят тысяч убитыми. И еще сорок тысяч в Карсо. Под выпивку у него развязался язык. Он рассказал, что на нашем фронте в этом году все закончено и итальянцам придется умерить свои аппетиты. Что наступление во Фландрии захлебнулось. Если масштабы наших потерь продолжатся, через год союзники спекутся. Мы уже спеклись, сказал он, но пока до людей это не дошло, все, считай, в порядке. Мы спеклись,

только не надо это признавать. Войну выиграет та страна, которая последней признается, что она спеклась. Мы еще выпили. Я уже в штате? Нет. А он — да. Все это бред сивой кобылы. Мы сидели одни в клубе, удобно расположившись на большом кожаном диване. Его сапоги из матовой кожи были идеально начищены. Отличные сапоги. Все это бред сивой кобылы, сказал он. Все мыслят исключительно дивизиями и численностью личного состава. Все меряются дивизиями, чтобы положить очередную, едва ее заполучив. Армия спеклась. Немцы одерживают победы. Вот это солдаты. Старый гунн — вот солдат. Но они тоже спеклись. Мы все спеклись. Я его спросил про русских. И эти спеклись, сказал он. Скоро сами увидите. На очереди австрийцы. Если они получат от гуннов несколько дивизий, то справятся. Пойдут ли они этой осенью в наступление? Конечно, пойдут. Итальянцы спеклись. Это всем известно. Старый гунн пожалует сюда через Трентино, перережет железнодорожное сообщение в Виченце, и что тогда будет с итальянцами? Они уже попробовали это в шестнадцатом, сказал я. Но без немцев, уточнил он. С немцами, возразил я. Сейчас все будет по-другому, заявил он. Тогда было слишком просто. Теперь они попробуют

что-нибудь затейливое и уж спекутся по полной.

— Мне пора, — сказал я. — Надо возвращаться в госпиталь.

— Пока, — кивнул он. И бодро напутствовал: — Желаю удачи!

Его пессимистический взгляд на мир и веселый характер составляли резкий контраст.

Я заглянул в парикмахерскую и побрился, после чего отправился в госпиталь. Моя нога давно уже вела себя прилично. Три дня назад как раз был осмотр. Но оставались еще кое-какие процедуры перед прохождением курса терапии в «Ospedale», и я зашагал по боковой улочке, стараясь не хромать. Под аркадой старик вырезал силуэты. Я остановился понаблюдать. Ему позировали две барышни, и он вырезал их вместе, ловко орудуя ножницами, а на девушек глядел, склонив голову набок. Девушки хихикали. Старик показал мне силуэты, прежде чем наклеить их на белый лист бумаги, а затем протянул барышням.

— Хороши, да? — сказал он. — А как насчет вас, лейтенант?

Барышни ушли, со смехом разглядывая свои силуэты. Они были симпатичные. Одна из них работала в винной лавке напротив госпиталя.

— Ладно, — сказал я.

— Снимите пилотку.

— Нет. В пилотке.

— Получится не так красиво, — сказал старик, — зато по-военному. — На последних словах он просветлел.

Он покромсал черную бумагу, отсоединил верхний слой от нижнего, наклеил силуэт на картон и протянул мне.

— Сколько с меня?

— Нисколько. — Он протестующе замахал рукой. — Это вам подарок.

— Пожалуйста. — Я выложил несколько медных монет. — Доставьте мне удовольствие.

— Нет. Я уже доставил себе удовольствие. Подарите это своей девушке.

— Большое спасибо и до встречи.

— До встречи.

В госпитале меня ждали письма — официальное и всякие другие. Мне полагался трехнедельный отпуск для восстановления, после чего я должен был вернуться на фронт. Я внимательно перечитал. Итак. Отпуск считается с четвертого октября, когда закончится терапевтический курс. Три недели — это двадцать один день. Стало быть, двадцать пятое октября. В госпитале я предупредил, что отлучусь, и пошел в ресторан

по соседству. За ужином я читал письма и газету «Корьере делла сера». Одно письмо, от деда, содержало семейные новости, патриотическую поддержку, чек на двести долларов и несколько газетных вырезок; еще там было скучное письмо от нашего священника, письмо от знакомого французского летчика, который попал в лихую компанию и делился подробностями, и записка от Ринальди, спрашивавшего, сколько еще я буду отсиживаться в Милане и какие вообще новости? Он просил меня привезти ему пластинки и приложил список названий. За ужином я уговорил бутылочку кьянти, потом выпил кофе с рюмочкой коньяка, дочитал газету, спрятал письма в карман, оставил газету вместе с чаевыми на столе и покинул ресторан. Вернувшись в госпиталь, я переоделся в пижаму и халат, задернул балконную штору и, сев на кровать, принялся читать бостонские газеты, принесенные миссис Мейерс для ее «мальчиков». Чикагская команда «Уайт сокс» выиграла Американскую лигу, а нью-йоркская «Джайнтс» лидировала в Национальной лиге. «Малыш» Рут, питчер, теперь играл за Бостон. Газеты были скучные, местные новости несвежие, а военные сводки и вовсе тухлые. Все американские новости сводились к учебкам. Как

хорошо, что меня это миновало. Кроме бейсбола, мне не о чем было читать, а он у меня не вызывал ни малейшего интереса. И поди одолей столько газет. Но какое-то время я их штудировал, задаваясь вопросом: если Америка по-настоящему ввяжется в войну, закроют ли тогда главные американские лиги? Похоже, что нет. На нашем фронте дела хуже некуда, а в Милане скачки. Вот во Франции их отменили. Наш Джапалак — он ведь оттуда. Кэтрин выходит на дежурство не раньше девяти. Я слышал, как она первый раз прошла по этажу, а потом мелькнула в коридоре. Она побывала в других палатах, прежде чем зайти ко мне.

— Я задержалась, милый, — сказала она. — Много дел. Как ты?

Я рассказал ей про газеты и про отпуск.

— Прекрасно, — сказала она. — И куда ты хочешь поехать?

— Никуда. Я хочу остаться здесь.

— Но это глупо. Выбери местечко, и я поеду с тобой.

— Как ты этого добьешься?

— Не знаю, но добьюсь.

— Ты просто чудо.

— Вот уж нет. Все не так сложно, когда тебе

нечего терять.

— Что ты имеешь в виду?

— Ничего. Просто подумала, какие маленькие на самом деле препятствия, которые когда-то казались большими.

— Боюсь, что этого будет трудно добиться.

— Ну что ты, милый. Если потребуется, я просто уйду. Но до этого не дойдет.

— Куда же нам поехать?

— Мне все равно. Куда захочешь. Туда, где мы никого не знаем.

— Неужели тебе все равно?

— Да. Мне везде понравится.

Она была напряжена и чем-то озабочена.

— Что случилось, Кэтрин?

— Ничего. Ничего не случилось.

— Нет, что-то случилось.

— Да ничего. Правда, ничего.

— Я же вижу. Скажи мне, милая. Ты можешь мне сказать.

— Все в порядке.

— Скажи мне.

— Не хочу. Я боюсь тебя расстроить или встревожить.

— Этого не произойдет.

— Ты уверен? Меня это не тревожит, но я боюсь

встревожить тебя.

— Если это тебя не тревожит, то и за меня можешь быть спокойна.

— Я не хочу говорить.

— Скажи.

— Это необходимо?

— Да.

— У меня будет ребенок, милый. Ему уже почти три месяца. Ты не встревожен? Не надо, не надо, прошу тебя. Пусть тебя это не тревожит.

— Все хорошо.

— Правда?

— Конечно.

— Я все делала. Принимала, что надо, но все равно не помогло.

— Я не тревожусь.

— Это случилось, милый, помимо моей воли, но я не стала переживать. И ты не переживай и не расстраивайся.

— Я переживаю только за тебя.

— Вот видишь. Не надо. Дети рождаются постоянно. Это такое дело. Так устроена природа.

— Ты просто чудо.

— Ничего подобного. Ты, главное, не заморачивайся, милый. Я постараюсь избавить тебя от проблем. Я знаю, что сейчас создала проблему. Но

разве до сих пор я не была примерной девочкой? Ты ведь ни о чем таком не догадывался?

— Нет.

— Все будет как обычно. Ты только не переживай. Я вижу, ты взволнован. Прекрати. Прекрати немедленно. Хочешь выпить, милый? Я знаю, после стаканчика тебе становится весело.

— Мне весело. А ты замечательная.

— Неправда. Но я договорюсь, чтобы мы были вместе, если ты выберешь, куда нам поехать. В октябре должно быть славно. Мы прекрасно проведем время, милый. А когда ты уедешь на фронт, я буду тебе писать каждый день.

— А где ты окажешься?

— Пока не знаю. В каком-нибудь чудесном месте. Я этим потом займусь.

Какое-то время мы молчали. Кэтрин сидела на кровати, я не сводил с нее глаз, но мы друг к другу не прикасались. Мы были порознь, как смущенная пара, когда в комнату входит третий. Но вот она взяла меня за руку.

— Милый, ты на меня не сердишься?

— Нет.

— И ты не чувствуешь себя пойманным в ловушку?

— Отчасти, может быть. Но не тобой.

— Я имела в виду не себя. Вот еще глупости. Вообще, пойманным в ловушку.

— Биологически мы всегда в ловушке.

Она отдалилась от меня на огромное расстояние, при этом не шевелясь и не отнимая руки.

— «Всегда» — не самое хорошее слово.

— Ну, прости.

— Ладно. Пойми, у меня никогда не было ребенка, и я никого по-настоящему не любила и старалась быть такой, какой ты хотел меня видеть, и после этого ты мне говоришь «всегда».

— Я готов отрезать себе язык, — сказал я.

— Ой, милый! — Она вернулась из своего далека. — Не обращай на меня внимания. — Мы снова были вместе, и от смущения не осталось и следа. — Мы с тобой одно целое и не должны делать вид, что не понимаем друг друга.

— Не будем.

— Но это обычная история. Любящие люди делают вид, что не понимают друг друга, и ссорятся, и вдруг выясняется, что они перестали быть одним целым.

— Мы не будем ссориться.

— Мы не должны. Есть только мы двое — и все остальные. Если между нами что-то произойдет, нам конец, и нас съедят поодиночке.

— Не съедят, — сказал я. — Ты такая смелая. Со смельчаками ничего не может случиться.

— Разве они не умирают?

— Лишь однажды.

— Не знаю. Это кто сказал?

— Трус умирает тысячу раз, а смельчак лишь однажды?

— Да. Кто это сказал?

— Не знаю.

— Какой-то трус, — сказала она. — Который все знал о трусах и ничего о смельчаках. Смельчак, может, умирает две тысячи раз. Просто, если у него хватает ума, он об этом не говорит вслух.

— Кто знает. В чужую душу не заглянешь.

— Вот-вот. Поэтому так оно и идет.

— Да ты дока.

— Ты прав, милый. Оценил.

— Ты смелая.

— Нет, но хотелось бы.

— Я точно нет, — сказал я. — Со мной все ясно, и уже давно. Я вроде питчера, который отбивает мяч на двести тридцать футов и знает, что это его предел.

— Отбивает мяч на двести тридцать футов? Это же круто.

— Ничуть. В бейсболе это игрок среднего уров-

ня.

— Но ведь игрок, — поддела она меня.

— Похоже, мы оба с амбициями, — заметил я. — Только ты смелая.

— Нет. Но, надеюсь, еще стану.

— Мы оба смелые, — сказал я. — А я так даже очень, когда выпью.

— Мы замечательные. — С этими словами Кэтрин подошла к шкафу и принесла мне коньяк и стакан. — Выпей, милый, — предложила она. — Ты большой молодец.

— Что-то даже не хочется.

— Выпей.

— Ладно. — Я налил треть стакана и осушил одним махом.

— Ничего себе порция, — заметила она. — Я знаю, что коньяк — напиток героев, но ты тоже не перебарщивай.

— Где мы будем жить после войны?

— Скорее всего в доме для престарелых, — сказала она. — Три года я с детской наивностью ждала, что война закончится к Рождеству. Но сейчас, хочется верить, конец наступит, когда наш сын будет лейтенантом.

— Бери выше, генералом.

— Если это будет столетняя война, он успеет

повоевать за тех и за других.

— Ты выпить не хочешь?

— Нет. У тебя от этого поднимается настроение, а у меня начинает кружиться голова.

— Ты никогда не пила коньяк?

— Нет, милый. Я очень старомодная жена.

Я потянулся к бутылке, стоявшей под кроватью, и налил себе еще.

— Пожалуй, схожу проведаю твоих соотечественников, — сказала Кэтрин. — А ты пока почитай газеты.

— Это обязательно?

— Сейчас или потом.

— Ладно. Тогда сейчас.

— Я потом вернусь.

— А я к тому времени дочитаю газеты, — сказал я.

Глава двадцать вторая

Ночью похолодало, а на следующий день пошел дождь. По дороге домой из «Ospedale Maggiore» я насквозь промок. В палате слышно было, как дождь обрушивается на балкон и его ветром швыряет на стеклянную дверь. Я переоделся и глотнул коньяку, но он у меня не пошел. Ночью я почувствовал себя скверно, а после завтрака меня стошнило.

— Все ясно, — сказал местный врач. — Посмотрите на его белки, мисс.

Мисс Гейдж посмотрела. Показали и мне в зеркале. Белки пожелтели, это была желтуха. Я проболел две недели. Из-за этого об отпуске пришлось забыть. Мы планировали съездить в Палланцу на Лаго-Маджоре. Там хорошо осенью, когда желтеют листья. Есть пешеходные тропы, можно ловить в озере форель на блесну. Это лучше, чем Стреза, меньше народа. Из Милана до Стрезы рукой подать, поэтому там всегда наткнешься на каких-то знакомых. В Палланце есть симпатичная деревня, откуда можно на лодке добраться до островов, где живут рыбаки, а на самом большом острове есть ресторан. Но мы

туда не поехали.

Однажды, когда я лежал с желтухой, в палату вошла мисс Ван Кампен, открыла шкаф и обнаружила там пустые бутылки. Большую партию уже унес привратник, и она, вероятно, это увидела и вот теперь нашла еще. В основном у меня там стояли бутылки из-под вермута, марсалы, капри, пустые фляги из-под кьянти и несколько коньячных бутылок. Привратник унес самые большие, из-под вермута и из-под кьянти в соломенной оплетке, а коньячные оставил на потом. И вот сейчас мисс Ван Кампен обнаружила несколько пустых бутылок из-под коньяка и бутылочку из-под кюммеля в виде медведя, сидящего на задних лапах, с поднятыми передними, с пробкой в стеклянной башке и прилипшими кристалликами на донышке. Эта бутылочка ее особенно разгневала. Она воздела ее над собой, и я засмеялся.

— Это кюммель, — сказал я. — Самый лучший кюммель, вот в таких медвежьих бутылочках, поступает из России.

— Это все бывший коньяк? — приступила к допросу мисс Ван Кампен.

— Всех бутылок мне отсюда не видно, но скорее всего да.

— И давно это продолжается?

— Я сам их покупал и приносил сюда, — объяснил я. — Ко мне часто заходили итальянские офицеры, и я держал для них коньяк.

— Но сами вы не пили? — риторически спросила она.

— Сам я тоже пил.

— Коньяк. Одиннадцать пустых бутылок и еще эта «медвежья».

— Кюммель.

— Я велю их унести. Больше у вас нет пустых бутылок?

— На данный момент нет.

— А я еще вас жалела, когда вы заболели желтухой. Вы недостойны жалости.

— Благодарю.

— Наверное, вас трудно винить в том, что вы не желаете возвращаться на фронт. Но, я думаю, вы могли бы найти более тонкий ход, чем провоцирование желтухи с помощью алкоголизма.

— С помощью чего?

— Алкоголизма. Вы не ослышались.

Я промолчал.

— Боюсь, что, если вы ничего лучше не придумаете, вам придется после поправки отправиться на фронт. Я не считаю, что самозаражение желтухой дает вам право на отпуск для поправки

здоровья.

— Вы не считаете?

— Не считаю.

— Вы когда-нибудь болели желтухой, мисс Ван Кампен?

— Нет, но я наблюдала много случаев.

— Вы видели, какое удовольствие от этого получали пациенты?

— Все-таки это лучше, чем фронт.

— Мисс Ван Кампен, вы когда-нибудь видели мужчину, который, чтобы вывести себя из строя, разбил бы себе мошонку?

Этот вопрос она проигнорировала. Перед ней стоял выбор: проигнорировать вопрос или уйти. Уйти мисс Ван Кампен пока не была готова — слишком долго она носила свою нелюбовь ко мне и теперь намеревалась сорвать куш.

— Я знала много мужчин, наносивших себе увечья, чтобы только не попасть на фронт.

— Вопрос был не об этом. Мне тоже приходилось видеть самовредительство. Я вас спросил, видели ли вы мужчину, который, чтобы вывести себя из строя, разбил бы себе мошонку. Ведь по ощущениям это ближе всего к желтухе, и, думается, немногие женщины его испытали. Вот почему, мисс Ван Кампен, я вас спросил, болели

ли вы желтухой. Потому что если вы…

Но она уже покинула комнату. Вскоре ко мне пришла мисс Гейдж.

— Что вы такое сказали Ван Кампен? Она в ярости.

— Мы сравнивали наши ощущения. Я собирался ей заметить, что если она не рожала…

— Вот дурачок, — оборвала она меня. — Ей нужен ваш скальп.

— Он у нее в руках, — возразил я. — Она лишила меня отпуска, а теперь еще может подвести под военный трибунал. Ей хватит мстительности.

— Вы ей никогда не нравились, — сказала Гейдж. — Из-за чего сыр-бор?

— Она утверждает, что я напился до желтухи, чтобы не возвращаться на фронт.

— Пф-ф. Я присягну, что вы в рот не берете. И все остальные присягнут.

— Она нашла пустые бутылки.

— Я вам сто раз говорила, чтобы вы их выбрасывали. Где они сейчас?

— В шкафу.

— У вас чемодан есть?

— Нет. Сложите их в рюкзак.

Мисс Гейдж так и сделала.

— Я передам привратнику, — сказала она и

направилась к выходу.

— Минуточку. — В дверях стояла мисс Ван Кампен. — Я забираю эти бутылки. — Рядом с ней стоял привратник. — Отнесите, пожалуйста, — обратилась она к нему. — Я их покажу доктору, вместе с моей докладной.

Она отбыла и следом за ней привратник с рюкзаком. Он хорошо знал, что там внутри.

Ничего особенного не случилось, если не считать того, что я остался без отпуска.

Глава двадцать третья

В тот вечер, когда я должен был возвращаться на фронт, я послал привратника занять мне место на поезд из Турина. Там он формировался, в Милан прибывал около десяти тридцати, а отправляться должен был только в полночь. Чтобы заполучить сидячее место, надо было проникнуть в поезд сразу по прибытии. Привратник взял с собой приятеля, пулеметчика, находящегося в отпуске, в прошлом работника портняжной мастерской, полагая, что вдвоем они уж как-нибудь застолбят одно местечко. Я дал им денег на перронные билеты, и они взяли мой багаж — большой рюкзак и два вещевых мешка.

Около пяти часов я попрощался со всеми в госпитале. Мой багаж был у привратника в сторожке, и мы договорились, что я приеду на вокзал незадолго до полуночи. Его жена расплакалась. Она называла меня «синьорино», вытирала слезы, пожимала мне руку и снова плакала. Я похлопал ее по спине, и она снова разрыдалась. Она штопала мои вещи. Это была веселая, маленького росточка, коренастая седая женщина. Но когда она плакала, от веселья на лице ничего

не оставалось. Я зашел в винную лавку на углу и стал у окна. Было уже темно, холодно и туманно. Я заплатил за кофе и граппу и посматривал на прохожих в свете витрины. Увидев Кэтрин, я постучал в стекло. Она увидела меня, улыбнулась, и я вышел к ней. Она была в синем плаще с капюшоном и мягкой фетровой шляпке. Мы пошли по тротуару мимо винных лавок, пересекли рыночную площадь и через арку вышли на соборную площадь. Здесь проходила трамвайная линия, а за ней находился кафедральный собор. В тумане он казался белым и вымокшим. Мы пересекли трамвайные пути. Слева магазины с освещенными витринами и вход на галерею. Площадь утопала в тумане, и собор вблизи оказался огромным и действительно мокрым.

— Хочешь зайти?

— Нет, — ответила Кэтрин, и мы пошли дальше.

Мы прошли мимо солдата и его девушки, стоявших в тени контрфорса. Они прижались к камню, и солдат укрыл ее своим плащом.

— Они как мы, — сказал я.

— Таких, как мы, нет, — откликнулась Кэтрин не слишком радостно.

— Если бы им было куда пойти…

— Не факт, что это пошло бы им на пользу.

— Не знаю. Каждый должен иметь куда пойти.

— У них есть собор, — сказала Кэтрин.

Мы его уже миновали и, пересекая площадь, оглянулись назад. Собор красиво смотрелся в тумане. Мы остановились перед витриной кожгалантереи. Сапоги для верховой езды, рюкзак, лыжные ботинки. Каждый предмет подан как экспонат: в центре рюкзак, с одной стороны сапоги, с другой — лыжные ботинки. Кожа темная, блестящая, как потертое седло. Свет играет на тускло сверкающей кожаной поверхности.

— Как-нибудь покатаемся на лыжах.

— Через два месяца в Мюррене откроется лыжный сезон, — сказала Кэтрин.

— Давай поедем.

— Хорошо. — Мы прошли мимо других витрин, а затем свернули в узкую боковую улочку. — Я никогда здесь не бывала.

— Я этой дорогой возвращаюсь в госпиталь, — сказал я.

Мы шли по правой стороне, а навстречу, сквозь туман, двигались люди. Все витрины были освещены. Наше внимание привлекли груды сыров. Перед оружейным магазином я остановился.

— Давай зайдем на минутку. Я должен купить

оружие.

— Какое оружие?

— Пистолет.

Мы вошли, я расстегнул ремень с пустой кобурой и положил на прилавок, за которым стояли две женщины. Они принесли несколько пистолетов.

— Он должен сюда войти, — сказал я, открывая кобуру. Это была серая кожаная кобура, которую я купил в магазине подержанных товаров, чтобы носить ее в городе.

— У них есть хорошие пистолеты? — усомнилась Кэтрин.

— Они все примерно одинаковые. Могу я проверить вот этот? — спросил я у женщины.

— У нас сейчас нет тира, — сказала она. — Но он очень хороший. Берите — не прогадаете.

Я сделал холостой выстрел, потом оттянул затвор. Хотя пружина была упругая, работала она гладко. Я прицелился и сделал еще один холостой выстрел.

— Опробован в деле, — сказала женщина. — Принадлежал офицеру, отличному стрелку.

— Он купил его у вас?

— Да.

— А как он снова к вам попал?

— Через его ординарца.

— Может, и мой вернется так же, — сказал я. — Почем товар?

— Пятьдесят лир. Дешевле не бывает.

— Хорошо. И еще две запасные обоймы и коробку с патронами.

Она вытащила все из-под прилавка.

— А сабля вам не нужна? — спросила она. — У меня есть очень дешевые сабли.

— Я еду на фронт.

— Ах, так. Тогда вам не нужна сабля.

Я расплатился, зарядил и вставил обойму, сунул пистолет в кобуру, зарядил запасные обоймы и сунул их в специальные отделения в кобуре, после чего снова застегнул ремень. Теперь его оттягивал пистолет. Все же, подумал я, лучше иметь при себе боевое оружие. А патроны всегда найдутся.

— Вот теперь мы вооружены, — сказал я. — Это главное, что я должен был не забыть сделать. Мой старый пропал еще до того, как я оказался в госпитале.

— Надеюсь, пистолет хороший, — сказала Кэтрин.

— Что-то еще? — спросила женщина.

— Да вроде нет.

— К нему есть страховочный шнур, — напомнила она.

— Я заметил.

Женщина на этом не успокоилась.

— А свисток вам не нужен?

— Пожалуй, нет.

Женщина с нами попрощалась, и мы вышли на улицу. Кэтрин бросила прощальный взгляд. Женщина кивнула нам через витрину.

— Для чего это зеркальце в деревянной рамке?

— Для приманки. Во время охоты его вертят в руке, жаворонки прилетают на «зайчика», и итальянцы их отстреливают.

— До чего изобретательный народ, — сказала Кэтрин. — А у вас в Америке, милый, жаворонков не отстреливают?

— Вообще-то нет.

Мы пересекли улицу и пошли по другой стороне.

— Мне уже лучше, — сказала она. — Когда мы вышли, я чувствовала себя ужасно.

— Нам всегда хорошо, когда мы вместе.

— Мы всегда будем вместе.

— Да, если не считать того, что в полночь я уезжаю.

— Не думай об этом, милый.

Мы шли по улице. В тумане свет фонарей отдавал в желтизну.

— Ты не устал? — спросила Кэтрин.

— А ты?

— Я в порядке. Приятно прогуляться.

— Но не будем перебарщивать.

— Не будем.

Мы миновали темный переулок и вышли на большую улицу. Я остановился и прижался к губам Кэтрин. Пока мы целовались, я чувствовал ее руку на своем плече. Потом она потянула за полы моего плаща и завернулась в него вместе со мной. Мы стояли посреди улицы, прижавшись к высокой стене.

— Пойдем куда-нибудь, — предложил я.

— Хорошо, — согласилась она.

Широкая улица вывела нас к каналу. Напротив выстроились каменные дома. А впереди был мост, по которому проехал трамвай.

— Там мы поймаем экипаж, — сказал я.

Мы стояли на мосту, окутанные туманом. Прошло несколько заполненных трамваев, люди возвращались домой. Мимо проехал экипаж с седоками. Стало накрапывать.

— Может, пешком или на трамвае? — предложила Кэтрин.

— Дождемся экипажа, — сказал я. — Они тут часто ездят.

— А вот и он.

Кучер остановил лошадь и запустил счетчик. Верх экипажа был поднят. Плащ кучера уже промок, как и его поблескивающий от дождя лакированный цилиндр. Мы нырнули в темноту укрытия.

— Куда ты сказал ему ехать?

— На вокзал. Напротив есть отель.

— И нас туда пустят? Без багажа?

— Да, — сказал я.

Дорога под дождем, по узким улочкам, предстояла долгая.

— А как насчет ужина? — спросила Кэтрин. — Я уже проголодалась.

— Закажем в номер.

— Мне нечего надеть. У меня нет ночной рубашки.

— Ничего, купим, — успокоил я ее и обратился к кучеру: — Поезжайте по виа Манцони.

Он покивал и на следующем перекрестке свернул налево. Кэтрин высмотрела магазин одежды.

— Вот здесь, — показала она.

Я попросил остановиться, она вышла и скры-

лась в магазине. А я остался ждать. Дождь все шел, и я вдыхал запахи мокрого асфальта и пара, идущего от лошади. Кэтрин вернулась со свертком, уселась рядом, и мы поехали дальше.

— Я мотовка, милый, — сказала она. — Но ночнушка красивая.

Когда мы подъехали к отелю, я попросил Кэтрин подождать, а сам пошел переговорить с менеджером. Свободных комнат было много. Я вернулся, расплатился с кучером, и мы с Кэтрин вместе прошли внутрь. Мальчик-лифтер в униформе с блестящими пуговицами взял у нее сверток. Менеджер движением головы пригласил нас к лифту. Там было много красного плюша и бронзы. Менеджер поехал с нами.

— Месье и мадам желают ужин в номер?

— Да. Распорядитесь, чтобы нам принесли меню, — попросил я.

— Желаете что-нибудь особенное? Дичь или суфле?

Лифт миновал три этажа, отмечая каждый своеобразным щелчком, и наконец со щелчком остановился.

— А какая у вас дичь?

— Можно приготовить фазана или вальдшнепа.

— Вальдшнепа, — сказал я.

Мы шагали по потертому ковру мимо множества дверей. Перед одной менеджер остановился и открыл ее ключом.

— Прошу. Чудесная комната.

Мальчик-лифтер положил сверток на стол в центре комнаты. Менеджер раздвинул шторы.

— Какой туман, — сказал он.

Мебель, отделанная красным плюшем. Зеркала, два кресла, большая кровать с атласным покрывалом. Дверь в ванную.

— Я распоряжусь, чтобы принесли меню. — Менеджер поклонился и покинул нас.

Я посмотрел в окно и потом потянул за шнур, опускавший плотные плюшевые шторы. Кэтрин сидела на кровати, разглядывая хрустальную люстру. Она сняла шляпку, и ее волосы отливали на свету. Плащ она бросила на кровать. Увидев себя в зеркале, она поправила волосы. Я видел ее сразу в трех зеркалах. Глаза у нее были печальные.

— Что-то не так, милая?

— Первый раз чувствую себя шлюхой, — сказала она. Я снова раздвинул шторы и стал смотреть в окно. Вот уж не думал, что все так повернется.

— Ты не шлюха.

— Я знаю, милый. Но чувствовать себя такой не очень-то приятно. — Ее голос звучал сухо и безжизненно.

— Это лучший отель из всех, куда бы нас пустили, — сказал я, глядя в окно. На той стороне площади светились огни вокзала. По улице проезжали экипажи. Виднелись деревья в парке. Освещенные окна отбрасывали блики на мокрую мостовую. О черт, неужели мы должны ссориться в такую минуту, подумал я.

— Иди сюда, — позвала Кэтрин. В ее голосе зазвучали живые нотки. — Иди же. Я снова хорошая девочка.

Я повернулся к ней. Она улыбалась. Я подошел, сел рядом и поцеловал ее.

— Ты моя хорошая девочка.

— Твоя, а чья же, — сказала она.

После ужина нам стало хорошо, а еще позже мы почувствовали себя счастливыми и через какое-то время уже были здесь как дома. Моя палата в госпитале была нашим домом, и то же самое произошло с этой комнатой.

Кэтрин надела мою гимнастерку. Мы страшно проголодались, еда была вкусная, и мы выпили бутылку капри и бутылку сент-эстефа. Пил в основном я, но Кэтрин тоже пригубила, и настро-

ение у нее стало превосходным. На ужин нам принесли вальдшнепа с картофельным суфле, пюре из каштанов, салат и сабайон на десерт.

— Хорошая комната, — сказала Кэтрин. — Очень милая. Жаль, что мы здесь раньше не останавливались.

— Чудна́я комната, но милая.

— Красивая штука разврат, — сказала Кэтрин. — У тех, кто знает в нем толк, неплохой вкус. Шикарный красный плюш. То, что надо. А какие зеркала!

— Ты чудесная.

— Вот только непонятно, как просыпаться в такой комнате. Но хороша.

Я налил еще стакан сент-эстефа.

— Надо бы нам согрешить по-настоящему, — сказала Кэтрин. — А то у нас все так просто и невинно. Даже не верится, что мы делаем что-то нехорошее.

— Ты классная.

— Я голодная. Я жутко голодная.

— Ты такая чудная и простая.

— Я простая. Ты первый, кто это понял.

— Когда мы только познакомились, я целый день себе представлял, как мы пойдем в отель «Кавур» и как все будет.

— Какой ты бесстыжий. Это не похоже на «Кавур»?

— Нет. Но нас бы туда не пустили.

— Когда-нибудь пустят. Вот чем мы с тобой отличаемся, милый. Я себе ничего не представляла.

— Совсем ничего?

— Так, по мелочи, — сказала она.

— Ты чудесная. — Я налил себе еще вина.

— Я совсем простая, — повторила Кэтрин.

— Поначалу я так не думал. Я решил, что ты сумасшедшая.

— Я была немного сумасшедшей. Но так, попростому. Я не запутала тебя, милый?

— Вино — класс, — сказал я. — Сразу забываешь все плохое.

— Приятное, — согласилась Кэтрин. — Только у моего отца от него разыгралась ужасная подагра.

— У тебя есть отец?

— Да. И у него подагра. Тебе необязательно с ним встречаться. А у тебя разве нет отца?

— Нет, — ответил я. — У меня отчим.

— Он мне понравится?

— Тебе необязательно с ним встречаться.

— Мы чудесно проводим время, — сказала Кэтрин. — Все остальное мне неинтересно. Я

счастлива быть твоей женой.

Пришел официант и забрал ненужное. Стало так тихо, что слышался только шум дождя. Где-то внизу просигналил автомобиль.

— «А за спиною Время мчится в своей крылатой колеснице», — процитировал я.

— Я знаю эти стихи, — сказала Кэтрин. — Это Марвелл. Только они о девушке, которая отказывала мужчине в близости.

Ко мне пришла холодная ясность, и я захотел конкретики.

— Где ты собираешься рожать?

— Не знаю. В самом лучшем месте, какое только смогу найти.

— И как ты это устроишь?

— Наилучшим образом. Не переживай, милый. Мы можем нарожать кучу детишек, пока идет война.

— Мне скоро надо будет идти.

— Я знаю. Ты можешь идти хоть сейчас.

— Нет.

— Тогда, милый, не переживай. До сих пор ты был такой спокойный и вдруг начал переживать.

— Больше не буду. Ты часто будешь мне писать?

— Каждый день. Они читают письма?

— Они не настолько хорошо знают английский, чтобы задержать письмо.

— Я буду писать очень витиевато, — сказала Кэтрин.

— Но не слишком.

— Я буду писать немного витиевато.

— Боюсь, что нам пора идти.

— Хорошо, милый.

— Не хочется покидать наш чудесный дом.

— Мне тоже.

— Но надо идти.

— Хорошо. Мы ни в одном доме надолго не задерживаемся.

— Еще задержимся.

— Тебя будет ждать прекрасный дом, когда ты вернешься.

— Может, я скоро вернусь.

— Пусть тебя слегка ранят в ногу.

— Или в мочку уха.

— Нет, уши пусть не трогают.

— А ноги можно?

— Ноги уже и так пострадали.

— Милая, нам пора. Правда.

— Хорошо. Ты первый.

Глава двадцать четвертая

Мы не стали вызывать лифт, а пошли вниз пешком. Ковер на лестнице был потертый. За ужин я заплатил официанту, еще когда его принесли, сейчас же он сидел на стуле у выхода. Он вскочил и поклонился, и я прошел за ним в швейцарскую, где оплатил счет за номер. Менеджер, считая меня своим другом, от аванса отказался, однако перед уходом не забыл посадить официанта у входной двери, чтобы я не улизнул, не заплатив. Такое, видимо, случается даже с друзьями. Много нас, друзей, во время войны.

Я попросил официанта достать нам экипаж, и он ушел со свертком Кэтрин, раскрыв зонт. Мы видели, как он под дождем пересек улицу. Мы стояли и смотрели в окно.

— Как ты себя чувствуешь, Кэт?

— Я засыпаю.

— А я голодный.

— У тебя какая-то еда осталась?

— Да. В вещевом мешке.

Подъехал экипаж. Лошадь понуро стояла под дождем. Официант соскочил на землю, открыл зонт и направился к дверям, где мы его уже

ждали. Под его зонтом мы прошли по мокрой дорожке к экипажу у обочины. В сточной канаве бежала вода.

— Ваш сверток на сиденье, — сказал официант. Он стоял с раскрытым зонтом, пока мы не сели. Я дал ему на чай.

— Большое спасибо. Приятного путешествия, — пожелал он.

Кучер подхватил вожжи, и лошадь затрусила. Официант развернулся под зонтом и потопал в гостиницу. Мы проехали немного, свернули налево, потом направо и оказались перед вокзалом. Под фонарем, укрывшись от дождя, стояли два карабинера в поблескивающих шляпах. В лучах станционных огней струйки воды казались чистыми и прозрачными. Из-под арки, втянув голову под дождем, вышел носильщик.

— Спасибо, — сказал я. — Мне помощь не нужна.

Он снова ушел под арку. Я повернулся к Кэтрин. Из-за поднятого верха ее лицо было в тени.

— Нам надо прощаться.

— Я не могу войти с тобой?

— Нет. Счастливо, Кэт.

— Ты ему скажешь «в госпиталь»?

— Да.

Я назвал кучеру адрес. Он кивнул.

— Пока, — сказал я. — Береги себя и маленькую Кэтрин.

— Счастливо, милый.

— Счастливо.

Я соскочил под дождь, экипаж тронулся. Кэтрин высунулась, и фонарь высветил ее лицо. Она улыбнулась и помахала мне рукой. Экипаж удалялся, а она показывала мне на арку. Я посмотрел, там стояли все те же два карабинера. И только тут до меня дошло: она просила меня укрыться от дождя. Я зашел под арку и оттуда смотрел, как экипаж сворачивает за угол. Пройдя через вокзал, я вышел на платформу.

Здесь меня встретил наш привратник и проводил в вагон, где было полно народу, мы прошли по коридору, а за дверью, в уголке заполненного купе, меня поджидал знакомый пулеметчик. Мой рюкзак и вещевые мешки лежали в сетке для багажа у него над головой. Многие пассажиры стояли в коридоре, и, когда мы вошли в купе, все подозрительно на нас посмотрели. Мест в поезде не хватало, и люди были настроены враждебно. Пулеметчик освободил мое место. Кто-то хлопнул меня по плечу. Я обернулся. Это был высокий сухопарый капитан артиллерии с красным шра-

мом вдоль подбородка. Он все видел из коридора через стеклянную дверь и вошел следом.

— В чем дело? — спросил я, встретившись с ним взглядом.

Выше меня ростом, под козырьком фуражки тонкое лицо, на котором розовеет свежий шрам. Все, кто был в купе, молча на меня смотрели.

— Вы не имеете права, — сказал он. — Нельзя, чтобы солдат держал вам место.

— Так уж случилось.

Он сглотнул, и я увидел движение его кадыка вверх-вниз. Пулеметчик стоял, закрывая собой свободное место. Через стеклянную дверь внутрь заглядывали другие пассажиры. Купе хранило молчание.

— Вы не имеете права так поступать. Я находился здесь за два часа до вашего прихода.

— Чего вы хотите?

— Это место.

— Я тоже.

Я смотрел на него и чувствовал, что против меня настроено все купе. Они не виноваты. Он прав. Но не хотелось отдавать место. Молчание затягивалось.

Черт с ним, подумал я.

— Садитесь, синьор капитан, — сказал я. Пуле-

метчик отошел в сторону, и высокий капитан сел, поглядев на меня. Вид у него был недовольный. Хотя он свое получил. — Достаньте мои вещи, — попросил я пулеметчика.

Мы вышли в коридор. Поезд был набит битком, и я понимал, что на место рассчитывать не приходится. Я дал носильщику и пулеметчику по десять лир. Они прошли по коридору и спустились на платформу. Оба посматривали на окна, но свободных мест нигде не было.

— Может, кто-то сойдет в Брешии, — предположил носильщик.

— И еще больше зайдет, — сказал пулеметчик.

Я с ними попрощался, мы пожали друг другу руки, и они ушли. У обоих на душе было скверно. Мы все стояли в коридоре, когда поезд тронулся. Мимо проплыли огни вокзала и склады. Из-за дождя из окон скоро стало ничего не видно. Спать я улегся прямо на пол, предварительно распихав записную книжку, деньги и документы по карманам рубашки и брюк. Я проспал до утра, просыпался только в Брешии и Вероне, когда в поезд входили новые пассажиры, но тут же снова засыпал. Голову я положил на один вещевой мешок, а второй обнимал руками, и все через меня перешагивали, стараясь не наступить. Весь

пол в коридоре был занят спящими. Другие стояли на ногах, держась за оконные поручни или прислонившись к дверям купе. Меньше народу не становилось.

Книга третья

Глава двадцать пятая

Стояла осень, деревья обнажились, дороги раскисли. Из Удине в Горицию я ехал на грузовике для перевозки пушек. Мы обгоняли другие грузовики, и я обозревал окрестности. Шелковицы стояли голые, поля побурели. На дороге лежали облетевшие мертвые листья, рабочие ремонтировали дорогу, заделывая выбоины щебенкой, сваленной в кучи на обочине между деревьев. Из тумана, скрывавшего горы, выплыл город. Мы пересекли реку, и я обратил внимание на паводок. В горах прошли дожди. Мы въехали в город мимо фабрик и домов и вилл, и я увидел, как много домов пострадало от артобстрела. На узкой улочке мы миновали машину британского Красного Креста. У шофера в пилотке было худое загорелое лицо, мне незнакомое. Я вышел из грузовика на главной площади перед домом мэра, водитель передал мне рюкзак, который я сразу надел, потом набросил на плечи вещевые мешки и побрел на нашу виллу. У меня не было ощущения, что я вернулся домой.

Я шел по мокрой гравийной дорожке, поглядывая на виллу за деревьями. Все окна были

закрыты, зато входная дверь настежь. Войдя, я увидел в пустой комнате за столом майора, а на стене перед ним карты и отпечатанные листки.

— Привет, — сказал майор. Он постарел и как будто усох. — Ну, как вы?

— Я в порядке. Как тут у вас обстоят дела?

— Дела закончились, — сказал он. — Снимайте амуницию и садитесь.

Я поставил рюкзак и вещевые мешки на пол, а пилотку положил на рюкзак. Перенес стул, стоявший у стены, и сел за стол.

— Скверное было лето, — сказал майор. — Силы есть?

— Есть.

— Вы получили награды?

— Да, получил. Спасибо.

— Покажите.

Я распахнул плащ, чтобы он увидел две ленточки.

— А коробочки с медалями получили?

— Нет. Только наградные документы.

— Еще придут. Это вопрос времени.

— Что вы мне поручаете?

— «Санитарок» не осталось. Шесть машин на севере в Капоретто. Вы бывали в Капоретто?

— Да, — сказал я. В памяти остался белый го-

родок с колокольней. Маленький, чистый, с красивым фонтаном на площади.

— Они работают на месте. Там много раненых. Бои закончились.

— А остальные где?

— Две в горах, четыре до сих пор в Баинзицце. Еще две «санитарки» в Карсо, в Третьей армии.

— Что я должен делать?

— Вы можете забрать четыре машины из Баинзиццы, если хотите. Джино давно там торчит. Вы же не бывали в тех краях?

— Нет.

— Там была заваруха. Мы потеряли три машины.

— Мне рассказывали.

— Ну да, Ринальди вам писал.

— Где сейчас Ринальди?

— Трудится в госпитале. Все лето и осень, без перерыва.

— Да уж.

— Та еще была заваруха, — сказал майор. — Вы себе даже не представляете. Я часто думал: вам повезло, что вас тогда ранили.

— Я знаю.

— Следующий год будет еще хуже, — продолжал майор. — Может, начнется наступление.

Говорят, что начнется, но я не верю. Поздно. Какая река, видели?

— Да. Вода поднялась.

— Не верю, что сейчас, когда пошли дожди, начнется наступление. Уже до снега недалеко. А что ваши соотечественники? Кроме вас, еще появятся американцы?

— Готовится десятимиллионная армия.

— Хорошо бы заполучить хоть кого-то. Но всех заграбастают французы, и нам никого не достанется. Ладно. Переночуйте и завтра утром поезжайте на маленькой машине. Пусть Джино возвращается. Я вам дам человека, который знает дорогу. Джино вам все расскажет. Там еще немного постреливают, но по большому счету все закончилось. Баинзицца вам понравится.

— Не сомневаюсь. Я рад опять оказаться с вами, синьор майор.

Он улыбнулся.

— Спасибо на добром слове. Я ужасно устал от этой войны. Окажись я отсюда подальше, не уверен бы, что вернулся.

— Все так плохо?

— Еще хуже, чем кажется. Приведите себя в порядок и разыщите своего дружка Ринальди.

Я понес свой багаж наверх. Ринальди в комна-

те не было, только его вещи. Я сел на кровать, скатал обмотки и стянул ботинок с правой ноги. Потом улегся навзничь. Я устал, ныла больная нога. Как-то глупо было лежать в одном ботинке, поэтому я сел, расшнуровал второй и скинул его на пол, после чего снова улегся на одеяло. В комнате было душно, но я слишком устал, чтобы встать и открыть окно. Мои вещи лежали в одном углу. Стало темнеть. Я лежал, думал о Кэтрин и ждал Ринальди. Надо бы попытаться не думать о ней, только ночью, перед сном. Но от усталости и безделья я лежал и думал о Кэтрин. До прихода Ринальди. Он нисколько не изменился, разве что немного похудел.

— О малыш, — сказал он. Я сел на кровати. Он подошел, сел рядом и обнял меня за плечи. — Мой верный малыш. — Он похлопал меня по спине, а я держал его за плечи. — Ну-ка, малыш, покажи свое колено.

— Мне придется снять штаны.

— Снимай штаны, малыш. Здесь все свои. Я должен посмотреть, что с тобой сделали.

Я встал, спустил брюки и снял повязку. Сев на пол, Ринальди стал осторожно сгибать и разгибать мое колено. Он провел пальцем вдоль рубца, потом положил большие пальцы на коленную ча-

шечку, а остальными нежно потеребил колено.

— Это все, на что способен твой сустав?

— Да.

— Это преступление — выписывать тебя в таком состоянии. Они должны были вернуть полную подвижность.

— Сейчас уже гораздо лучше. Раньше была просто доска.

Ринальди еще согнул колено. Я смотрел на его руки. Это были руки хорошего хирурга. Я перевел взгляд на макушку, набриолиненные волосы были разделены аккуратным пробором. Тут он перестарался, и я ойкнул.

— Тебе надо продолжить курс лечебной терапии, — сказал Ринальди.

— Уже лучше, чем было.

— Вижу, малыш. Про это я понимаю больше тебя. — Он поднялся и снова сел на кровать. — Колено прооперировали хорошо. — Эта тема была закрыта. — Расскажи про все остальное.

— Да нечего рассказывать. Вел тихий образ жизни.

— Ты прямо как женатый мужчина. Что это с тобой?

— Ничего, — ответил я. — А с тобой?

— Эта война меня доконает, — сказал Риналь-

ди. — Я в глубокой депрессии. — Он сцепил руки на колене.

— Вот как.

— А что? Я уже не имею права на человеческие чувства?

— Да ты же отлично проводил время. Рассказывай.

— Все лето и осень я оперировал. Я только и делаю, что вкалываю. За всех. Все трудные случаи мои. Малыш, из меня получается отличный хирург.

— Так-то оно лучше.

— Я ни о чем не думаю. Клянусь, вообще не думаю. Только оперирую.

— И правильно.

— Но все это, малыш, в прошлом. Я больше не оперирую и чувствую себя паршиво. Это все война, малыш. Поверь, я знаю, что говорю. Подними мне настроение. Пластинки привез?

— Привез.

Завернутые в бумагу, они лежали в моем рюкзаке в картонной коробке. Я так устал, что их не вытащил.

— Но у тебя-то, малыш, настроение хорошее?

— У меня паршивое.

— Это все война, — повторил Ринальди. — Лад-

но. Мы с тобой напьемся, и нам станет весело. А потом пустимся во все тяжкие, и станет совсем хорошо.

— У меня была желтуха, — сказал я. — Мне нельзя пить.

— В каком виде, малыш, ты ко мне вернулся? Такой серьезный, да еще с больной печенкой. Говорю тебе, это все паршивая война. На кой она нам сдалась?

— Мы выпьем. Напиваться я не буду, но мы выпьем.

Ринальди принес со столика для умывальных принадлежностей два стакана и бутылку коньяка.

— Австрийский, — сказал он. — Семь звезд. Это все, что они сумели захватить на Сан-Габриеле.

— Ты там был?

— Нет. Нигде я не был. Все время здесь оперировал. Это, малыш, твой стакан для полоскания зубов. Я его хранил как напоминание о тебе.

— Как напоминание о том, чтобы почистить зубы.

— Нет. Для этого у меня есть свой стакан. Я его хранил как напоминание о том, как ты старался по утрам отчистить со своих зубов виллу «Росса», как ты чертыхался и глотал аспирин и честил

проституток. Каждый раз, когда я вижу этот стакан, я думаю о том, как ты старался очистить свою совесть с помощью зубной щетки. — Он подошел к кровати. — Поцелуй меня разок и скажи, что не стал серьезным.

— Не буду я тебя целовать. Ты обезьяна.

— Ну да, а ты у нас добропорядочный англосакс. Как же, как же. Ты у нас кающийся грешник. Подождем, когда англосакс начнет отчищать распутство с помощью зубной щетки.

— Лучше налей мне коньяку.

Мы чокнулись и выпили. Ринальди рассмеялся.

— Я тебя напою, вытащу твою больную печень, вставлю здоровую итальянскую, и ты снова станешь настоящим мужчиной.

Я подставил ему пустой стакан. Тем временем стемнело. Я встал с наполненным стаканом и открыл окно. Дождь прошел. Похолодало, на деревья опустился туман.

— Не выливай коньяк в окно, — сказал Ринальди. — Если не можешь больше пить, отдай мне.

— Пошел ты знаешь куда. — Я был рад снова его видеть. Два года он надо мной подтрунивал, и мне это нравилось. Мы отлично понимали друг друга.

— Ты женился? — спросил он, сидя на кровати. Я стоял у окна, прислонясь к стене.

— Еще нет.

— Ты влюблен?

— Да.

— В эту англичанку?

— Да.

— Бедный малыш. Она тебя обихаживает?

— Конечно.

— Чисто конкретно?

— Заткнись.

— Сейчас. Я человек исключительно деликатный, вот увидишь. А она…

— Ринин, — остановил я его. — Прошу тебя, заткнись. Если хочешь быть моим другом.

— Я не хочу быть твоим другом, малыш. Я давно твой друг.

— Тогда заткнись.

— Как скажешь.

Я подошел и сел рядом. Он смотрел в пол, держа стакан в руках.

— Ты все понял, Ринин?

— О, да. Всю жизнь я сталкиваюсь со святыми понятиями. Правда, не в твоем случае. Но, видимо, к тебе это тоже относится. — Он продолжал смотреть в пол.

— А у тебя их нет?

— Нет.

— Совсем?

— Совсем.

— Я могу говорить то да сё о твоей матери и о твоей сестре?

— И о своей тоже, — мгновенно отреагировал Ринальди. Мы оба расхохотались.

— Старый супермен, — сказал я.

— Может, я ревную.

— Так я тебе и поверил.

— Не в этом смысле. Я о другом. У тебя есть женатые друзья?

— Есть, — сказал я.

— А у меня нет. Таких, которые бы любили друг друга.

— Почему?

— Я вызываю у них подозрение.

— Не понял?

— Я змей. Змей раздора.

— Ты все перепутал. Там было яблоко раздора.

— А я говорю — змей!

Он развеселился.

— Тебе лучше не копать глубоко, — сказал я.

— Люблю тебя, малыш, за тычки, которые ты мне даешь, когда я превращаюсь в великого ита-

льянского мыслителя. Просто я не всегда могу выразить словами, что знаю. А знаю я больше, чем ты.

— Да. Это правда.

— У тебя все будет хорошо. Несмотря на угрызения совести, все у тебя будет хорошо.

— Я так не думаю.

— О, да. Это так. Я счастлив, только когда работаю. — Он снова смотрел в пол.

— Твоя хандра пройдет.

— Нет. Мне нравятся еще две вещи, но одна плохо отражается на моей работе, а второй хватает на полчаса, если не на пятнадцать минут. А то и меньше.

— И даже гораздо меньше.

— Я, малыш, поднаторел. Можешь мне поверить. Но у меня ничего нет, кроме работы и двух вещей.

— Еще много чего получишь.

— Нет. Мы ничего не получаем. Мы рождаемся с тем, что у нас есть, и ничему не учимся. И ничего нового не получаем. Нам все уже дано на старте. Радуйся тому, что ты не латинянин.

— «Латинское» мышление! Нет такого понятия. Ты так гордишься своими недостатками.

Ринальди поднял голову и засмеялся:

— Давай, малыш, остановимся. Я устал так много думать. — Он, когда пришел, уже выглядел уставшим. — Пора бы и поесть. Я рад, что ты вернулся. Ты мой лучший друг и боевой брат.

— А когда боевые братья едят? — поинтересовался я.

— Прямо сейчас. Но сначала мы еще выпьем ради твоей печенки.

— Как учил святой Павел.

— Вот тут ты неточен. Он говорил о вине и о желудке. Употребляй немного вина ради желудка твоего[22].

— Что есть, то и наливай, — сказал я. — Не для того, так для другого.

— За твою девушку, — сказал Ринальди, поднимая стакан.

— Нет возражений.

— Я не скажу о ней ни одной гадости.

— Не перенапрягайся.

Он осушил свой стакан.

— Я безгрешен, — сказал он. — Как ты, малыш. У меня тоже будет англичанка. Между прочим, я с твоей девушкой первый познакомился, но

---

[22] Примечания: 22

«Впредь пей не одну воду, но употребляй немного вина, ради желудка твоего и частых твоих недугов» (Первое послание к Тимофею святого апостола Павла: 5:23).

она оказалась для меня высоковата. Высоковата для сестры.

— Ты безгрешен в своих помыслах, — сказал я.

— А что, нет? Недаром же меня называют Ринальдо Чистиссимо.

— Ринальдо Дразниссимо.

— Пойдем, малыш, поедим, пока мои помыслы безгрешны.

Я умылся, причесался, и мы пошли вниз. Ринальди был слегка пьян. В столовой еще не успели все приготовить.

— Схожу-ка я за бутылочкой, — сказал Ринальди. Он отправился наверх, а я остался за столом. Он вернулся с коньяком и налил себе и мне по полстакана.

— Перебор, — сказал я, поднеся стакан к настольной лампе.

— На пустой желудок — в самый раз. Отличная штука. Сжигает желудок дотла. Что может быть для тебя хуже?

— Убедил.

— Медленное самоубийство, — сказал Ринальди. — Желудку кранты, дрожь в руках. То, что нужно хирургу.

— Рекомендуешь?

— От всей души. Другого не употребляю. Выпей,

малыш, и жди, когда тебя затошнит.

Я осушил полстакана. Из коридора донесся крик:

— Суп! Суп готов!

Вошел майор, кивнул нам и сел за стол. В этом положении он казался совсем маленьким.

— И это вся компания? — спросил он.

Дежурный по столовой поставил перед ним большую миску, и он налил себе полную тарелку супа.

— Вся, — подтвердил Ринальди. — Может, еще придет священник. Если бы он знал, что Федерико здесь, то точно бы пришел.

— А где он? — спросил я.

— В триста седьмом, — ответил майор, налегавший на суп. Он вытер губы и аккуратно промокнул загнутые седые усы. — Я думаю, придет. Я им позвонил и попросил ему передать, что вы здесь.

— Мне не хватало нашей шумной столовой, — сказал я.

— Да, теперь тихо, — согласился майор.

— Сейчас я начну шуметь, — пообещал Ринальди.

— Выпейте вина, Энрико, — сказал майор.

Он налил мне в стакан. Тут принесли спагетти,

и все занялись делом. Мы уже доедали, когда появился священник. Он был все тот же: маленький, смуглый и весь такой компактный. Я встал, и мы обменялись рукопожатием. Он положил ладонь мне на плечо.

— Я как услышал, сразу пришел, — сказал он.

— Садитесь, — пригласил его майор. — Вы припоздились.

— Добрый вечер, святой отец. — Последние два слова Ринальди произнес по-английски. Он это перенял у капитана, вечно подкалывавшего священника и немного говорившего на английском.

— Добрый вечер, Ринальдо, — отозвался священник. Дежурный принес ему суп, но он сказал, что начнет со спагетти.

— Ну, как вы? — спросил он меня.

— Отлично. А как тут у вас?

— Выпейте вина, святой отец, — предложил ему Ринальди. — Это полезно. Употребляй немного вина ради желудка твоего. Святой Павел сказал.

— Да, я знаю, — вежливо согласился священник. Ринальди ему налил.

— Этот святой Павел, — сказал Ринальди. — От него одни неприятности.

Священник поглядел на меня с улыбкой. Я понял, что эти подколки его больше не трогают.

— Этот святой Павел, — продолжал Ринальди. — Он был пропойца и ходок, а когда запал прошел, объявил, что это грех. Вышел в тираж и установил правила для нас, которые еще о-го-го. Разве не так, Федерико?

Майор не скрыл улыбки. Теперь все ели мясное рагу.

— Никогда не обсуждаю святых после захода солнца, — сказал я. Священник оторвался от еды и улыбнулся мне.

— Глядите-ка, переметнулся на сторону священника, — сказал Ринальди. — Куда подевались добрые старые кусачие? Где Кавальканти? Где Брунди? Где Чезаре? Я что, должен один покусывать священника?

— Хорошего священника, — уточнил майор.

— Хорошего, — согласился Ринальди. — Но все равно священника. Я пытаюсь вернуть столовой былую славу. Хочу развеселить Федерико. Идите вы к черту, святой отец!

Я проследил за взглядом майора. Он понял, что Ринальди пьян. И побледнел. Его белый лоб особенно выделялся на фоне черных волос.

— Все хорошо, Ринальдо, — сказал священник. — Все хорошо.

— Идите к черту, — повторил тот. — К черту

всех. — Он откинулся назад.

— У него был трудный период, вот и устал, — обратился ко мне майор. Он доел мясо и куском хлеба собрал подливку со дна тарелки.

— Плевать я хотел, — объявил всему столу Ринальди. — К черту всё. — Он с вызовом обвел взглядом сотрапезников. Глаза пустые, весь бледный.

— Правильно, — сказал я. — К черту все.

— Нет, нет, — завелся Ринальди. — Так не пойдет, так не пойдет. Ты трезвый, ни в одном глазу, и больше ничего нет. Нет ничего больше, говорю. Ни черта. Когда я не работаю, я все отлично вижу.

Священник покачал головой. Дежурный унес рагу.

— Что это вы едите мясо? — Ринальди повернулся к священнику. — Забыли, что сегодня пятница?

— Сегодня четверг, — поправил его священник.

— Вранье. Пятница. Вы едите тело Христово. Божественную плоть. Я знаю, это австрийская дохлятина. Вот кого вы едите.

— Белое мясо офицерское, — напомнил я старую шутку.

Ринальди засмеялся и наполнил свой стакан.

— Не обращайте на меня внимания, — сказал он. — Я немножко ку-ку.

— Вам бы в отпуск, — посоветовал священник.

Майор, глядя на него, помотал головой. Ринальди смерил взглядом священника.

— По-вашему, мне надо в отпуск?

Майор повторил свой жест для священника. Ринальди не сводил с него глаз.

— Дело ваше, — сказал тот. — Не хотите — как хотите.

— Идите к черту, — сказал Ринальди. — От меня хотят избавиться. Каждый день от меня хотят избавиться. А я отбиваюсь. Ну да, страдаю этим делом. А кто не страдает? Да у всех это есть. Сначала, — он словно читал нам лекцию, — сначала появляется маленький прыщик. Затем мы обнаруживаем на груди сыпь. А затем все пропадает. Главное, верить в ртуть.

— Или в сальварсан, — осторожно вставил майор.

— Ртутный препарат, — подытожил Ринальди. Он воодушевился. — Я знаю кое-что в два раза посильнее этого. Святой отец, дружище, вам это не грозит. Вот малышу грозит. Это производственная травма. Обычная производственная травма.

Дежурный по столовой принес десерт и кофе. На десерт был хлебный пудинг с подливкой на коньяке. Лампа зачадила, стекло покрылось черной копотью.

— Заберите лампу и принесите пару свечек, — сказал майор.

Дежурный принес две зажженные свечки в поддончиках и, задув лампу, унес ее. Ринальди притих. Кажется, он пришел в чувство. Мы еще поговорили и после кофе вышли в холл.

— Вы еще поболтайте, а мне надо в город, — сказал Ринальди. — Доброй ночи, святой отец.

— Доброй ночи.

— Увидимся позже, Фреди.

— Приходи пораньше, — сказал я.

Он состроил гримасу и исчез за дверью.

— Он слишком много работал и совсем вымотался, — заметил майор. — К тому же считает, что у него сифилис. Я так не думаю, но кто знает. Он лечится. Спокойной ночи. Вы уедете еще до рассвета, Энрико?

— Да.

— Тогда до свидания и удачи. Педуцци вас разбудит и поедет с вами.

— До свидания, майор.

— Счастливо. Поговаривают о наступлении ав-

стрийцев, но я в это не верю. Надеюсь, что нет. В любом случае не здесь. Джино вам все расскажет. Телефонная связь теперь устойчивая.

— Я буду звонить регулярно.

— Пожалуйста, звоните. Счастливо. Не позволяйте Ринальдо пить столько коньяка.

— Я постараюсь.

— Доброй ночи, святой отец.

— Доброй ночи, синьор майор.

Он ушел к себе.

Глава двадцать шестая

Я открыл входную дверь и выглянул наружу. Дождь сменился туманом.

— Не пойти ли нам наверх? — предложил я священнику.

— У меня не так много времени.

— Пойдемте.

Мы поднялись ко мне. Я лег на кровать Ринальди, а священник присел на мою кровать, заправленную дежурным. В комнате было темно.

— Ну, так как вы? — спросил он.

— Я в порядке. Только сегодня устал.

— Я тоже, хотя непонятно отчего.

— Что вы думаете о войне?

— Я думаю, она скоро закончится. Не знаю почему, но я так чувствую.

— Как вы это чувствуете?

— Ваш майор. Видите, какой он стал смиренный? И так сейчас со многими.

— Я и сам такой.

— Ужасное было лето, — продолжал священник. За то время, что мы не виделись, он стал увереннее в себе. — Вы даже не представляете.

Впрочем, вы были на передовой и знаете, на что это похоже. За лето многие, наконец, поняли, что такое война. Офицеры, которые, как мне казалось, не способны ничего понять, теперь понимают.

— И что дальше? — Я погладил одеяло.

— Не знаю, но сомневаюсь, что это может продолжаться долго.

— И дальше что?

— Они прекратят боевые действия.

— Кто?

— Обе стороны.

— Хотелось бы надеяться, — сказал я.

— Вы в это не верите?

— Я не верю, что обе стороны одновременно сложат оружие.

— Пожалуй. Слишком завышенные ожидания. Но, видя перемену в людях, я думаю, что так не может продолжаться.

— Кто выиграл летнюю кампанию?

— Никто.

— Выиграли австрийцы, — возразил я. — Они не дали захватить Сан-Габриеле. Это их победа, и они не сложат оружие.

— Если они чувствуют то же, что и мы, может, и сложат. Они прошли через такие же испытания.

— Победитель никогда не складывает оружия.

— Вы меня обескураживаете.

— Я всего лишь говорю, что думаю.

— По-вашему, это будет продолжаться бесконечно? Нам не на что рассчитывать?

— Не знаю. Просто я думаю, что австрийцы не сложат оружие, раз они одержали победу. Только поражение делает из нас христиан.

— Австрийцы христиане, если не считать боснийцев.

— Я не о христианах буквально. Я о христианском духе.

Он молчал.

— Все мы стали смиреннее, потому что нас побили. Каким бы стал Создатель, если бы Петр его спас в Гефсиманском саду?

— Он остался бы таким же.

— Не думаю.

— Вы меня обескураживаете, — сказал он. — Я верю и молюсь о переменах. Они казались мне уже совсем близкими.

— Может, что-то и случится, — сказал я. — Но только с нами. Если бы они чувствовали то же, что и мы, было бы хорошо. Но они нас побили. Они испытывают другие чувства.

— Такое испытывали многие солдаты. И не

обязательно потому, что были биты.

— Они были биты изначально. Еще когда их силой оторвали от хозяйства и направили в армию. Крестьянин обладает житейской мудростью, потому что он был бит изначально. Дайте ему власть и посмотрите, что останется от его мудрости.

Священник молчал, погруженный в свои мысли.

— Я тоже хандрю. Вот почему стараюсь не думать о таких вещах. Я о них не думаю, но стоит мне открыть рот, как в голову приходит то, о чем я даже не думал.

— Я на что-то надеялся.

— На поражение?

— Нет. На что-то более значительное.

— Нет ничего более значительного. Кроме победы. Что может оказаться еще хуже.

— Я долго рассчитывал на победу.

— Я тоже.

— А теперь и не знаю.

— Есть только два варианта.

— В победу я больше не верю.

— Я тоже. Но и в поражение я не верю. Хотя, возможно, это лучший вариант.

— А во что вы верите?

— В сон, — сказал я.

Он поднялся.

— Простите, что засиделся. Но мне так нравится с вами разговаривать.

— Это здорово, что мы снова беседуем. Про сон — это я так, без всякого намека.

Мы оба встали и в темноте пожали друг другу руки.

— Я теперь в триста седьмом, — сказал он.

— Я рано утром выезжаю на пост.

— Увидимся, когда вы вернетесь.

— Погуляем и побеседуем. — Я проводил его до двери.

— Провожать вниз меня не надо, — сказал он. — Хорошо, что вы вернулись. Хотя для вас это не так хорошо. — Он положил руку мне на плечо.

— Ничего, все нормально. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи. Чао!

— Чао! — Я смертельно хотел спать.

Глава двадцать седьмая

Я проснулся, когда вошел Ринальди, но он не заговорил, и я снова провалился в сон. Из дома я ушел еще до рассвета, когда он крепко спал.

Я впервые ехал в Баинзиццу, и было странно взбираться по склону, где когда-то располагались австрийцы, и проезжать то самое место у реки, где я получил ранения. Я увидел новую дорогу, идущую круто вверх, и много грузовиков. Дальше дорога пошла по плато, и сквозь туман я разглядел лесной массив и крутые холмы. Некоторые рощицы, которые были захвачены быстро, совсем не пострадали. На открытой местности дорога с боков и сверху была замаскирована. Оборвалась она в разрушенной деревне. Дальше шли укрепления. Артиллерии здесь хватало. Дома сильно пострадали, но все было хорошо организовано, указатели на каждом шагу. Мы разыскали Джино, и он угостил нас кофейком, а потом мы вместе встретились с разными людьми и обошли посты. Британские санитарные машины, по словам Джино, работали за Баинзиццей, в Равне. Он был большим поклонником англичан. Изредка еще постреливают, сказал он, но раненых немного.

Зато пойдут заболевания, связанные с сезоном дождей. Поговаривают о возможном наступлении австрийцев, однако он в это не верит. О нашем наступлении тоже поговаривают, но подкрепления пока не перебросили, так что тоже вряд ли. С едой перебои, и он мечтает о хорошем застолье в Гориции. Что я ел на ужин? Я ему сказал, и он пришел в восторг. Особенно его впечатлило сладкое. В подробности я не вдавался, просто сказал, что было сладкое, и, вероятно, он себе представил нечто более интересное, чем хлебный пудинг.

В курсе ли я, куда его пошлют? Я ответил, что не знаю, но несколько «санитарок» находятся в Капоретто. Вот где бы он хотел оказаться. И городок симпатичный, и высокая гора чуть подальше очень даже ничего. Джино был славный парень и, кажется, всем нравился. По его словам, где действительно был ад, так это на плато Сан-Габриеле и во время неудавшейся атаки за Ломом. У австрийцев, сказал он, много артиллерии в лесах по всему хребту Тернова, и, находясь над нами, они по ночам вовсю обстреливают дороги. Особенно его достала батарея морских орудий. Он их сразу узнает по стелющейся траектории. Ты слышишь залп и почти сразу за этим пронзительный вой. Стреляют они обычно дуплетом, с секундным

интервалом, и осколков после разрыва снаряда не счесть. Он мне показал один такой — кусок металла длиной больше фута, с ровными зазубринами. Похоже на баббит.

— Не думаю, что эти снаряды так уж часто достигают цели, — сказал Джино. — Но они меня пугают. Такой звук, как будто он сейчас угодит в тебя. Бух, вой, взрыв. И что с того, что ты не ранен, если тебя напугали до смерти?

Он сказал, что против нас теперь сражаются хорваты и мадьяры. Наши войска все еще находятся в состоянии боевой готовности, но при этом нет ни нормальной телефонной связи, ни позиций, на которые можно было бы отступить, если нас атакуют австрийцы. Есть ведь подходящие позиции для обороны вдоль небольших гор вокруг плато, но никто не позаботился о том, чтобы их укрепить.

— А кстати, как вам Баинзицца?

— Я ожидал чего-то плоского, вроде плато. Вот уж не думал, что здесь такие перепады.

— Alto piano, — сказал Джино, — хотя no piano[23].

Мы пришли в подвал, где он жил. Я сказал, что,

---

[23] Примечания: 23
Плоскогорье, хотя не такое уж плоское *(итал.).*

по моему мнению, плоский кряж с выемкой было бы легче и практичнее удерживать, чем цепь небольших гор.

— Брать приступом гору не сложнее, чем позиции на равнине, — утверждал я.

— Смотря какие горы, — возразил он. — Взять хоть Сан-Габриеле.

— Да, — сказал я, — но проблемы у нас возникли наверху, на самом плато. А до вершины добрались довольно легко.

— Не так уж и легко, — возразил он.

— Да, — сказал я, — но тут особый случай, так как эта гора больше напоминала крепость. Австрийцы укрепляли ее годами.

Я хотел сказать, что, с тактической точки зрения, война это всегда перемещения и удерживать позиции на горной гряде трудно, так как каждая линия слишком уязвима. Нужна максимальная мобильность, а горы — это не тот случай. К тому же стрельба сверху чревата перелетами. Если какой-то фланг отступит, на вершине останутся лучшие бойцы. Война в горах — нет, я в это не верил.

— Я много размышлял на эту тему, — сказал я. — Мы укрепимся на одной горе, они на другой, но когда дойдет до серьезного выяснения отно-

шений, всем придется спуститься вниз.

— А что вы станете делать, если у вас граница проходит через горы? — спросил он.

— Над этим я пока думаю, — ответил я, и мы оба посмеялись. — Но в былые времена, — сказал я, — австрийцев всегда лупили в окрестностях Вероны. Давали им спуститься на равнину и там устраивали порку.

— Но то были французы, — возразил Джино, — а когда сражаешься на чужой территории, решать боевые задачи гораздо проще.

— Да, — согласился я. — Когда воюешь на своей территории, тебе не до научного подхода.

— У русских получилось заманить Наполеона в ловушку.

— Это потому что у них такие просторы. Если бы дело было в Италии, они бы очутились в Бриндизи.

— Такая дыра, — сказал Джино. — Вы там были?

— Проездом.

— Я, конечно, патриот, но любить Бриндизи или Таранто — это уж извините.

— А Баинзиццу вы любите? — спросил я.

— Это священная земля, — сказал он. — Если бы еще на ней выращивали картошку. Когда мы

сюда пришли, то обнаружили картофельные поля, возделанные австрийцами.

— А что, с едой действительно туго?

— Мне постоянно не хватает, правда, я обжора, но, как видите, с голоду не помер. Столовка так себе. На передовой кормят прилично, а вот вспомогательным службам недодают. Где-то пошло не так. Должно хватать на всех.

— Спекулянты продают налево.

— Батальоны на передовой получают достаточно, а второй эшелон голодает. Они уже съели всю австрийскую картошку и каштаны в лесу. Могли бы их кормить и получше. Мы ведь обжоры. Продовольствия всем хватит, я уверен. А недоедание плохо сказывается на солдатах. Вы замечали, как это отражается на мыслительном процессе?

— Да, — сказал я. — Еда — это не путь к победе, зато может оказаться дорогой к поражению.

— Не будем об этом. Только и слышишь разговоры о поражении. То, что было сделано за лето, должно принести свои плоды.

Я промолчал. Меня всегда смущали такие слова, как «священный» и «славный», или выражение «принести свои плоды». Нам доводилось слышать их краем уха, под проливным дождем, когда долетают лишь отдельные слова, и мы их

читали на прокламациях, налепленных расклейщиком поверх других прокламаций, читали не раз и не два, но что-то мне не доводилось видеть ничего священного, и в славных делах не было ничего славного, а жертвы напоминали чикагские бойни, когда мясо остается только закопать. Многие слова уже не воспринимались, и только названия мест еще сохранили достоинство. Как и отдельные числа или даты. Только их, вместе с названиями мест, и можно было произносить, так как они еще имели какой-то смысл. Абстрактные же слова, такие, как «слава», «честь», «мужество» или «священный долг», звучали непристойно рядом с названиями конкретных деревень, номерами дорог, названиями рек, номерами полков и датами. Джино, будучи патриотом, иногда произносил слова, которые нас разделяли, но он был хороший парень, и я понимал природу его патриотических чувств. Он таким родился. Джино и Педуцци вместе уехали в Горицию.

Весь день бушевала гроза. Ветер обрушивал целые водопады, и повсюду образовались лужи и грязное месиво. Штукатурка разрушенных домов промокла и посерела. К вечеру дождь прекратился, и со второго поста мне были видны голый, насквозь промокший осенний ландшафт, тучи

над вершинами и маскировка из соломы поверх раскисших дорог. Солнце разок выглянуло, прежде чем зайти за горизонт, и высветило голые леса за хребтом. Там скрывалось большое количество австрийских орудий, но лишь немногие постреливали. В небо над разрушенной фермой неподалеку от боевого рубежа вдруг поднялись шарообразные облачка от шрапнели, такой легкий дымок с желтовато-белой вспышкой в середке. Сначала появлялась вспышка, потом слышался треск, затем шарообразное облачко начинало расползаться и наконец таяло на ветру. Шрапнельные пули валялись здесь и там среди завалов и на дороге поодаль от разрушенного дома, где размещался пост, но сам пост в тот день не обстреливали. Мы загрузили две машины и выехали на дорогу, замаскированную мокрой соломой, а сквозь просветы пробивались закатные лучи. Солнце зашло еще до того, как мы добрались до открытой дороги за холмом. Мы проехали по ней какое-то время, а после поворота, когда впереди показалась арка очередного квадратного тоннеля из соломенных шпалер, снова пошел дождь.

Ночью ветер усилился, и в три часа утра, когда стояла завеса дождя, начался артобстрел, и

по горным лужайкам, из небольших рощиц, на передний край выдвинулись хорваты. Они поливали нас огнем под покровом дождя и темноты, пока контратака запуганных солдат из нашего второго эшелона не заставила их отступить. По всей линии фронта рвались снаряды, строчили минометы, пулеметы и винтовки. Но солдаты больше не появлялись, и пальба постепенно пошла на убыль, и через какое-то время, когда стихали порывы ветра и дождя, можно было расслышать, что мощная канонада теперь звучит севернее.

К нам поступали раненые: одних доставляли на носилках, другие приходили сами, третьих приносили на закорках. Все вымокшие до нитки и сильно напуганные. Мы выносили раненых из нашего подвала и загружали носилки в две машины, и когда я захлопнул дверь второй «санитарки» и щелкнул задвижкой, до меня вдруг дошло, что пошел снег. Он повалил на смену уходящему дождю.

С рассветом ветер не утих, зато снегопад прекратился. Снег весь растаял, и снова зарядил дождь. Сразу после восхода солнца противник предпринял очередную атаку, но неудачно. Весь день мы ждали новой атаки, однако случилась

она только перед закатом. Стрельба пошла южнее, у подножия длинного лесистого хребта, куда были переброшены австрийские орудия. А мы обстрела так и не дождались. Темнело. Наши пулеметы теперь стреляли в поле за деревней, и ухо радовал свист удаляющихся снарядов.

Прошел слух, что атака на юге успеха не принесла. Ночью нас не трогали, зато, кажется, прорвали нашу оборону на севере. Пришла команда подготовиться к отступлению. Об этом на посту мне сообщил капитан, узнавший новость из штаба бригады. Но чуть позже, поговорив по телефону, он сказал, что это утка. В бригаду спустили приказ, что оборона Баинзиццы должна стоять до последнего. Я его спросил о неприятельском прорыве. Я слышал в бригаде, сказал он, что австрийцы прорвали линию обороны двадцать седьмого армейского корпуса и вышли к Капоретто. На севере весь день шли тяжелые бои.

— Если эти кретины их пропустят, нам крышка, — сказал он.

— Атакуют немцы, — сказал один из офицеров-медиков. Слово «немцы» звучало угрожающе. Вот уж с кем нам бы не хотелось иметь дело.

— У немцев пятнадцать дивизий, — продолжал офицер. — Они прорвались, и мы будем отре-

заны.

— В бригаде говорят, что мы должны держаться. Там утверждают, что прорыв неопасный и что мы удержим линию обороны по всему хребту от горы Маджоре.

— Откуда эти сведения?

— Из штаба дивизии.

— Из штаба дивизии сообщили, чтобы мы готовились к отступлению.

— Мы находимся в подчинении штаба армии, — сказал я. — Но здесь мое прямое начальство — это вы. Когда скажете мне «поезжай», тогда я и поеду. Но я жду четкого приказа.

— Есть приказ: всем оставаться здесь. Вы отправляете раненых отсюда в эвакопункт.

— Иногда мы их перевозим из эвакопункта в полевые госпитали, — сказал я. — Послушайте, я никогда не видел отступления. Как во время отступления эвакуируют раненых?

— Никак. Забирают, сколько смогут, а остальных бросают.

— Что мне увозить на машинах?

— Медицинское оборудование.

— Ясно.

Следующей ночью началось отступление. Мы узнали, что немцы и австрийцы прорвались

на севере и спускаются по горным ущельям к Чивидале и Удине. Отступление было организованным, слякотным и понурым. В ночи, медленно продвигаясь по забитым дорогам, мы обгоняли колонны, топающие под дождем, орудия, конные повозки, мулов, грузовики — все покидали линию фронта. Беспорядка при отступлении было не больше, чем при наступлении.

Всю ночь мы разгружали полевые госпитали, устроенные в недобитых деревнях на плато, увозили раненых к Плаве, а уже на следующий день, до позднего вечера, под проливным дождем эвакуировали госпитали и эвакопункты на самой Плаве. Армия, расквартированная в Баинзицце, покидала плато под октябрьским дождем и уходила на другой берег реки, туда, где весной этого же года состоялись наши великие победы. В Горицию мы пришли в середине следующего дня. Город практически опустел, и дождь к тому времени прекратился. Проезжая по улице, мы увидели, как загружают в грузовик девочек из солдатского борделя. Их было семь, все в шляпках, в пальто, с чемоданчиками. Две из них плакали. А одна улыбнулась и показала нам трепещущий язычок. У нее были пухлые губки и темные глаза.

Я остановил машину и пошел перекинуться парой слов с бандершей. Девочки из офицерского борделя уехали еще утром, сказала она. А вы куда направляетесь? В Конельяно. Грузовик затарахтел. Девица с пухлыми губками снова показала нам язык. Бандерша помахала нам. Две девушки продолжали плакать. Остальные с любопытством озирались. Я вернулся в машину.

— Почему бы нам не поехать с ними, — сказал Бонелло. — Вот была бы веселая поездочка.

— У нас и так будет веселая поездочка, — заверил я его.

— У нас будет та еще поездочка.

— Вот и я о том же.

Мы подъехали к вилле.

— Будь я рядом, когда эти курочки окажутся на месте, я бы их всех объездил.

— Думаешь, они все доедут?

— А то. Эту бандершу знает вся Вторая армия.

Мы остановились перед виллой.

— Ее называют мать-игуменья, и она тут уже давно, — продолжал Бонелло. — А девочки новые. Их, наверно, привезли прямо перед отступлением.

— Они еще повеселятся.

— Да уж, повеселятся. Я бы не отказался поша-

лить с ними бесплатно. А то они заламывают такие цены. Государство разводит нас, как лохов.

— Поставьте машину в гараж, и пусть механики ее осмотрят, — сказал я. — Поменяйте масло, проверьте дифференциал, заправьте бак, ну и поспите немножко.

— Да, синьор лейтенант.

Вилла была пуста. Ринальди уехал с госпиталем. Майор увез медперсонал в штабной машине. К оконному стеклу была прикреплена записка для меня: загрузить сложенный в прихожей материал и отправляться в Порденоне. Механики уже уехали. Я отправился в гараж. При мне подъехали еще две машины, водители вышли. Опять стало накрапывать.

— Пока мы ехали от Плавы, я три раза засыпал за рулем, — сказал Пиани. — Что будем делать, лейтенант?

— Поменяем масло, смажем ходовую часть, заправимся и подгоним машины к главному входу, а потом загрузим в них хлам, который нам оставили.

— И сразу поедем?

— Нет, сначала часа три поспим.

— Вот это отлично, — сказал Бонелло. — А то я за рулем усну.

— Как машина, Аймо? — спросил я.

— В порядке.

— Принесите мне комбинезон, и я вам помогу с маслом.

— Не надо, лейтенант, — сказал Аймо. — Я и сам справлюсь. А вы пока сложите личные вещи.

— Они уже сложены, — ответил я. — Тогда я вынесу все, что нам оставили. А вы, когда закончите, подгоните машины.

После того как мы все загрузили и три машины выстроились одна за другой на аллее под деревьями, мы зашли в дом. А дождь все продолжался.

— Затопите печь на кухне и просушите одежду, — сказал я.

— Мне все равно, — отозвался Пиани. — Я хочу спать.

— Я лягу на кровати майора, — решил Бонелло. — Хочу поспать на подушке, где отключался старый хрен.

— Мне все равно, где спать, — сказал Пиани.

— Здесь две кровати. — Я открыл им дверь.

— Никогда не был в этой комнате, — заметил Бонелло.

— Это комната старого сыча, — сказал Пиани.

— Ложитесь здесь, — предложил я им. — Я вас разбужу.

— Если вы, лейтенант, проспите, австрийцы нас разбудят, — ответил Бонелло.

— Я не просплю. А где Аймо?

— Он ушел на кухню.

— Поспите.

— Я посплю, — сказал Пиани. — Целый день засыпал за рулем. У меня лоб сползал на глаза.

— Сними сапоги, — напомнил ему Бонелло. — Это кровать старого сыча.

— Плевать я на него хотел. — Пиани разлегся на кровати в грязных сапогах, подложив руку под голову.

Я пошел на кухню. Аймо растопил печку и поставил котелок с водой.

— Я подумал, не сварить ли мне пасту, — сказал он. — Все проснутся голодные.

— А вам, Бартоломео, разве не хочется спать?

— Да пока не очень. Когда вода вскипит, я все оставлю. А огонь сам прогорит.

— Лучше бы вам поспать, — заметил я. — А мы поедим сыр и мясные консервы.

— С этим не сравнишь. Что-то горячее для двух анархистов. А вы поспите, лейтенант.

— Есть кровать в комнате майора.

— Вот там и ложитесь.

— Нет, я пойду к себе. Выпить не хотите, Бар-

толомео?

— Перед отъездом, лейтенант. Сейчас вроде как ни к чему.

— Если я вас через три часа не разбужу, тогда вы меня будите, договорились?

— У меня часов нет, лейтенант.

— В комнате майора есть настенные часы.

— Тогда ладно.

Я вышел из столовой в коридор и по мраморной лестнице поднялся в комнату, где мы с Ринальди квартировали. Я подошел к окну. Смеркалось. Внизу, выстроившись в линию, стояли три машины. Моросило, и с веток деревьев свисали холодные капли. Я лег на кровать Ринальди и провалился в сон.

Перед отъездом мы перекусили на кухне. Аймо приготовил кастрюлю спагетти с мелко нарезанным луком и мясными консервами. Сидя за столом, мы выпили две бутылки вина, оставшихся в погребе. На улице было еще темно, а дождь так и не утих. Пиани клевал носом.

— Отступление мне нравится больше, чем наступление, — сказал Бонелло. — При отступлении мы пьем барберу.

— Сейчас пьем, — отозвался Аймо. — А завтра, может, будем пить дождевую воду.

— Завтра в Удине мы будем пить шампанское. Там живут все бездельники. Пиани, проснись! Завтра в Удине мы будем пить шампанское!

— Я не сплю, — сказал Пиани и положил на тарелку спагетти с мясом.

— А где томатный соус, Барто?

— Его не осталось.

— В Удине мы будем пить шампанское, — повторил Бонелло, наливая себе прозрачного красного вина.

— Как бы нам еще до Удине не хлебнуть чего другого, — сказал Пиани.

— Вы наелись, лейтенант? — спросил Аймо.

— Досыта. Передайте мне бутылку, Бартоломео.

— У меня есть с собой по бутылке на каждого, — заявил Аймо.

— Вы хоть поспали?

— Мне много не нужно. Чуть-чуть поспал.

— Завтра мы будем спать на королевском ложе, — сказал Бонелло. Он был в отличном настроении.

— В дерьме мы будем спать, — возразил Пиани.

— Лично я буду спать с королевой. — Бонелло проверил, оценил ли я его шутку.

— С королевской шлюхой, — пробормотал клюющий носом Пиани.

— С нами за столом изменник родины, лейтенант, — сказал Бонелло. — Разве это не измена?

— Помолчите, — попросил я. — Что-то вы слишком раздухарились.

На улице зарядил настоящий дождь. Я глянул на часы. Было полдесятого.

— Пора, — сказал я и поднялся.

— С кем вы поедете, лейтенант? — спросил меня Бонелло.

— С Аймо. За нами вы. А последним Пиани. Едем в сторону Кормонса.

— Не уснуть бы за рулем, — сказал Пиани.

— Ладно. Я поеду с вами. За мной Бонелло. А последним Аймо.

— Вот это правильно, — одобрил Пиани. — А то я засыпаю.

— Я сяду за руль, а вы поспите.

— Нет. Я могу вести машину, когда знаю, что меня разбудят, если я начну засыпать.

— Я вас разбужу. Барто, погасите свет.

— Зачем, — сказал он. — Этот дом нам больше не понадобится.

— В моей комнате остался сундучок, — сказал я. — Вы его не захватите, Пиани?

— Захватим, — ответил он. — Пошли, Альдо. — Они с Бонелло ушли в дом, и я слышал, как они поднимались по лестнице.

— Хорошее было местечко. — Эти слова Бартоломео относились к Аймо. Он сложил в заплечный мешок две бутылки вина и полкруга сыра. — Другого такого у нас уже не будет. Куда мы отступаем, лейтенант?

— Говорят, за Тальяменто. Госпиталь и штаб разместятся в Порденоне.

— Этот городок будет получше, чем Порденоне.

— Про Порденоне ничего не знаю, — сказал я. — Я там был проездом.

— Так себе городишко, — заметил Аймо.

Глава двадцать восьмая

В промозглой ночи город, когда мы из него выезжали, казался опустевшим, если не считать боевых колонн и самоходных орудий, двигавшихся по главной улице. А еще с боковых улочек на главную выезжали грузовики и повозки. Пробравшись мимо дубилен на основную трассу, мы встроились в одну широкую, медленно текущую колонну, состоявшую из солдат, грузовиков, лошадиных повозок и самоходных орудий. Мы медленно, но верно продвигались под дождем, едва не утыкаясь радиатором в задний бампер доверху груженного грузовика, покрытого мокрым брезентом. Но вот грузовик остановился. Как и вся колонна. Потом тронулась и снова остановилась. Я вылез из машины и пошел вперед, лавируя среди грузовиков, повозок и мокрых лошадиных шей. Где-то дальше образовалась пробка. Я свернул с дороги, перемахнул через канаву и дальше уже пошел по полю вдоль канавы. Стоящая автоколонна просматривалась далеко впереди между деревьями. Я прошел около мили. Наш ряд застрял намертво, хотя по другой стороне дороги двигались войска. Я вернулся к

нашим машинам. Пробка могла растянуться до самого Удине. Пиани спал, положив голову на руль. Я сел рядом и тоже уснул. Спустя несколько часов я услышал, как завелся стоящий перед нами грузовик. Я разбудил Пиани, мы проехали несколько метров, остановились, снова поехали. Дождь не прекращался.

Колонна снова встала, на этот раз основательно. Я вылез и пошел назад проведать Аймо и Бонелло. У последнего в салоне обнаружились два сержанта инженерных войск. При виде меня они напряглись.

— Их оставили чинить мост, — стал оправдываться Бонелло. — Они отстали от части, и я взялся их подвезти.

— С разрешения господина лейтенанта.

— Разрешаю, — сказал я.

— Наш лейтенант американец, — пояснил им мой водитель. — Он любого подвезет.

Один сержант улыбнулся. А другой спросил Бонелло, из каких краев ваш итальянец. Из Северной или из Южной Америки.

— Он не итальянец. Он англичанин из Северной Америки.

Сержанты из вежливости сделали вид, что поверили. Я вернулся к себе. В нашей машине

сидели две девушки, а Аймо курил, притулившись в уголке.

— Барто, Барто. — Я покачал головой. Он засмеялся.

— Поговорите с ними, лейтенант. Я их не понимаю. Эй! — Он положил руку на бедро ближней девушке и ущипнул по-дружески. Та оттолкнула его руку и плотнее завернулась в платок. — Эй! Скажи лейтенанту, как тебя зовут и что ты здесь делаешь.

Девушка бросила на меня свирепый взгляд. Вторая опустила глаза. Та, что на меня посмотрела, произнесла что-то на диалекте, но я не понял ни единого слова. Это была пухленькая брюнеточка лет шестнадцати.

— Sorella?[24] — спросил я, показывая на вторую.

Она кивнула и улыбнулась.

— Все хорошо, — сказал я и похлопал ее по коленке. Она вся сжалась. Ее сестра ни разу не подняла головы. Она казалась на год моложе. Аймо положил руку старшей на бедро, и та снова ее скинула. Он заулыбался.

— Хороший. — Он показал пальцем на себя. —

---

[24] Примечания: 24
Сестра *(итал.).*

Хороший. — Он показал на меня. — Можешь не волноваться.

Теперь свирепый взгляд достался ему. Они были похожи на парочку ястребов.

— Зачем она со мной поехала, если я ей не нравлюсь? — спросил Аймо. — Я им только рукой махнул, и они сразу сели в машину. — Он повернулся к девушке. — Ты не волнуйся. Никто тебя не… — Он употребил вульгарное словцо. — Тут особенно не… — По ее затравленному взгляду я догадался, что она поняла, о чем идет речь. И еще плотнее укуталась в платок. — Мы же не одни, — продолжал он, — так что никто вас не…

Каждый раз, когда произносилось это слово, девушка вся сжималась. И, в конце концов, заплакала. Сначала задергались губы, а затем по пухлым щечкам потекли слезы. Ее сестра, не поднимая головы, взяла ее за руку, и так они сидели вместе. Старшая, со свирепым взглядом, почти рыдала.

— Кажется, я ее напугал, — прервал молчание Аймо. — Я не хотел.

Бартоломео достал свой заплечный мешок и отрезал два ломтика сыра.

— Возьми, — сказал он. — Только не плачь.

Старшая помотала головой, продолжая ре-

веть, а вот младшая взяла ломтик и стала есть. В какой-то момент она все-таки всучила сестре второй ломтик, и они обе зажевали. Старшая еще немного всхлипывала.

— Сейчас успокоится, — сказал Аймо. Вдруг в голове у него мелькнула мысль. — Девственница? — спросил он у сидящей рядом девушки. Она энергично закивала. — Тоже девственница? — Он показал на младшую сестру. Обе девушки покивали, и старшая сказала что-то на своем диалекте. — Ну и хорошо, — успокоил их Бартоломео. — Ну и хорошо.

Девушки как-то сразу повеселели.

Я оставил их с Аймо и вернулся к Пиани. Автоколонна по-прежнему не двигалась, хотя мимо нас шли войска. Лило как из ведра, и я подумал, что остановки автоколонны могут быть связаны с мокрой проводкой в отдельных автомобилях. Хотя скорее из-за лошадей или уснувших за рулем водителей. Впрочем, заторы случаются и в городе, при том что за рулем никто не спит. Лошади и автомобили — не самое лучшее сочетание. Да еще крестьянские повозки вдобавок. Классных девочек подцепил Барто. Отступление — это не для девственниц. Тем более настоящих. И наверняка набожных. Если бы не война, мы

бы, очень может быть, сейчас все валялись бы в постели. А ушком я прижмусь к подушкам. Все включено, ночлег и стол. Лежит всю ночь, доска доской. А Кэтрин сейчас спит, под ней одна простынка, сверху другая. Интересно, на каком боку? А может, не спит? Может, лежит и думает обо мне? Дуй, ветер, дуй, ветрище. Он и дул, и всю ночь напролет шел проливной дождь. Еще какой, ты только глянь. Боже, сделай так, чтобы я снова лежал в своей постели, а моя любовь в моих объятиях. Моя Кэтрин, моя сладчайшая любовь, да прольется благодатным дождем. Принеси ее ветром ко мне. Мы в западне. Вокруг нас полыхает, и простым дождиком этот огонь не затушишь. «Доброй ночи, Кэтрин, — произнес я вслух. — Спи крепко. Если тебе, милая, неудобно, перевернись на другой бок. Я принесу тебе холодной воды. Скоро уже утро, и тебе станет легче. Бедная, как же ты с ним намаялась. Попробуй, милая, уснуть».

«Я спала крепко, — раздался ее голос. — А ты разговаривал во сне. Все хорошо?»

«Ты все там же?»

«Ну конечно. Я никуда не уеду. Хотя это ничего бы не изменило между нами».

«Ты такая чудесная и милая. Ты же никуда не уйдешь среди ночи?»

«Никуда. Я здесь. И приеду, как только я тебе понадоблюсь».

— Так разэдак! Ну вот, поехали, — сказал рядом Пиани.

— Задремал. — Я посмотрел на циферблат. Три часа ночи. Я пошарил сзади в поисках бутылки барберы.

— Вы во сне разговаривали.

— Мне снился сон на английском, — сказал я.

Дождь малость утих, и мы понемногу продвигались вперед. Но еще до восхода снова встали, а когда рассвело, с горушки, на которой мы оказались, я разглядел дорогу для отступления на мили вперед: мы основательно застряли, если только не считать продвигающуюся пехоту. Когда мы снова кое-как поехали, я понял при свете дня, что рано или поздно нам придется свернуть с главной дороги на проселочные, если мы хотим когда-нибудь добраться до Удине.

За ночь к нам пристроились крестьяне из окрестных деревень, и к автоколонне добавились повозки, груженные домашним скарбом: торчащие зеркала, переложенные матрасами, привязанные к телегам куры и утки. На одной из передних повозок дождь поливал швейную машинку. Увезли все самое ценное. Некоторые

женщины во что-то кутались на телегах, другие шли своим ходом, держась поближе к пожиткам. Под телегами прятались собаки. Дорогу развезло, придорожные канавы заполнились водой, а просматривавшиеся между деревьями поля казались слишком раскисшими, чтобы по ним проехать. Я вышел из машины и пошел вперед в надежде выйти на точку, откуда можно было бы увидеть подходящую для съезда проселочную дорогу. Я знал, что их много, но боялся уехать в никуда. В памяти они не остались, так как мы всегда неслись по главной дороге, и все проселочные были похожи. Но сейчас я понимал: если мы хотим добраться живыми, надо найти трассу. Никто не знал, где сейчас австрийцы и как обстоят дела, однако у меня не было никаких сомнений, что если развиднеется и появятся самолеты и начнут бомбить эту колонну, то от нее ничего не останется. Достаточно будет кому-то из шоферов бросить свои грузовики или нескольким лошадям издохнуть, чтобы движение полностью парализовало.

Между тем дождь пошел на убыль, и я подумал, что этак скоро развиднеется. Я прошел дальше по обочине и, увидев уходящую на север проселочную дорогу с живой изгородью по бокам, решил, что это как раз то, что нам надо, и поспешил

обратно. Я сказал Пиани, где мы будем сворачивать, и с тем же указанием пошел к двум задним машинам.

— Если она нас никуда не выведет, мы вернемся и снова вклинимся в колонну, — сказал я.

— А с этими как? — Бонелло кивнул на двух сержантов, сидевших рядом. Хотя и небритые, поутру они смотрелись по-военному молодцевато.

— Помогут толкать машину, — ответил я и, пройдя дальше, сказал Аймо, что мы попробуем проехать проселочными дорогами.

— А как же мои девственницы? — спросил он. Девушки спали.

— От них не много толку, — сказал я. — Лучше возьмите толкача.

— Может, этих на заднее сиденье? Место там есть.

— Если они вам так нужны, валяйте. Но я бы на вашем месте подобрал кого-нибудь с широкой спиной.

— Берсальера, — улыбнулся Аймо. — У них самые широкие плечи. Их специально замеряют. Как вы, лейтенант?

— Нормально. А вы?

— Я тоже. Только жутко голодный.

— Там дальше будет где перекусить.

— Как ваша нога, лейтенант?

— Нормально.

Став на подножку, я увидел, как машина Пиани свернула на проселочную дорогу и замелькала в просветах между голых ветвей. За ним свернул Бонелло, а потом и мы с Пиани последовали за ними по узкой колее между живыми изгородями. Она нас привела на ферму. Во дворе уже стояли наши «санитарки». Входную дверь длинного приземистого дома украшала шпалера, увитая виноградной лозой. Пиани набрал воды в колодце, чтобы залить в радиатор. После долгой езды на первой передаче там почти ничего не осталось. Ферму бросили. Дом стоял на возвышении, и хорошо просматривались окрестности: дорога, живые изгороди, поля и деревья вдоль главной трассы, занятой отступающими войсками. Сержанты осматривали дом. Девушки проснулись и разглядывали двор, и две большие санитарные машины перед домом, и колодец, возле которого стояли трое водителей. Один из сержантов вышел на крыльцо с настенными часами в руках.

— Отнесите обратно, — сказал я. Он молча на меня посмотрел, ушел в дом и вышел снова уже без часов.

— А приятель ваш где? — спросил я.

— В сортире. — Сержант тут же сел в «санитарку». Он явно опасался, что мы уедем без него.

— Как насчет завтрака, лейтенант? — поинтересовался Бонелло. — Хорошо бы поесть. Много времени это не займет.

— Как вы думаете, эта дорога нас куда-нибудь выведет?

— Сто процентов.

— Хорошо. Давайте поедим.

Пиани и Бонелло скрылись в доме.

— Пошли. — Аймо протянул девушкам руку, чтобы помочь им сойти вниз. Старшая сестра помотала головой. Пустой дом — нет, это не для них. Они проводили нас взглядами.

— Упертые, — сказал Аймо.

Мы вместе вошли в дом. Огромное темное пространство вызывало чувство брошенности. Наши товарищи были на кухне.

— Жратвы-то нет, — сказал Пиани. — Все подчистили.

Бонелло строгал большую головку сыра на массивном кухонном столе.

— Где вы нашли сыр?

— В погребе. Еще там Пиани нашел вино и яблоки.

— Неплохой завтрак.

Пиани вытащил деревянную пробку из здоровенного кувшина в оплетке из лозы, наклонил его и наполнил вином целую медную кастрюлю.

— Славно пахнет, — сказал он. — Барто, поищи стаканы.

В кухню вошли два сержанта.

— Берите сыр, сержанты, — сказал им Бонелло.

— Надо бы ехать, — сказал один из них, запивая сыр вином.

— Поедем, не волнуйтесь, — заверил его Бонелло.

— Не подмажешь — не поедешь, — сказал я.

— Чего? — не понял сержант.

— Надо поесть.

— Так-то оно так, да время дорого.

— Сами-то, гады, наверняка уже набили животы, — сказал Пиани. Сержанты посмотрели на него исподлобья. Они нас ненавидели.

— Вы знаете эту дорогу? — спросил меня один из них.

— Нет, — признался я.

Они переглянулись.

— Лучше не откладывать, — сказал другой.

— Сейчас поедем.

Я осушил еще стакан красного вина. После сыра с яблоком это было в самый раз.

— Захватите сыр. — С этими словами я их оставил.

Через минуту вышел Бонелло с огромным кувшином.

— Не многовато ли будет? — спросил я. Он с сожалением поглядел на свою добычу.

— Пожалуй, — сказал он. — Дайте-ка мне солдатские фляги.

Пока он их заполнял, немного вина пролилось на каменную плитку, которой был вымощен двор. Потом он поставил кувшин за порогом.

— Австрийцы сразу его найдут, даже не придется дверь ломать, — сказал он.

— Поехали, — поторопил я его. — Держитесь за нами.

Оба сержанта уже сидели рядом с Бонелло. Девушки уплетали сыр и яблоки. Аймо курил. Мы поехали по узкой проселочной дороге. Я оглянулся на две другие машины и на фермерский дом — добротную, приземистую каменную постройку. Железная оградка вокруг колодца тоже была хороша. Впереди лежала узкая раскисшая дорога с высокими живыми изгородями по обе стороны. За нами, не отставая, следовали две «санитарки».

Глава двадцать девятая

В полдень мы увязли в грязи километрах в десяти от Удине, насколько можно было судить. Дождь утих еще утром, и мы трижды слышали моторы самолетов и видели, как они, пролетев над нами, уходили далеко влево и там бомбили главную трассу. Мы изъездили множество проселочных дорог, зачастую тупиковых, но, дав задний ход, всегда находили другой путь и оказывались ближе к Удине. Но однажды Аймо подал назад, желая выбраться из тупика, и угодил в придорожную грязь; задние колеса забуксовали, увязая все больше и больше, пока машина дифференциалом не уткнулась в землю. Теперь надо было ее подкопать под передними колесами, набросать хвороста для лучшего сцепления и толкать машину сзади, пока она не выберется на дорогу. Мы все столпились вокруг машины. Сержанты-инженеры обследовали колеса и, не говоря ни слова, стали уходить. Я пошел следом.

— Эй, — окликнул я их, — наломайте хвороста!

— Мы должны идти, — сказал один.

— А ну, — говорю, — собирайте хворост.

— Мы должны идти, — повторил сержант, не

оборачиваясь. Второй помалкивал. Они торопились уйти и не смотрели на меня.

— Я приказываю вам вернуться к машине и собирать хворост, — сказал я. Сержант обернулся.

— Нам надо идти. Вы скоро будете отрезаны. И вы не можете нам приказывать. Мы не в вашем подчинении.

— Я вам приказываю.

Они уходили.

— Стойте.

Они уходили по раскисшей дороге, обсаженной с обеих сторон живой изгородью.

— Приказываю вам остановиться! — крикнул я им вслед. Но они только ускорили шаг.

Я открыл кобуру, вытащил пистолет, прицелился в разговорчивого и выстрелил. Я промахнулся, и они побежали. После еще двух выстрелов сержант упал. Второй нырнул сквозь изгородь и на мгновение пропал из виду. Я стрелял по нему, когда он уже бежал по полю. Патроны закончились, и я вставил новую обойму. Я понял, что его уже не достать. Он слишком далеко убежал, втянув голову в плечи. Пока я перезаряжал пистолет, ко мне подошел Бонелло.

— Дайте я его прикончу, — предложил он. Я отдал ему пистолет, он подошел к сержанту, ле-

жащему ничком поперек дороги, склонился над ним, приставил дуло к затылку и нажал на курок. Пистолет дал осечку.

— Надо оттянуть затвор, — сказал я. Что он и сделал и выстрелил дважды. Потом взял сержанта за ноги и оттащил за изгородь. После чего вернул мне пистолет.

— Гаденыш, — сказал он, бросив взгляд в сторону лежащего. — Видели, лейтенант, как я его прикончил?

— Нам надо быстро собрать хворост, — сказал я. — А второго я хоть ранил?

— Не думаю, — ответил Аймо. — Слишком большое расстояние для пистолета.

— Грязная скотина. — Это уже был Пиани.

Мы все вместе наломали веток и прутьев. Из «санитарки» вытащили все, что было можно. Бонелло подкопал землю под передними колесами. После этого Аймо включил зажигание и перевел ручник. Закрутились колеса, разбрасывая ветки и грязь. Мы с Бонелло толкали сзади, так что хрустели суставы. Дохлый номер.

— Попробуйте ее раскачать, Барто, — сказал я.

Он подал назад, затем вперед. Колеса лишь еще больше увязали. А затем машина опять уткнулась дифференциалом, и передние колеса свободно

крутились над вырытыми ямками. Я разогнул спину.

— Попробуем с тросом, — сказал я.

— Лейтенант, тянуть под углом — бесполезная затея.

— Хотя бы попытаемся. Иначе ее не вытащишь.

«Санитарки» Пиани и Бонелло могли тянуть только по направлению, заданному узкой дорогой. Мы соединили их тросом и поддали газу. Но колеса застрявшей машины крутились перпендикулярно колее.

— Бесполезно! — закричал я. — Бросайте это дело.

Пиани и Бонелло вернулись к нам. Аймо вылез из машины. Девушки сидели на каменной ограде метрах в сорока.

— Что будем делать, лейтенант? — спросил Бонелло.

— Еще раз подкопаем и подбросим хвороста. — Я окинул взглядом дорогу. Моя вина. Это я их сюда завез. Солнце почти выглянуло из-за туч. Тело сержанта лежало рядом с изгородью. — И подложим его китель и плащ с капюшоном.

Бонелло пошел за ними. Я набрал хвороста, а Аймо и Пиани подкопали спереди и между колес.

Разорвав плащ надвое, я положил его в грязь под колеса, а сверху хворост для лучшего контакта. Аймо забрался на сиденье и запустил мотор. Колеса крутились, мы толкали и толкали. Но все напрасно.

— Дело — дрянь, — сказал я. — Барто, тебе в машине ничего не надо?

С помощью товарища Аймо забрал оттуда сыр, две бутылки вина и свой плащ. Сев за руль, Бонелло стал обшаривать карманы кителя убитого сержанта.

— Да выбросьте вы его, — посоветовал я. — А что будем делать с девственницами Барто?

— Пусть садятся сзади, — сказал Пиани. — Далеко мы все равно не уедем.

Я открыл заднюю дверцу.

— Садитесь, — позвал я их.

Девушки залезли в машину и забились в уголок. Кажется, на стрельбу они не обратили внимания. Я оглянулся. Сержант лежал в перепачканном исподнем с длинными рукавами. Я уселся рядом с Пиани, и мы поехали. Решили попробовать напрямки. Когда мы выехали в поле, я вылез из машины и пошел впереди. Если нам это удастся, то по ту сторону нас ждет дорога. Но нам не удалось. Почва оказалась слишком топкая для

тяжелых автомобилей. И когда колеса увязли по ступицу, мы бросили машины посреди поля и пошли в Удине пешком.

Мы добрались-таки до той самой дороги, которая соединялась с главной трассой. Я показал на нее пальцем, обращаясь к девушкам:

— Идите в этом направлении, и вы обязательно встретите людей. — Они молча на меня смотрели. Я достал бумажник и дал каждой по десять лир. — Идите в этом направлении. — Я снова показал пальцем. — Друзья! Семья!

Они ничего не поняли, однако зажали бумажки в кулачках и зашагали по дороге. Они шли, закутавшись в платки, и настороженно озирались, словно боясь, что я отниму у них деньги. Это развеселило моих шоферов.

— Сколько вы мне дадите, лейтенант, чтобы я пошел в ту сторону? — спросил Бонелло.

— Если они на кого-то нарвутся, лучше им быть среди людей, чем одним, — сказал я.

— Дайте мне двести лир, и я пойду обратно до самой Австрии, — сказал Бонелло.

— У тебя их отберут, — сказал Пиани.

— Может, к тому времени война закончится, — предположил Аймо.

Мы быстро зашагали по дороге в противопо-

ложную сторону. Солнце пыталось пробиться сквозь тучи. Вдоль обочины росли шелковицы. А между ними просматривались наши санитарные машины, отсюда казавшиеся мебельными фургонами, застрявшими посреди поля. Пиани тоже обернулся.

— Чтобы их вытащить, придется построить новую дорогу, — сказал он.

— Эх, жаль, что у нас нет велосипедов, — посетовал Бонелло.

— А в Америке ездят на велосипедах? — спросил Аймо.

— Раньше ездили.

— Классная штука — велосипед, — сказал Аймо. — Просто отличная.

— Да, жаль, что у нас нет велосипедов, — повторил Бонелло. — Пешком ходить — это не для меня.

— Стреляют? — насторожился я. Мне показалось, что я услышал далекую стрельбу.

— Разве? — Аймо прислушался.

— Похоже, — сказал я.

— Скоро мы увидим кавалерию, — сказал Пиани.

— По-моему, у них нет кавалерии.

— Надеюсь, — сказал Бонелло. — Не хватало,

чтобы меня насадили на копье.

— Здорово вы подстрелили этого сержанта, лейтенант, — сказал Пиани.

Мы шли в темпе.

— Я его застрелил, — пояснил Бонелло. — Всю жизнь мечтал застрелить сержанта. Он первый, кого я убил на этой войне.

— Ты убил его на месте, — сказал Пиани. — Вот если бы он бежал…

— Неважно. Это я точно не забуду. Я застрелил этого долбаного сержанта.

— Что ты скажешь на исповеди? — спросил его Аймо.

— Я скажу «Благословите меня, святой отец. Я застрелил сержанта».

Все засмеялись.

— Он анархист, — пояснил Пиани. — Он не ходит в церковь.

— Пиани тоже анархист, — сказал Бонелло.

— Вы правда анархисты? — спросил я.

— Нет, лейтенант. Мы социалисты. Мы из Имолы.

— Бывали там когда-нибудь?

— Нет.

— Красивое место, вот вам крест, лейтенант. Приезжайте после войны, и мы вам кое-что по-

кажем.

— Вы там все социалисты?

— Все как один.

— Красивый город?

— Прекрасный. Вы такого еще не видели.

— А как вы стали социалистами?

— Мы там все социалисты. В кого ни ткни. Всегда такими были.

— Приезжайте, лейтенант. Мы из вас тоже сделаем социалиста.

Дорога сворачивала налево и поднималась на небольшой холм с яблоневым садом за каменной стеной. Во время подъема все умолкли. Мы бодро шли вперед, стараясь не сбавлять обороты.

Глава тридцатая

На дороге, что вела к мосту через реку, выстроилась длинная цепочка брошенных грузовиков и повозок. И ни одной живой души. Вода в реке поднялась. Мост был взорван посередине, каменная арка упала вниз, и теперь ее омывало буроватое течение. Мы подошли к реке и стали смотреть, где ее можно пересечь. Впереди, я помнил, есть железнодорожный мост, чем не переправа. Дорога превратилась в месиво. Ни одного солдата, только грузовики и разный скарб. И мокрые кусты вдоль илистого берега. Мы прошли еще немного и, наконец, увидели железнодорожный мост.

— Красавец! — воскликнул Аймо. Это был самый обычный металлический мост, а под ним чаще всего открывалось высохшее русло.

— Нам бы надо поторопиться, пока его не взорвали, — сказал я.

— Да кто его взорвет? — возразил Пиани. — Все разбежались.

— Возможно, он заминирован, — предположил Бонелло. — Вы пойдете первым, лейтенант.

— Анархист во всей красе, — сказал Аймо. — Прикажите ему идти первым.

— Я пойду, — положил я конец спорам. — Если и заминирован, то от одного человека он не взорвется.

— Видишь? — обратился Пиани к товарищу. — Вот что такое мозги. А твои где, анархист?

— Если бы у меня были мозги, меня бы здесь не было, — ответил Бонелло.

— А что, лейтенант, хорошо сказал, — похвалил товарища Аймо.

— Да, — подтвердил я.

Мы приближались к мосту. Небо опять заволокли тучи, и заморосил дождик. Мост казался длинным и основательным. Мы поднялись по насыпи.

— Переходим по одному. — С этими словами я шагнул на мост. Я приглядывался к шпалам и рельсам, нет ли растяжек или мин, но ничего такого не увидел. В просветах между шпал видна была река, мутная и быстрая. Сквозь пелену дождя, за промозглой сельской местностью, просматривался Удине. Перейдя на другую сторону, я увидел вверх по реке еще один мост, на который въехал желтый, заляпанный грязью автомобиль. И тут же пропал из виду за высокой оградой. Я видел только головы шофера, мужчины рядом и еще двоих на заднем сиденье. Все в немецких

касках. Но через мгновение автомобиль исчез за деревьями и брошенной на дороге техникой. Я зазывно помахал рукой Аймо, уже шедшему по мосту, и остальным. А сам спустился пониже и присел за железнодорожной насыпью. Ко мне присоединился Аймо.

— Автомобиль видели? — спросил я.

— Нет. Мы смотрели на вас.

— По другому мосту проехала немецкая штабная машина.

— Штабная машина?

— Да.

— Святая Мария!

Вскоре мы уже все сидели в грязи и поглядывали из-за насыпи на дальний мост, ряды деревьев, ров и дорогу.

— Лейтенант, вы думаете, что мы отрезаны от своих?

— Я знаю только то, что по этой дороге проехала немецкая штабная машина.

— Как общее самочувствие, лейтенант? Голова не плывет?

— Оставьте ваши шуточки, Бонелло.

— Как насчет винца? Раз уж мы отрезаны от своих, не грех и выпить. — Пиани отстегнул фляжку и отвинтил крышечку.

— Гляньте! Гляньте! — Аймо показывал пальцем.

По мосту, над каменным парапетом, проплывали немецкие каски. Склоненные вниз, они буквально летели каким-то непостижимым образом, словно сами по себе. Только когда они покинули мост, картина прояснилась. Это была велосипедная часть. Я разглядел первых двух. У них были румяные цветущие лица. Каски закрывали лоб. Карабины пристегнуты к велосипедной раме. На ремне, ручкой вниз, гранаты. Каски и серая форма намокли. Они непринужденно крутили педали, поглядывая по сторонам. Впереди ехали двое, за ними четверо, опять двое, дальше чуть ли не десяток, потом еще столько же, и замыкал колонну один велосипедист. Даже если бы они переговаривались, мы бы все равно ничего не услышали из-за речного потока. Наконец они скрылись из виду.

— Святая Мария! — воскликнул Аймо.

— Это немцы, — сказал Пиани. — Это не австрийцы.

— Почему их никто не остановит? — недоумевал я. — Почему не взорвали мост? Почему на этом берегу не установлены пулеметы?

— Вот вы нам и ответьте, лейтенант, — сказал

Бонелло.

Я был вне себя.

— Черт знает что. Ниже по течению наши взорвали небольшой мост, а этот, соединенный с главной трассой, оставили нетронутым. Куда все подевались? Они что, даже не попытаются их остановить?

— Вот вы нам и ответьте, лейтенант, — повторил Бонелло.

И я заткнулся. Меня это не касается. Все, что я должен был сделать, это доставить в Порденоне три санитарные машины. Я свалял дурака. Теперь хоть самим бы добраться до Порденоне. Да хоть бы до Удине. И доберемся, черт побери. Главное, не терять голову и не дать себя застрелить или захватить в плен.

— Где там фляжка? — обратился я к Пиани. Он протянул ее мне. Я сделал затяжной глоток. — Пойдем, что ли. Хотя торопиться некуда. Хотите что-нибудь пожевать?

— Не самое подходящее место, — сказал Бонелло.

— Что ж, тогда пойдем.

— Будем держаться под насыпью?

— Лучше поверху. Вдруг еще кто-то переедет через мост? Будет скверно, если они окажутся над

нами и застигнут нас врасплох.

Мы пошли по железнодорожному полотну. По обе стороны раскинулась мокрая равнина, за которой на холме располагался Удине. От крепости на самом верху уходили вниз крыши домов. Виднелись колокольня и башенные часы. В поле росли шелковицы. Впереди кто-то разобрал рельсы. Шпалы вырыли и скинули с насыпи.

— Вниз! Вниз! — скомандовал Аймо.

Мы скатились с насыпи. Появилась новая группа велосипедистов. Выглянув из-за края, я увидел, что они проехали мимо.

— Они нас заметили и не остановились, — удивился Аймо.

— Лейтенант, они нас всех перестреляют, — сказал Бонелло.

— Сдались мы им, — отмахнулся я. — У них другие интересы. Мы рискуем больше, если нас застигнут врасплох.

— Я бы предпочел идти так, чтобы нас не видели, — сказал Бонелло.

— Хорошо. Пойдем по железнодорожным путям.

— Думаете, проскочим? — спросил Аймо.

— Конечно. Их пока не так много. В темноте проскочим.

— А куда ехала эта штабная машина?

— Бог ее знает, — сказал я.

Мы шли по полотну. Бонелло, устав топать по грязи, поднялся к нам по насыпи. Железка уходила на юг, все дальше от дороги, поэтому мы не могли видеть, что там происходит. Небольшой мост через канал был взорван, но мы решили перебраться по сваям. Впереди послышались выстрелы.

За каналом мы снова выбрались на железнодорожное полотно. Оно вело через поля прямиком к городу. По курсу обнаружилась еще одна железка. Главная дорога, по которой проехали велосипедисты, была на севере, а к югу от нас, опять же через поля, шла узкая боковая дорога, обсаженная деревьями с обеих сторон. Я решил, что нам лучше двинуть на юг, в обход Удине, по сельской местности в сторону Кампо-Формио и главной трассы, что ведет к Тальяменто. Мы могли держаться подальше от основного пути к отступлению, выбирая после Удине проселочные дороги. Я знал, что равнину пересекает множество разных троп, и стал спускаться с насыпи.

— Давайте, — сказал я остальным. Почему бы нам проселочной дорогой не обогнуть город с южной стороны? Все последовали за мной. И тут со

стороны проселочной дороги раздался выстрел. Пуля угодила в размокшую насыпь.

— Назад! — закричал я и полез наверх, скользя по грязи.

Водители меня опередили, хотя я карабкался изо всех сил. Из зарослей раздались еще два выстрела, и Аймо, уже пересекавший железнодорожное полотно, пошатнулся, потом споткнулся и упал лицом вниз. Мы перетащили его на противоположный склон и перевернули.

— Надо его развернуть головой вверх, — сказал я.

Пиани так и сделал.

Аймо лежал на грязной насыпи, ногами вниз, дыша судорожно, с кровью. Мы втроем сидели вокруг него на корточках под дождем. Пуля попала сзади в шею и вышла пониже правого глаза. Он умер, пока я затыкал эти два отверстия. Пиани опустил его голову на землю, протер лицо бинтом из перевязочного пакета и оставил в покое.

— Так-перетак! — выругался он.

— Это не немцы, — сказал я. — Там не может быть никаких немцев.

— Итальянцы! — Пиани произнес это слово так, как если бы это был ругательный эпитет. — Italiani!

Бонелло молчал, глядя в сторону. Пиани подобрал скатившуюся с насыпи пилотку Аймо и накрыл ему лицо. Потом достал фляжку.

— Выпьешь? — Он протянул ее Бонелло.

— Нет, — ответил тот и повернулся ко мне. — Вот так бы случилось и с нами, если бы мы пошли по железнодорожным путям.

— Это случилось, потому что мы вышли на поле, — сказал я.

Бонелло покачал головой:

— Аймо покойник. Кто следующий, лейтенант? Куда мы теперь?

— Его застрелили итальянцы, а не немцы.

— Если бы это были немцы, они скорее всего нас бы всех прикончили, — сказал Бонелло.

— Итальянцев нам следует опасаться больше, чем немцев, — сказал я. — Немцы знают, на кого охотятся, а вот арьергард всего боится.

— Это разумно, лейтенант, — согласился Бонелло.

— И куда мы теперь? — спросил Пиани.

— До темноты нам лучше где-нибудь отлежаться. Если получится пробиться на юг, считайте, что мы в безопасности.

— Теперь они нас всех перебьют, чтобы доказать, что это не было ошибкой, — сказал

Бонелло. — Лучше не испытывать судьбу.

— Мы найдем местечко, чтобы отлежаться, поближе к Удине, а ночью проберемся.

— Тогда вперед, — сказал Бонелло.

Мы спустились по северному откосу. Я оглянулся. Аймо лежал под дождем в грязи, на склоне. Маленькое тельце, руки по швам, ноги в обмотках и заляпанных ботинках сведены вместе, лицо скрыто пилоткой. Мертвее не бывает. Я мало кого так любил. У меня в кармане лежали его документы, и мне предстояло написать его семье. Впереди, в окружении деревьев, показались фермерский дом и разные постройки. Балкон на втором этаже поддерживали колонны.

— Нам лучше держаться врозь, — сказал я. — Я пойду первым.

К ферме вела тропинка. Идя через поле, я мог только гадать, не начнут ли по мне стрелять из-за деревьев или из самого дома. Я ясно видел господский дом. Балкон одним концом соединялся с сеновалом, и между колонн валялись клочки сена. Двор был вымощен каменной плиткой. Во дворе стояла большая двухколесная тележка с задранными в небо оглоблями. С деревьев капала вода. Я пересек двор и остановился под балконом. Дверь была открыта, и я вошел в дом. Следом за

мной вошли Бонелло и Пиани. Внутри было темно. Я заглянул в кухню. В открытом очаге лежала остывшая зола. Над ним висели горшки, но все пустые. Я пошарил вокруг и не нашел ничего съестного.

— Мы ляжем на сеновале, — сказал я. — Если найдете какую-нибудь еду, Пиани, принесете ее туда?

— Я поищу.

— Я тоже, — сказал Бонелло.

— Ладно, — согласился я. — А я пока осмотрю сеновал.

Из конюшни наверх вели каменные ступени. Сухой запах в конюшне особенно радовал после этой слякоти. Всю скотину хозяева, надо полагать, забрали с собой. Сена наверху хватало. Здесь было два окна: одно заколоченное досками и слуховое окно, выходящее на северную сторону. Сено сбрасывалось лошадям по покатому настилу. Деревянные стропила уходили в проем на первый этаж, куда вкатывали тележки с сеном, которое потом забрасывали вилами наверх. Я слышал, как дождь барабанит по крыше, и вдыхал запахи сена, а когда улегся, к ним добавился запах сухого навоза из конюшни. Мы могли оторвать одну доску от южного окна и увидеть, что происходит

во дворе. Из слухового окошка открывался вид на поля. В случае чего можно было выбраться на крышу через любое окно или съехать вниз по покатому настилу, если нельзя будет воспользоваться лестницей. Здесь было где спрятаться, если бы раздались шаги непрошеных гостей. Неплохое место. Я был уверен в том, что мы бы пробрались на юг, если бы по нам не открыли стрельбу. Вряд ли там находятся немцы. Они шли с севера по дороге из Чивидале. Прорваться с юга они никак не могли. Но еще бóльшая опасность исходила от итальянцев. У страха глаза велики, и они стреляли по всем без разбору. Вчера ночью в автоколонне мы слышали разговоры о том, что многие немцы переодеваются в итальянскую форму и смешиваются с нашими отступающими частями. Я в это не верил. В военное время такие разговоры обычное дело. Как же, коварный противник. Никто не слышал про наших, переодетых в немецкую форму, чтобы застать неприятеля врасплох. Может, такое и бывало, но верилось в это с трудом. Вот и в переодетых немцев я не верил.

Зачем им это? Зачем осложнять наше отступление, если за них это делают неповоротливость армии и нехватка дорог? Не надо даже отдавать

приказы, тем более немцам. В нас стреляют свои, как в переодетых немцев. Аймо же застрелили. Приятно пахло сено, и пролетевших лет словно и не бывало. Мы вот так же лежали на сене и из воздушки постреливали в воробьев, стоило им только усесться в треугольном окошке, прорезанном под крышей сеновала. Теперь этого сеновала уже нет, а однажды повырубали все хвойные деревья, и на месте леса остались одни пни да сухие макушки да иван-чай. Путь назад отрезан. А если не идти вперед? Тогда ты не вернешься в Милан. А что тебя ждет, если ты туда вернешься? Я вслушивался в стрельбу на севере ближе к Удине. Строчили пулеметы. До тяжелых орудий пока дело не дошло. Это уже было что-то. Никак подтянули войска. Глянув вниз, я увидел в сумеречном свете Пиани. Он стоял на трелевочном полу, держа под мышками длинную палку колбасы, кувшин с чем-то и две бутылки вина.

— Полезайте сюда! — крикнул я ему. — Там есть лестница.

С опозданием сообразив, что без моей помощи ему все это не доставить, я сам к нему спустился. От лежания в сене голова у меня поплыла. Я чуть не уснул.

— А где Бонелло? — спросил я.

— Сейчас все расскажу.

Мы поднялись на сеновал и поставили все на пол. Пиани достал нож со штопором и вытащил пробку из бутылки.

— Воском запечатано, — сказал он. — Значит, хорошее. — Он улыбнулся.

— Где Бонелло? — повторил я свой вопрос.

Пиани посмотрел на меня.

— Он ушел, лейтенант. Решил сдаться в плен.

Я молчал.

— Он опасался за свою жизнь.

Я молчал, держа в руке бутылку.

— Поймите, лейтенант, мы вообще против войны.

— А вы почему не ушли?

— Не хотел вас бросать.

— Куда он ушел?

— Я не знаю, лейтенант. Ушел, и всё.

— Ладно, — сказал я. — Колбасу порежете?

В полутьме он с удивлением на меня посмотрел.

— Я ее уже порезал, пока мы разговаривали, — сказал он.

Мы сидели на сене, ели колбасу и пили вино. Возможно, это вино держали для будущей свадьбы. От старости оно начало терять цвет.

— Выгляните из этого окна, Луиджи, — попросил я. — А я посмотрю из того.

Мы пили каждый из своей бутылки. Прихватив свою, я улегся на сене и выглянул в узкое оконце. Уж не знаю, что я рассчитывал увидеть, но не увидел ничего, кроме полей, голых шелковиц и дождя. Я пил вино, но толку от него было мало. Его передержали и испортили, оно потеряло цвет и вкусовые качества. За окном быстро смеркалось. Ночь с поправкой на дождь обещала быть непроглядной. Когда совсем стемнело, дальнейшее наблюдение потеряло всякий смысл, и я вернулся к Пиани. Он спал, и я не стал его будить, а просто посидел рядом. Он был крупным мужчиной и спал крепко. В какой-то момент я его все-таки разбудил, и мы отправились в путь.

Это была очень странная ночь. Не знаю, чего я ожидал, возможно, стрельбы в темноте, смертей и панического бегства, но ничего такого не произошло. Мы залегли в канаве и, подождав, пока мимо пройдет немецкий батальон, пересекли дорогу и двинули на север. Дважды мы оказались в непосредственной близости от немцев, но они нас не заметили. Мы обошли город, продолжая идти на север, и не встретили ни одного итальянца, и через какое-то время вышли к главной трассе,

по которой проходило отступление, и вместе со всеми прошагали всю ночь в сторону Тальяменто. Я себе не представлял масштабы отступления. Вся страна и вся армия оказались на ногах. Мы, пешие, обгоняли автотранспорт. У меня болела нога, я устал, но мы продолжали идти в хорошем темпе. Так глупо, что Бонелло решил сдаться в плен. Нет же никакой опасности. Мы без проблем прошли по территории и той, и этой армии. Если бы не гибель Аймо, ни о какой опасности можно было бы не говорить. Никто нас не тронул, когда мы шагали по железнодорожному полотну у всех на виду. Его же застрелили с бухты-барахты и безо всякой причины. Интересно, где теперь Бонелло.

— Как вы, лейтенант? — спросил Пиани. Мы шли по обочине дороги, запруженной транспортом и войсками.

— Я в порядке.

— Устал я от этой ходьбы.

— Ничего другого нам теперь не остается. Зато не о чем беспокоиться.

— Бонелло свалял дурака.

— Да уж.

— Что вы собираетесь делать насчет него?

— Пока не знаю.

— Может, запишете как захваченного в плен?

— Не знаю.

— Если война продолжится, у его семьи могут быть большие неприятности.

— Не продолжится, — вмешался в разговор солдат. — Мы расходимся по домам. Войне конец.

— Всех распустят по домам.

— Мы разойдемся по домам.

— Идемте, tenente, — сказал Пиани, желая поскорей обойти солдат.

— Tenente? Это кто здесь лейтенант? A basso gli ufficiali! Долой офицеров!

Пиани взял меня за руку.

— Лучше я вас по имени, — сказал он. — От этих можно ждать всего. Они расстреливали офицеров.

Мы их обогнали.

— Я не напишу рапорт, из-за которого у его семьи могут быть большие неприятности, — продолжил я наш разговор.

— Если войне конец, то это не имеет значения, — сказал Пиани. — Но я не верю, что ей конец. Слишком красивая сказка.

— Скоро мы узнаем.

— Нет, не верю. Все считают, что ей конец, а я не верю.

— Viva la Pace![25] — закричал солдат. — Пошли по домам!

— Хорошо бы, — сказал Пиани. — Вам хочется домой?

— Да.

— Этому не бывать. Я не верю, что войне конец.

— Andiamo a casa![26] — закричал солдат.

— Они бросают винтовки, — сказал Пиани. — Прямо на марше. И вот так кричат.

— Винтовки — это они зря.

— Они думают, что, если избавились от винтовок, их уже не заставят воевать.

Идя под дождем по обочине, я видел, что многие солдаты были с винтовками. Их дула торчали над капюшонами.

— Вы из какой бригады? — поинтересовался офицер у солдата.

— Brigata di Pace! — с вызовом выкрикнул кто-то. — Бригада мира!

Офицер промолчал.

— Что он там вякает, этот офицеришка?

— Долой офицера. Viva la Pace!

---

[25] Примечания: 25
Да здравствует мир! *(итал.)*

[26] Примечания: 26
Пошли домой! *(итал.)*

— Идемте, — заторопил меня Пиани. Мы миновали две английские «санитарки», брошенные вместе с другими транспортными средствами. — Это машины из Гориции. Я их узнал.

— Они продвинулись дальше, чем мы.

— Они раньше выехали.

— Интересно, где водители.

— Ушли вперед, скорее всего.

— Немцы остановились под Удине, — сказал я. — Так что все смогут перейти через реку.

— Да. Поэтому, я думаю, война продолжится.

— А если нагрянут немцы? Почему они до сих пор не нагрянули?

— Не понимаю. Я уже ничего не понимаю в этой войне.

— Наверно, ждут транспортного подкрепления.

— Я не знаю, — сказал Пиани. Оставшись один, он стал гораздо тише. В компании он был языкастый.

— Вы женаты, Луиджи?

— Женат, сами знаете.

— Вы поэтому не хотели сдаться в плен?

— Одна из причин. А вы, лейтенант, женаты?

— Нет.

— Как и Бонелло.

— Брак еще ни о чем не говорит. Хотя женатый, я думаю, был бы не прочь вернуться в семью, — сказал я. Мне хотелось поговорить о женах.

— Да.

— Как ноги?

— Натер прилично.

Еще до рассвета мы добрались до Тальяменто и направились вдоль разлившейся реки к мосту, по которому шла переправа.

— Они должны ее удержать, — сказал Пиани.

В темноте река казалась вздувшейся, бурливой. Обычно под этим деревянным мостом почти три четверти мили длиной струились недосягаемые ручейки по широкому каменистому руслу, но сейчас от настила до воды было рукой подать. Мы прошли по берегу, а затем встроились в толпу и вышли на мост. Медленно продвигаясь под дождем, зажатый с двух сторон и чуть не утыкаясь носом в зарядный ящик, я поглядывал на вздувшуюся реку. Мы уже не могли идти быстрым шагом, и я вдруг почувствовал жуткую усталость. Я не испытывал никакой радости от того, что скоро окажусь на другой стороне. Интересно, подумал я, если среди дня самолет начнет бомбить мост, на что это будет похоже.

— Пиани? — окликнул я товарища.

— Я тут, лейтенант.

Он оказался впереди в этой давке. Люди не разговаривали. Каждый мечтал поскорее перейти мост и не думал ни о чем другом. Нам оставалось уже немного. На выходе, справа и слева, стояли офицеры и карабинеры, высвечивая лица фонариками. Их силуэты отчетливо смотрелись на фоне светлеющего горизонта. Когда мы приблизились, один из офицеров ткнул пальцем в мужчину. Карабинер вытащил его за руку из колонны и отвел в сторону. Мы были уже совсем близко. Офицеры сверлили всех взглядами, иногда о чем-то переговариваясь, потом к кому-то подходили и светили ему в лицо. Они выдернули из толпы еще одного мужчину. Это был подполковник. Я разглядел звездочки у него на рукаве, когда его осветили фонариком. Седой, толстый коротышка. Карабинеры увели его за цепочку офицеров. Когда мы совсем сблизились, я поймал на себе внимательные взгляды. Один офицер указал на меня и что-то сказал карабинеру. Тот вклинился в колонну, и я почувствовал, как меня взяли за шкирку.

— Вы что? — Я ударил его по лицу, успев разглядеть шляпу и загнутые кверху усы. По щеке потекла кровь. В толпу нырнул еще один кара-

бинер. — Вы что? — повторил я. Он не ответил, примериваясь, как бы меня схватить. Я завел руку за спину, чтобы вытащить пистолет. — Вы что, не знаете, что офицера нельзя тронуть пальцем?

Второй карабинер сзади заломил мне руку так, что она хрустнула в суставе. Я вынужденно развернулся, и первый обхватил меня за шею. Я ударил его по лодыжке и заехал левым коленом в пах.

— В случае сопротивления стреляйте, — сказал кто-то рядом.

— Что все это значит? — Я пытался крикнуть, но потерял голос. Меня оттащили на обочину.

— В случае сопротивления стреляйте, — повторил офицер. — Отведите его подальше.

— Кто вы такие?

— Скоро узнаете?

— Кто вы такие?

— Военная полиция, — ответил мне другой офицер.

— Почему нельзя было просто попросить меня отойти, вместо того чтобы напускать на меня «аэропланы»?

Ответа я не получил. Да и зачем им отвечать? Они же военная полиция.

— Отведите его к той компании, — приказал

первый офицер. — Слышали? Он говорит по-итальянски с акцентом.

— Как и ты, сучья морда, — сказал я.

— Отведите его к той компании, — повторил офицер.

Меня повели к группе задержанных на открытом месте, неподалеку от реки. Оттуда донеслись ружейные выстрелы. Я видел яркие вспышки. Мы подошли к группе. Перед четырьмя офицерами стоял мужчина и карабинеры по бокам. Саму группу тоже охраняли карабинеры. Еще четверо, в широкополых шляпах, опираясь на карабины, стояли рядом с офицерами, ведущими допрос. Двое сопровождающих запихнули меня в группу, которая дожидалась своего часа. Я всмотрелся в допрашиваемого. Это был тот самый подполковник-коротышка, которого выдернули из колонны. Офицеры вели допрос деловито, с холодной уверенностью итальянцев, которые расстреливают других, при этом сами ничем не рискуя.

— Ваша бригада?

Он назвал.

— Полк?

Он назвал.

— Почему вы не со своим полком?

Он объяснил.

— Вы что, не знаете, что офицер должен находиться со своей частью?

Он знал.

На этом допрос закончился. К нему обратился другой офицер:

— Такие, как вы, пустили варваров на нашу священную землю.

— Простите? — удивился подполковник.

— Из-за предательства таких, как вы, мы потеряли все плоды наших побед.

— Вы когда-нибудь отступали? — спросил его подполковник.

— Италия никогда не должна отступать.

Мы слушали это, стоя под дождем. Мы стояли напротив офицеров, а задержанный непосредственно перед ними и чуть в стороне от нашей шеренги.

— Если вы собираетесь меня расстрелять, — сказал подполковник, — пожалуйста, расстреливайте поскорее, без этого дурацкого допроса. — Он перекрестился.

Офицеры коротко переговорили. Один что-то написал на листке бумаги.

— Оставил свою часть, приговорен к расстрелу, — сказал он.

Два карабинера повели подполковника к реке. Старик шел под дождем с непокрытой головой и карабинеры по бокам. Я не стал смотреть, как его расстреливают, но я слышал выстрелы. А тем временем пришла очередь следующего офицера, отставшего от своих. Ему не позволили ничего сказать в свое оправдание. Просто зачитали приговор, и он заплакал. Пока его расстреливали, шел уже настоящий допрос следующего. Стало ясно, что никому из нас не отвертеться. Ждать ли допроса или бежать сию минуту? Для них я был немцем в итальянской военной форме. Я понимал, как работают их мозги. Если, конечно, у них есть мозги и они работают. Вторую армию под Тальяменто формируют заново. А они молодые и спасают страну. Они расстреливают офицеров, от майора и выше, потерявших связь со своими частями. А еще они расправляются с немецкими агитаторами в итальянской форме и в стальных касках. Из всех задержанных только двое были в таких касках. Как и отдельные карабинеры, большинство же было в широкополых шляпах, которые в армии окрестили «аэропланами». Мы стояли под дождем, пока нас по одному допрашивали и расстреливали. На эту минуту живым не ушел никто. Дознаватели демонстрировали

замечательную отрешенность и преданность суровому правосудию, это были люди, отправляющие других на смерть и знающие, что им самим она не грозит. Дошла очередь до полковника, командира пехотного полка. А к нашей группе добавились еще три офицера.

— Где ваш полк?

Я бросил взгляд на карабинеров. Одни смотрели на новеньких, другие на полковника. Я нырнул между двумя товарищами по несчастью и, пригнувшись, помчался к реке. В последний момент я споткнулся и плюхнулся в воду. Она оказалась ледяной, но я продержался под водой, сколько мог. Меня подхватило течение, и я держался до упора. Вынырнул только для того, чтобы набрать в легкие воздуха, и снова нырнул. Держаться под водой в полном обмундировании и тяжелых ботинках было совсем не просто. Вынырнув во второй раз, я увидел перед собой деревянную строительную балку и ухватился за нее одной рукой. Голову я не поднимал, пряча ее за балкой. Мне не надо было смотреть на берег. В меня стреляли, пока я бежал и когда я первый раз выныривал. А потом выстрелы прекратились. Балка разворачивалась по течению, и я продолжал за нее держаться одной рукой. Наконец я посмотрел

на берег. Казалось, он уносится с большой скоростью. В ледяной воде было много всякого дерева. Мимо проплыл островок с низким кустарником. Я вцепился в балку обеими руками и отдался на волю случая. Берега уже не было видно.

Глава тридцать первая

При быстром течении реки теряется ощущение времени. Кажется, что ты уже давно в ледяной воде, а на самом деле нет. Вода поднялась, и с берегов чего только не посмывало. Со строительной балкой мне повезло: я свободно держался за нее обеими руками, положив сверху подбородок. Я опасался судорог, и оставалось надеяться, что меня скоро прибьет к берегу. Река делала длинный изгиб. Уже чуть-чуть развиднелось, и я мог разглядеть прибрежные кусты. Впереди показался островок, поросший кустарником. Течение стало сносить меня к берегу, и я подумал, не скинуть ли мне ботинки и одежду и не попытаться ли доплыть, но отказался от этой мысли. Я рассчитывал так или иначе оказаться на берегу, и лучше не босиком, иначе как я доберусь до Местре?

Берег приближался, потом удалялся и снова приближался. Течение замедлилось. Берег был уже совсем рядом. Я мог разглядеть веточки на плакучей иве. Но тут балка развернулась, берег оказался за моей спиной, и я понял, что мы угодили в водоворот. Мы медленно крутились. Я снова увидел берег, на этот раз совсем близко, и, дер-

жась одной рукой за балку, принялся загребать другой и подрабатывать ногами, но результат был нулевой. Боясь, как бы течение не унесло меня прочь, я подтянул ноги и резко оттолкнулся от балки. До кустов, казалось, было рукой подать, однако несмотря на все мои усилия, меня относило течением. Я подумал, что намокшие башмаки сейчас потянут меня на дно, и замолотил руками по воде. Когда я в очередной раз поднял глаза и увидел, что берег приближается, то еще наддал в панике отяжелевшими ногами и, в конце концов, доплыл. Я повис на плакучей иве, не имея сил подтянуться, но по крайней мере знал, что уже не утону. Все это время, пока держался за балку, я не верил, что утону. Опустошенный, с ноющими от усилий животом и грудью, я вцепился в ветки и затаился. Когда неприятные ощущения прошли, я подтянулся и снова взял паузу, хватаясь за какой-то кустарник. После чего, продравшись сквозь ветки ивы, я все-таки выполз на берег. Еще не совсем рассвело. Вокруг не было ни души. Я растянулся на земле, вслушиваясь в шум реки и дождя.

Отдышавшись, я встал и пошел по берегу. Я знал, что моста через реку не будет до самой Латизаны. Сейчас я находился примерно напротив

Сан-Вито. Встал вопрос о дальнейших действиях. Я направился к оврагу, спускавшемуся к реке. Хотя место было безлюдное, я спустился в овраг и, прикрытый какими-то кустами, стащил ботинки и вылил из них воду. Потом снял китель и, вынув из внутреннего кармана бумажник с насквозь промокшими документами и деньгами, хорошенько его отжал. Снял штаны, рубашку, нижнее белье и тоже отжал. Всего себя обшлепал и растер, после чего снова оделся. Пилотку я где-то посеял.

Прежде чем натянуть китель, я срезал с рукавов суконные звездочки и спрятал их во внутренний карман вместе с намокшими, но вполне пригодными купюрами, предварительно их пересчитав. Три тысячи лир с мелочью. Влажная одежда липла к телу, и я похлопал себя по предплечьям, чтобы разогнать кровь. Я решил, что в трикотажном белье не простужусь — главное, двигаться. Пистолет у меня отобрали, и пустую кобуру я спрятал под китель. Оставшись без плаща с капюшоном, я мерз под дождем. Я пошел по берегу канала. При дневном освещении местность выглядела промозглой, болотистой и унылой. Голые вымокшие поля. Вдалеке торчала колокольня. Я выбрался на дорогу. Увидев приближающийся отряд, я захромал по обочине; они прошли мимо,

меня проигнорировав. Это был отряд пулеметчиков, который направлялся в сторону реки. Я пошел дальше по дороге.

За день я пересек Паданскую равнину. Под дождем эта низменность кажется совсем плоской. Еще до моря тебя ждут соленые топи. Дорог там совсем мало, и все они ведут вдоль устья реки к морю, а чтобы пересечь местность, надо идти по тропам вблизи каналов. Идя на юг, я пересек две железнодорожные ветки и множество троп, и, наконец, дорога вывела меня к полотну, огибавшему очередную топь. Это была главная ветка, соединявшая Венецию и Триест, с высокой мощной насыпью, основательным земляным полотном и двухколейкой. В отдалении, на остановке по требованию, я заметил караульных. Еще дальше был мост через речку, впадавшую в заболоченный водоем. У моста также стоял караульный. Идя через поля на север, я видел, как по этой ветке прошел поезд, долго находившийся в поле зрения на открытой плоской равнине, и я предположил, что он идет из Портогруаро. Я залег за насыпью, отслеживая движение поездов в обе стороны и посматривая на охранников. Солдат, стоявший у моста, прогулялся вдоль путей в мою сторону, развернулся и пошел обратно. Я лежал,

голодный, и ждал поезда. Тот, который я видел ранее, был такой длинный, что паровоз с трудом его волочил, и я подумал, что наверняка смог бы запрыгнуть на ходу. Я уже почти отчаялся дождаться проходящего, когда он вдруг показался. Паровоз медленно надвигался на меня, увеличиваясь в размерах. Я бросил взгляд на караульного. Он шагал по мосту в мою сторону, но по противоположной стороне колеи. Значит, поезд скроет меня из виду. Паровоз приближался, с натугой таща длинный состав. Я знал, что вагоны должны охраняться, но пока никого не заметил — впрочем, я старался особенно не высовываться. Паровоз со мной поравнялся, пыхтя нешуточно, я увидел машиниста и, выждав немного, поднялся во весь рост. Если охранники поглядывают из вагонов, то лучше мне открыто стоять на насыпи, не так подозрительно. Мимо проплыло несколько закрытых товарных вагонов. За ними я увидел низкостенный открытый вагон, так называемую гондолу, сверху покрытую брезентом. Пропустив его мимо себя, я запрыгнул на ступеньку, подтянулся за поручни и угнездился на буфере между «гондолой» и прикрывающим меня сзади товарным вагоном. Вряд ли меня кто-то успел заметить. Держась за поручни, я сел пониже и

опустил ноги на сцепку. Мы подъезжали к мосту, и я вспомнил про караульного. Он оказался совсем мальчишкой в сползающей на глаза каске. Наши взгляды встретились. Я окатил его волной превосходства, и он отвернулся. Видимо, подумал, что я в составе поездной бригады.

Я посмотрел ему вслед. Пока он с озабоченным видом присматривался к следующим вагонам, я решил проверить, как крепится брезент. Через веревочные кольца был пропущен шнур. Я достал нож, перерезал шнур и пошарил под натянувшимся мокрым брезентом. Рука нащупала жесткие округлые выступы. Я бросил взгляд вперед. Из товарного вагона высунулся охранник, но смотрел он перед собой. Я выпустил поручни и нырнул под брезент. Я обо что-то ударился лбом, набив огромную шишку, и лицо стала заливать кровь, но я все равно пробрался внутрь, лег на пол, потом развернулся и снова закрепил веревочное кольцо.

Я оказался в компании с орудиями. Они приятно пахли свежей смазкой. Я лежал, слушая дробь дождя по брезенту и стук колес. Пробившийся луч света дал мне возможность разглядеть орудия. Они были в холщовых чехлах. Наверно, из Третьей армии, подумал я. Шишка на лбу взду-

лась. Я лежал неподвижно, пока не остановилось кровотечение, и снял сухую корку, не трогая саму ранку. Ничего серьезного. Носового платка у меня не было, поэтому я смыл остатки запекшийся крови кончиками пальцев, намочив их под каплями дождя, что стекали с брезента, а потом протер лицо рукавом. Я не хотел вызывать подозрение своим видом и понимал, что должен покинуть поезд до его прихода в Местре, где будут сгружать эти орудия. Каждое на счету, так что про них не забудут. Я умирал с голоду.

Глава тридцать вторая

Я лежал под брезентом на полу «гондолы» рядом с орудиями, мокрый, замерзший и жутко голодный. В какой-то момент я перевернулся на живот и положил лицо на руки. Больное колено одеревенело, но в остальном я был им очень доволен. Валентини отлично потрудился. С его коленом я половину отступления прошагал да еще поплавал в Тальяменто. Да, это его колено. А второе мое. После того, что с тобой проделали доктора, твое тело тебе больше не принадлежит. Еще мои голова и внутренности, которые урчали и переворачивались от голода. Голова, хотя и моя, была не способна мыслить, только помнить, да и то крохи.

Я мог вспоминать Кэтрин, но понимал, что сойду с ума, если начну о ней думать, даже не зная, увижу ли ее когда-нибудь, поэтому я о ней не думал, так, самую малость, пока вагон медленно ехал, позвякивая на стыках, и кое-где пробивался свет, а я лежал на полу вместе с Кэтрин. Хотя жестковато было лежать на полу, ни о чем не думая, а только чувствуя, после такой долгой разлуки, в мокрой одежде, на поерзывающим под тобой

полом, один-одинешенек, мокрый насквозь, на жестком полу, заменяющем тебе жену.

То еще удовольствие лежать на голом полу «гондолы» в компании с орудиями в холщовых чехлах и вдыхать запахи металла и смазки и видеть над собой протекающий брезент, хотя в принципе очень даже и неплохо под брезентом вместе с пушками. Только к чему притворяться, что рядом та, которую ты любишь, ты же все видишь ясным и холодным взглядом — не столько холодным, сколько ясным и пустым. Ты все видишь пустым взглядом, лежа ничком, недавний свидетель того, как одна армия отступала, а другая наступала. Ты потерял свои «санитарки» и своих людей, как администратор универсального магазина теряет весь товар во время пожара. Правда, в моем случае нет страховки. Теперь ты вышел из игры. У тебя больше нет обязательств. Если бы администраторов после пожара расстреливали только потому, что они говорят с акцентом, а это бывает сплошь и рядом, то некому было бы вернуться в магазины после ремонта. А выжившие администраторы искали бы другое место работы — если, конечно, позвали бы и если бы их сразу не замела полиция.

Мой гнев вместе с моими обязательствами смы-

ла река. Хотя он весь вышел в тот момент, когда карабинер схватил меня за шкирку. Я был бы не прочь снять с себя военную форму, при том что не придавал особого значения внешним признакам. Звездочки я спорол, просто так было удобнее. Это не было вопросом чести. Не то что я был против. Просто мы расстались, и я им пожелал удачи. Люди приличные и отважные, выдержанные и благоразумные их вполне заслуживают. Но это уже не мое шоу, и я мечтал только о том, чтобы этот чертов поезд довез меня до Местре, где я поем и перестану думать. Пора уже перестать.

Пиани скажет, что меня расстреляли. Они обыскивали и забирали документы у всех, кого расстреливали. Мои документы им не достались. Меня могут объявить утонувшим. Интересно, что они сообщат в Штаты. Умер от ран и других причин. Господи, как же я хочу есть. Я подумал о нашем священнике. И о Ринальди. Возможно, он сейчас в Порденоне. Если не отступили еще дальше. Теперь уж я его не увижу. Я никого из них не увижу. Та жизнь закончилась. Не думаю, что у него сифилис. Говорят, не такая уж это страшная болезнь, если за нее вовремя взяться. Но он, конечно, озабочен. Я бы тоже был озабочен. Да кто угодно.

Я был не готов думать. Я был готов только есть. Да, черт возьми. Есть, и пить, и спать с Кэтрин. Сегодня ночью. Нет, это нереально. Завтра. Хорошая еда, чистое постельное белье и, если куда-то уезжать, то только вдвоем. Вероятно, придется сразу свалить. Она со мной поедет. Знаю, что поедет. И куда же мы поедем? Есть над чем подумать. Смеркалось. Я лежал и думал, куда мы с ней поедем. Выбор большой.

Книга четвертая

Глава тридцать третья

Я спрыгнул с поезда, когда он подходил к станции в Милане рано утром, еще до рассвета. Пересек железнодорожные пути, прошел между какими-то строениями и оказался на улице. Увидев открытый бар, я зашел выпить кофе. Там пахло ранним утром и сметенной пылью, а на столиках можно было увидеть кофейные чашки с ложечками и мокрые круги, оставленные стаканами с вином. За стойкой стоял хозяин. За столиком сидели двое солдат. Я выпил у стойки чашку кофе и съел кусок хлеба. Кофе был серовато-тый, и я корочкой снял с него молочную пенку. Хозяин посмотрел на меня.

— Хотите граппы?

— Нет, спасибо.

— За мой счет. — Он налил стаканчик и пододвинул ко мне. — Что происходит на фронте?

— Я ничего не знаю.

— Они пьяные. — Он махнул рукой в сторону солдат. Похоже, он был прав. Они казались подвыпившими. — Расскажите, что происходит на фронте?

— Я про это ничего не знаю.

— Я видел, как вы шли по путям. Вы спрыгнули с поезда.

— Идет большое отступление.

— Я читаю газеты. А конкретнее? Все закончилось?

— Не думаю.

Он снова наполнил стаканчик граппой из пузатой бутылки.

— Если у вас есть проблемы, я могу вас пристроить у себя.

— У меня нет проблем.

— Если что, вы можете остаться у меня.

— Это где же?

— В моем доме. Здесь все останавливаются. Все, у кого есть проблемы.

— И много таких?

— Это зависит от проблемы. Вы из Южной Америки?

— Нет.

— По-испански говорите?

— Немного.

Он протер стойку.

— Сейчас трудно уехать из страны, но нет ничего невозможного.

— Я не собираюсь уезжать.

— Вы можете здесь пожить, сколько вам надо.

Сами увидите, с кем имеете дело.

— Сегодня у меня дела, но я запомню адрес и вернусь.

Он покачал головой:

— Тот, кто так говорит, не возвращается. Я подумал, что у вас серьезные проблемы.

— У меня нет проблем. Но адрес друга для меня много значит. — Я положил на стойку купюру в десять лир за кофе. — Выпейте со мной граппы.

— Это необязательно.

— Выпейте.

Он налил два стаканчика.

— Запомните этот адрес, — сказал он, — и приходите. Не доверяйтесь никому. А здесь вы в безопасности.

— Я верю вам.

— Верите?

— Да.

Вид у него был серьезный.

— Тогда вот что я вам скажу. Не расхаживайте в этом.

— Почему?

— На рукаве слишком хорошо видно, где были срезаны звездочки. Цвет другой.

Я промолчал.

— Если у вас нет документов, я могу вам сде-

лать.

— Что именно?

— Отпускной билет.

— Мне не надо. У меня есть документы.

— Хорошо, — сказал он. — Но если понадобятся, дайте мне знать.

— Сколько стоят документы?

— Смотря какие. По сходной цене.

— Сейчас мне не надо.

Он пожал плечами.

— У меня с этим в порядке, — заверил я его.

Когда я уходил, он сказал:

— Не забудьте, что я ваш друг.

— Не забуду.

— Увидимся.

— Обязательно, — ответил я.

Держась подальше от вокзала, который патрулировала военная полиция, я дошел до небольшого парка и там взял экипаж. Я дал кучеру адрес госпиталя, где сразу зашел в сторожку привратника. Его жена меня обняла, а он пожал мне руку.

— Вернулись. Живой.

— Живой.

— Вы уже завтракали?

— Да.

— Как у вас дела, лейтенант? — спросила жена.

— Отлично.

— Вы с нами не позавтракаете?

— Нет, спасибо. Скажите, мисс Баркли сейчас в госпитале?

— Мисс Баркли?

— Английская медсестра.

— Его пассия, — объяснила она мужу и с улыбкой похлопала меня по плечу.

— Нет, — ответил он. — Она уехала.

Сердце мое упало.

— Вы уверены? Такая высокая блондинка.

— Уверен. Она уехала в Стрезу.

— Когда?

— Два дня назад, вместе с другой англичанкой.

— Так. У меня к вам будет просьба. Никому не говорите о том, что вы меня видели. Это очень важно.

— Никому не скажу, — заверил меня привратник.

Я протянул ему десять лир, но он оттолкнул мою руку.

— Я же вам пообещал, что никому не скажу. Мне не нужны ваши деньги.

— Что мы можем для вас сделать, синьор лейтенант? — спросила его жена.

— Больше ничего.

— Мы люди глупые, — сказал он. — Вы мне объясните, если вам что-то понадобится?

— Да, — ответил я. — Счастливо. Еще увидимся.

Они стояли в дверях, провожая меня взглядами.

Я сел в экипаж и дал адрес Симмонса, того, который учился оперному пению. Он жил в другом конце города, неподалеку от Порта-Маджента. Я его разбудил. Он встретил меня словами:

— Вы, Генри, ранняя пташка.

— Я приехал ранним поездом.

— Что с отступлением? Вы были на фронте? Как насчет сигаретки? Они там в коробке на столе.

В большой комнате у стены стояла кровать, напротив нее пианино, и еще там были комод и стол. Я уселся на стул возле кровати. Симмонс закурил, откинувшись на подушки.

— Сим, я в пиковой ситуации, — начал я.

— Я тоже. Я всегда в пиковой ситуации. Закурите?

— Нет, — сказал я. — Какова процедура для въезжающих в Швейцарию?

— Для вас лично? Итальянцы вас не выпустят.

— Это я знаю. Но я о швейцарцах. Что сделают они?

— Они вас задержат.

— Я догадываюсь. А дальше?

— Дальше все очень просто. Вы можете ехать куда угодно, только надо поставить их в известность. А что? Вы в бегах?

— Пока ничего не ясно.

— Не хотите говорить — не надо. Хотя интересно было бы послушать. Здесь ведь ничего не происходит. Я провалился в Пьяченце.

— Мне очень жаль.

— Еще как провалился. А пел я хорошо. Собираюсь еще раз попробовать уже в «Лирико»[27].

— Хотел бы я послушать.

— Вы сама любезность. Вы правда в пиковой ситуации?

— Сам не знаю.

— Не хотите говорить — не надо. Как вам удалось свалить с этого дурацкого фронта?

— Я решил, что с меня хватит.

— Молодец. Я всегда знал, что у вас есть голова на плечах. Я могу вам чем-то помочь?

— Вы так заняты.

— Ничего подобного, мой дорогой Генри. Ничего подобного. Я буду счастлив что-то для вас

---

[27] Примечания: 27

«Лирико» — миланский театр. После реконструкции в 2009 г. получил название «Оперный театр Джорджио Габера».

сделать.

— У нас с вами похожие размеры. Вы не могли бы купить мне в магазине гражданскую одежду? Моя осталась в Риме.

— Вы ведь там жили? Мерзкий город. Как вы там оказались?

— Хотел стать архитектором.

— Только не в Риме. Не надо покупать одежду. Я вам дам все, что нужно. Одену вас так, что вы будете иметь успех. Идите в мою гардеробную, там есть стенной шкаф. Берите что хотите. Голубчик, вам не нужно ничего покупать.

— Я бы лучше купил, Сим.

— Голубчик, мне проще вам что-то отдать, чем выходить в магазин. У вас есть паспорт? Без паспорта вы далеко не уедете.

— Да. Паспорт у меня пока есть.

— Тогда, голубчик, переодевайтесь и вперед, в старую добрую Гельвецию.

— Не так все просто. Сначала я должен заехать в Стрезу.

— Идеальный вариант. А оттуда на лодке. Если бы не мое пение, я бы поехал с вами. Еще съезжу.

— Вы могли бы петь йодлем.

— И запою, голубчик. У меня есть голос, вот что

самое удивительное.

— Готов поклясться, что есть.

Он подымил, откинувшись на подушки.

— Не клянитесь попусту. Но у меня правда есть голос. Вы будете смеяться, но есть. Я люблю петь. Вот послушайте. — Он протрубил что-то африканоподобное, шея вздулась, вены набухли. — Нравится им это или нет, но у меня есть голос.

Я выглянул в окно.

— Отпущу-ка я экипаж.

— Возвращайтесь, голубчик, и мы позавтракаем.

Он слез с кровати, встал прямо, сделал глубокий вдох и принялся делать наклоны. Я спустился вниз и расплатился с кучером.

Глава тридцать четвертая

Я купил билет Милан — Стреза. В цивильной одежде я ощущал себя участником маскарада. Я так долго носил военную форму, что забыл ощущения гражданского человека. Брюки на мне болтались. Пришлось прикупить новую шляпу. Симова шляпа мне не подошла, но все остальное пришлось впору. Одежда пахла табаком. Я сидел в купе и смотрел в окно, понимая, что моя шляпа выглядит новехонькой, а вся одежда поношенной. На сердце было так же тоскливо, как в ломбардском пейзаже за окном. Для сидевших рядом авиаторов я не существовал. Они презирали гражданского моего возраста и даже не удостаивали меня взгляда. Меня это не оскорбляло. В былые времена я бы им сказал все, что о них думаю, и полез бы в драку. Они сошли в Галларате, и, на мое счастье, я остался один. У меня была с собой газета, но я ее не открывал, так как не хотел читать о войне. Я решил о ней забыть. Я заключил сепаратный мир. Я испытывал ужасное одиночество и был рад, когда поезд пришел в Стрезу.

Я ожидал увидеть на вокзале посыльных из

отелей, но их не было. Курортный сезон давно закончился, и никто не пришел встречать поезд. Я вышел на перрон с легоньким саквояжем Сима, в котором лежали только две рубашки, и постоял под навесом, поливаемым дождем, пока поезд снова не тронулся. На станции я спросил, какие гостиницы открыты. Ответ был такой: «Гранд-отель» и «Дезиль Борроме» и еще несколько маленьких, работающих круглый год. Я отправился пешком под дождем в «Дезиль Борроме». Со мной поравнялся экипаж, и я дал знак кучеру остановиться. К отелю лучше подъехать в экипаже. Отель был большой, и ко мне вышел с зонтом очень вежливый портье.

Я занял хороший номер. Огромный, светлый, с видом на озеро, над которым сейчас опустились тучи. Но когда выглянет солнце, оно заиграет всеми красками. Я предупредил, что жду жену. В номере была большая двуспальная кровать, letto matrimoniale[28], с атласным одеялом. Отель отличался роскошью. Я прошел по длинному коридору, спустился по широкой лестнице, миновал несколько залов и оказался в баре. Я был хорошо знаком с барменом. Сидя на высоком

---

[28] Примечания: 28
Супружеское ложе *(итал.).*

табурете, я заказал соленый миндаль, картофельные чипсы и мартини. Вино было прохладное и прозрачное.

— Что вы тут делаете в *Borghese*[29]? — спросил меня бармен, делая мне второй мартини.

— Я в отпуске. Поправляю здоровье.

— У нас совсем нет постояльцев. Не понимаю, почему они не закрывают отель.

— На рыбалку ходите?

— Поймал несколько красавцев. В это время года на блесну можно поймать таких красавцев!

— Вы получили табак, который я вам послал?

— Да. А вы мою открытку?

Я посмеялся. До меня перестал доходить американский трубочный табак, который ему нравился. То ли мои родственники перестали его посылать, то ли его перехватывали на границе. Так или иначе, я его не получал.

— Я что-нибудь для вас раздобуду, — пообещал я. — Скажите, вы видели в городе двух молодых англичанок? Они приехали позавчера.

— В этом отеле они точно не остановились.

— Они сестры милосердия.

— Я видел двух медсестер. Погодите, я узнаю,

---

[29] Примечания: 29
В штатском *(итал.).*

где они поселились.

— Одна из них моя жена, — сказал я. — Я за ней приехал.

— А вторая — моя жена.

— Я не шучу.

— Простите меня за эту глупую шутку, — сказал он. — Я вас не понял.

Он меня покинул и довольно долго отсутствовал. Я ел оливки, соленый миндаль и картофельные чипсы и разглядывал себя в штатском костюме в зеркале за стойкой. Наконец бармен вернулся.

— Они в маленькой гостинице возле вокзала, — сказал он.

— Как тут у вас насчет сандвичей?

— Я позвоню, чтобы их принесли. Вы же понимаете, нет клиентов — ничего нет.

— Что, совсем никаких клиентов?

— Так, считаные люди.

Принесли сандвичи, и я съел три штуки и выпил еще пару стаканов мартини. Ничего прохладнее и прозрачнее мне пить не доводилось. Я себя впервые почувствовал цивилизованным человеком. А то все красное вино, хлеб, сыр, граппа и плохой кофе. Я сидел на высоком табурете за стойкой красного дерева, среди сверкающей

меди и зеркал, и ни о чем не думал. Бармен задал мне вопрос.

— Не надо о войне, — попросил я.

Война была далеко. Может, и не было никакой войны. Здесь ее точно не было. Я понял, что для меня она закончилась. Но у меня не было ощущения, что она на самом деле закончилась. Скорее я походил на мальчишку, прогулявшего школу и пытающегося себе представить, что там сейчас происходит.

Кэтрин и Хелен Фергюсон ужинали, когда я приехал в гостиницу. Я увидел их за столиком еще из коридора. Кэтрин сидела ко мне спиной, и я видел только ее щеку, и копну волос, да еще чудесную шею и плечи. Фергюсон что-то говорила. Когда я вошел, она замолчала.

— О Боже, — выдохнула она.

— Привет, — сказал я.

— Это ты! — Лицо Кэтрин просветлело. Она от счастья не верила своим глазам. Я ее поцеловал, и она смутилась. Я присел.

— Ну вы даете, — сказала Фергюсон. — Что вы здесь делаете? Вы ужинали?

— Нет.

Подошла официантка, и я попросил ее принести для меня тарелку с приборами. Кэтрин не

спускала с меня сияющих глаз.

— Что это вы в муфтии?[30] — спросила Фергюсон.

— Я теперь в кабинете министров.

— Ну вы даете.

— Выше нос, Ферги. Хоть чуть-чуть порадуйтесь.

— Ваш вид меня не радует. Я знаю, в какую передрягу вы втянули эту девушку. Так что нечему тут радоваться.

Кэтрин мне улыбнулась и тронула меня ногой под столом.

— Ферги, никто меня ни в какую передрягу не втягивал. Я сама попадаю во всякие передряги.

— Видеть его не могу, — сказала Фергюсон. — Он жизнь тебе сломал с помощью своих итальянских штучек. Американцы еще хуже итальянцев.

— У шотландцев такая высокая мораль, — заметила Кэтрин.

— При чем тут это? Я о его итальянской изворотливости.

— Я изворотливый, Ферги?

— А то нет. Вы хуже, чем изворотливый. Вы змея. Змея в итальянской форме с башлыком.

---

[30] Примечания: 30
Муфтии — гражданское платье *(араб.).*

— Я же сейчас не в итальянской форме.

— Это еще один пример вашей изворотливости. Вы все лето развлекались и сделали этой девушке ребенка, а теперь наверняка собираетесь смыться.

Мы с Кэтрин обменялись улыбками.

— Мы смоемся вместе, — сказала она.

— Два сапога пара. Мне стыдно за тебя, Кэтрин Баркли. У тебя нет ни стыда, ни совести, и ты такая же изворотливая, как он.

— Ну, ну, Ферги. — Кэтрин погладила ее по руке. — Не надо меня осуждать. Ты же знаешь, что мы любим друг друга.

— Убери руку! — Фергюсон побагровела. — Если бы у тебя осталась хоть капля стыда, было бы другое дело. Ты бог знает на каком месяце, а тебе все шуточки, разулыбалась, твой греховодник приехал. У тебя нет ни стыда, ни совести.

Она расплакалась. Кэтрин обошла стол и, приобняв подругу, стала ее успокаивать. Признаться, никаких изменений в фигуре я не заметил.

— Мне все равно, — всхлипывала Фергюсон. — По-моему, это ужасно.

— Ну, ну, Ферги, — успокаивала ее Кэтрин. — Мне станет стыдно. Не плачь, Ферги. Не плачь, старушка.

— Я не плачу. — Всхлипывания продолжались. — Если я и плачу, то только из-за передряги, в которой ты оказалась. — Она посмотрела на меня. — Я вас ненавижу. И с этим ей ничего не поделать. Грязный, изворотливый американский итальяшка. — Глаза и нос у нее стали красными.

Кэтрин мне улыбнулась.

— И не смей ему улыбаться, пока ты меня обнимаешь!

— Такая неразумная девочка.

— Сама знаю, — всхлипывала Фергюсон. — Не обращайте на меня внимания. Это все нервы. Да, я неразумная. Знаю. Я хочу, чтобы вы оба были счастливы.

— Мы счастливы, — сказала Кэтрин. — Ферги, ты такая лапушка.

Слезы не утихали.

— Не такого счастья я вам желаю. Почему вы не поженитесь? У вас точно нет жены?

— Нет, — подтвердил я.

Кэтрин засмеялась.

— Ничего смешного. У них у всех есть жены.

— Ферги, ради тебя мы поженимся, — сказала Кэтрин.

— Не ради меня. Ты должна этого желать.

— Мы были слишком заняты.

— Ага. Вы были слишком заняты произведением потомства. — Сейчас, подумал я, опять заплачет, но она решила обидеться. — Небось к нему уйдешь сегодня на всю ночь?

— Уйду. Если он меня позовет.

— А как же я?

— Ты боишься быть одна?

— Да, боюсь.

— Тогда я останусь.

— Нет, уходи с ним. Вот прямо сейчас и уходите. Устала я от вас обоих.

— Мы еще не поужинали.

— Говорю тебе, уходи.

— Ферги, будь же разумной.

— Повторяю, уходи. Уходите оба.

— Пойдем, — сказал я. Эта Ферги меня уже достала.

— Вам скорей бы уйти. И оставить меня одну за столом. Я всегда мечтала поехать на итальянские озера, и вот что получилось. О, о… — Давясь рыданиями, она посмотрела на Кэтрин, и у нее перехватило горло.

— Сначала мы поужинаем, — сказала Кэтрин. — И я не уйду, если ты хочешь, чтобы я осталась. Ферги, я тебя одну не оставлю.

— Нет, нет. Иди, я так хочу, я так хочу. — Она

вытерла глаза. — Я совершенно неразумная. Не обращайте на меня внимания.

Официантку все эти слезы явно удручали. Поэтому, принеся очередное блюдо и увидев, что ситуация выправилась, она явно вздохнула с облегчением.

Мы провели в отеле ночь в нашей комнате, за которой была длинная пустая прихожая, а за дверью наша обувь, пол в комнате покрывал толстый ковер, за окном шел дождь, а здесь было светло, уютно и весело, а когда мы погасили свет, пришло чудное время тонких простыней и удобной кровати и ощущения, что мы дома и больше не одиноки, среди ночи просыпаешься, а рядом родная душа, никуда не делась, остальное же казалось нереальным. Обессилев, мы засыпали, а когда просыпался один, просыпался и другой, так что никто не чувствовал себя одиноким. Часто мужчина желает побыть один, и женщина желает побыть одна, и если они друг друга любят, то это может стать причиной ревности, но у нас, скажу честно, такого не бывало. Мы могли испытывать одиночество вдвоем, но только по отношению к остальному миру. Со мной это было впервые. В компании многих девушек мне доводилось испытывать одиночество, а это особенно

острое чувство. Но нам друг с другом никогда не было одиноко или страшно. Я знаю, что ночью все не так, как днем, они совсем разные, и то, что происходит ночью, невозможно объяснить днем, так как там ничего этого нет, а для одиноких людей в период обострения этого чувства ночь может стать настоящим кошмаром. Но с Кэтрин эта разница практически не ощущалась, разве что ночь была особенно хороша. Человека, который приносит в этот мир столько отваги, мир убивает, поскольку не может его сломать. Мир ломает всех подряд, но многие после этого делаются на изломе только крепче. И тогда тех, кто не сломался, мир убивает. Он безжалостно убивает самых лучших, самых нежных, самых отважных. Даже если вы не из их числа, вас он тоже убьет, можете не сомневаться, только без особой спешки.

Помню, как я проснулся утром. Кэтрин еще спала, комнату заливал солнечный свет. Дождь прекратился. Я встал с кровати и подошел к окну. Сверху открывался вид на парк, совершенно голый, но великолепный в своей ландшафтной разметке: гравийные дорожки, деревья, каменный парапет у озера и само озеро, освещенное солнцем, а за ним горы. Я смотрел в окно, а когда

повернулся, то увидел, что Кэтрин не спит и наблюдает за мной.

— Привет, милый, — сказала она. — Правда чудный денек?

— Как ты себя чувствуешь?

— Я чувствую себя отлично. У нас была чудесная ночь.

— Ты проголодалась?

Она проголодалась, я тоже, и мы позавтракали в постели. Ноябрьское солнце заливало комнату, а поднос с едой я держал на коленях.

— Почему ты не попросил газету? В госпитале ты всегда просил газету к завтраку.

— Не хочу никаких газет, — сказал я.

— Неужели все было так плохо, что ты даже не хочешь про это читать?

— Я не хочу про это читать.

— Жаль, меня не было рядом, а то бы я тоже все знала про это.

— Я тебе расскажу, если когда-нибудь сумею в этом разобраться.

— Но ведь тебя могут арестовать за то, что ты не в военной форме?

— Даже расстрелять.

— Тогда нам нельзя здесь оставаться. Мы уедем из страны.

— Я уже думал на эту тему.

— Мы уедем. Милый, ты не должен так глупо рисковать. Расскажи, как ты добрался из Местре до Милана?

— На поезде. Тогда я еще носил форму.

— Но ведь ты подвергал себя опасности?

— Не особенно. У меня был старый литер. Я просто исправил в нем число.

— Милый, тебя могут арестовать в любую минуту. Я этого не допущу. Глупо так рисковать. Что будет с нами, если тебя уведут?

— Давай не думать об этом. Я уже устал об этом думать.

— Что ты сделаешь, если за тобой придут?

— Перестреляю.

— Не говори глупости. Ты будешь сидеть в этом отеле, пока мы отсюда не уедем.

— И куда же мы уедем?

— Не надо так, милый. Мы уедем, куда ты скажешь. Но ты уж поскорее реши куда.

— На той стороне озера Швейцария. Мы можем отправиться туда.

— Вот и прекрасно.

За окном начали сгущаться тучи, над озером потемнело.

— Почему мы должны всегда жить, как пре-

ступники? — сказал я.

— Милый, не надо так. Если ты им и стал, то совсем недавно. И мы никогда не жили, как преступники. Все у нас будет хорошо.

— Я чувствую себя преступником. Я дезертировал.

— Милый, будь благоразумным, прошу тебя. Какое дезертирство? Это ведь итальянская армия.

Я рассмеялся:

— Ты чудо. Давай еще поваляемся. Мне хорошо в постели.

Позже Кэтрин спросила меня:

— Ты уже не чувствуешь себя преступником?

— Нет, — ответил я. — С тобой — нет.

— Ты такой глупыш, — сказала она. — За тобой нужен глаз да глаз. Правда здорово, милый, что меня по утрам не тошнит?

— Просто отлично.

— Ты не ценишь, какая у тебя хорошая жена. Ну и ладно. Я увезу тебя туда, где тебя никто не арестует, и мы будем чудесно проводить время.

— Поедем прямо сейчас.

— Да, милый. Я с тобой поеду, куда захочешь, в любое время.

— Давай ни о чем не думать.

— Хорошо.

Глава тридцать пятая

Кэтрин отправилась по берегу озера в маленькую гостиницу к Фергюсон, а я сел в баре почитать газеты. Там были удобные кожаные кресла, вот в одно из таких я уселся и читал, пока не вошел бармен. Наши войска не стояли в Тальяменто. Они отступали к Пьяве. Я помнил реку Пьяве. Возле Сан-Доны ее пересекала железная дорога, ведущая к фронту. Река была глубокая и довольно узкая, с медленным течением. Южнее были болота с москитами и каналы. Еще мне запомнились чудесные виллы. Однажды, еще до войны, по дороге в Кортина-д'Ампеццо я несколько часов отмахал по холмам вдоль берега реки. Сверху она больше напоминала быстрый горный поток, где водится форель, с мелководьями и запрудами в тени скал. Возле Кадоре дорога сворачивала. Интересно, подумал я, как армия будет оттуда спускаться. Тут как раз вошел бармен.

— Граф Греффи спрашивал про вас, — сказал он.

— Кто?

— Греффи. Помните, старик, который тут был, когда вы у нас в прошлый раз останавливались?

— Он здесь?

— Да, вместе с племянницей. Я ему сказал, что вы приехали. Он хочет сыграть с вами в бильярд.

— И где он сейчас?

— Пошел прогуляться.

— И как он?

— Еще помолодел. Вчера перед ужином выпил три коктейля с шампанским.

— А играет как?

— Здорово. Меня он разделал. Он очень обрадовался, узнав, что вы здесь. Ему тут не с кем играть.

Графу было девяносто четыре года. Современник Меттерниха, седой, усатый, с прекрасными манерами. Он поработал на дипломатической службе двух стран, Австрии и Италии, а вечеринки, которые он закатывал по случаю своего очередного дня рождения, превращались в событие миланского высшего света. Он собирался дожить до ста, и его кий летал над столом, что никак не вязалось с тщедушным на вид стариком столь преклонных лет. Мы познакомились, когда я первый раз был в Стрезе во внесезонье, и играли в бильярд под шампанское. Этот обычай меня тогда сильно порадовал. Граф дал мне пятнадцать очков форы из ста и выиграл.

— Почему вы мне раньше не сказали, что он здесь?

— Забыл.

— А еще кто, кроме него?

— Вы их не знаете. Всего-то шесть человек.

— Вы сейчас заняты?

— Да нет.

— Почему бы нам не порыбачить?

— Я могу на часок выбраться.

— Давайте. Захватите леску с блесной.

Бармен надел куртку, и мы отправились. В лодке я сел на весла, а он устроился на корме и закинул спиннинг с тяжелым грузилом в расчете на форель. Мы шли вдоль берега, и, держа леску в руке, он ее время от времени подергивал. Со стороны озера Стреза казалась обезлюдевшей. Длинные ряды голых деревьев, большие отели, закрытые виллы. Я догреб до Изола-Белла, под самые скалы, где вода резко темнела, и в ней отчетливо было видно, как каменная гряда сначала уходит вниз под уклон, а затем повернул вдоль береговой линии к рыбачьему острову. Солнце скрылось за тучей, и вода сразу потемнела; поверхность была ровной, а сама вода очень холодной. Рыба ни разу не клюнула, хотя мы видели круги на воде, когда кто-то поднимался.

Я подгреб к рыбачьему острову, где стояли пришвартованные лодки и чинили сети рыбаки.

— Не выпить ли нам?

— Давайте.

Я завел лодку на стапель каменного пирса, а бармен вытащил леску и намотал ее на днище, а спиннинг закрепил на планшире. Я сошел на пирс и привязал лодку. Мы зашли в маленькое кафе, сели за голый деревянный стол и заказали вермут.

— Устали? — спросил он меня.

— Да нет.

— Обратно погребу я.

— Я люблю сидеть на веслах.

— Подергайте леску вы, может, это принесет нам удачу.

— Ладно.

— Расскажите, как идет война.

— Скверно.

— Меня не заберут. Я почти так же стар, как граф Греффи.

— Может, еще заберут.

— В следующем году начнут забирать призывников моего возраста. Но я не пойду.

— А что вы сделаете?

— Уеду из страны. На войну я не пойду. Я уже

повоевал в Абиссинии. С меня хватит. А вы зачем пошли?

— Не знаю. Дурак был.

— Еще вермута?

— Валяйте.

Обратно греб бармен. Мы порыбачили за Стрезой, а затем южнее, недалеко от берега. Я держал натянутую леску, чувствуя слабое пульсирование вращающегося спиннера и поглядывая то на темную ноябрьскую воду, то на безлюдный берег. Бармен делал длинные гребки, и каждый раз, когда лодка ускорялась, леска натягивалась. Однажды у меня клюнуло: леска вдруг натянулась как струна, потом дернулась. Я потянул на себя и почувствовал живой вес форели, но затем леска снова дернулась. Рыба ушла.

— Большая была?

— Приличная.

— Как-то я ловил на блесну, зажимая леску зубами, и рыбина чуть не вырвала у меня челюсть.

— Лучше всего намотать на ногу, — сказал я. — Тогда все чувствуешь, и зубы целы.

Я опустил руку в воду. Какая же холодная. Мы были почти напротив нашего отеля.

— Мне пора, — сказал бармен. — Я должен вер-

нуться к одиннадцати. L'heure du cocktail[31].

— Как скажете.

Я выбрал леску и намотал ее на палку с зарубками на концах. Бармен подгреб к кнехту на каменном причале и закрепил лодку с помощью цепи и замка.

— Можете ее брать в любое время, — сказал он. — Я вам дам ключ.

— Спасибо.

Мы поднялись в отель и дошли до бара. У меня не было желания снова пить в такую рань, поэтому я поднялся наверх. В нашем номере коридорная как раз закончила уборку, а Кэтрин еще не вернулась. Я прилег на кровать и старался ни о чем не думать.

Потом пришла Кэтрин, и все встало на свои места. Внизу нас дожидалась Фергюсон. Она пришла на ленч.

— Ты ведь не против? — спросила Кэтрин.

— Нет, — ответил я.

— Милый, что-то случилось?

— Сам не знаю.

— Я знаю. У тебя ничего не осталось. Только я, а я взяла и ушла.

---

[31] Примечания: 31
Час коктейлей *(фр.)*.

— Точно.

— Прости, милый. Я понимаю, как это ужасно — когда вдруг у тебя ничего не остается.

— Моя жизнь всегда была чем-то заполнена, — сказал я. — А теперь, если тебя нет рядом, у меня больше ничего нет.

— Но ведь я буду с тобой. Я ушла всего на пару часов. Неужели ты не мог себя ничем занять?

— Я поехал с барменом на рыбалку.

— Ты получил удовольствие?

— Да.

— Не думай обо мне, когда меня нет рядом.

— Так я поступал на фронте. Но тогда мне было что делать.

— Отелло, оставшийся без войска, — подразнила она меня.

— Отелло был мавром, — сказал я. — К тому же я не ревнив. Просто я так тебя люблю, что все остальное не существует.

— Обещаешь быть пай-мальчиком и быть обходительным с Фергюсон?

— Я с ней всегда обходителен, если она меня не костерит.

— Будь с ней обходительным. Сам подумай, у нас столько всего, а у нее ничего нет.

— Не думаю, что ей нужно то, что есть у нас.

— Такой умный мальчик и так мало понимает.
— Я буду с ней обходителен.
— Не сомневаюсь. Ты ведь такой милый.
— Она же не останется после ленча?
— Нет. Я от нее избавлюсь.
— И мы придем сюда?
— Конечно. А чего, по-твоему, я хочу?

Мы спустились вниз. На Фергюсон огромное впечатление произвел отель и великолепие ресторана. Хороший ленч мы сопроводили двумя бутылками белого капри. Граф, войдя в ресторан, отвесил нам поклон. С ним была племянница, чем-то напомнившая мне мою бабушку. Я рассказал про него девушкам, и Фергюсон мой рассказ изрядно впечатлил. Несмотря на то что роскошный отель был практически пустой, кормили нас хорошо, вино было отличное, и после двух бутылок все пребывали в прекрасном расположении духа. Кэтрин не надо было ничего другого. Она выглядела счастливой. Фергюсон развеселилась. И мне было хорошо. После ленча Фергюсон ушла в свою гостиницу. Сказала, что хочет прилечь после такого застолья.

Под вечер к нам в номер постучали.

— Кто там? — спросил я.

— Граф Греффи спрашивает, не сыграете ли вы

с ним в бильярд.

Я достал наручные часы, положенные под подушку.

— Милый, ты хочешь пойти? — прошептала Кэтрин.

— Да надо бы. — Часы показывали четверть пятого. Я крикнул посыльному: — Скажите графу, что в пять часов я буду в бильярдной.

Без четверти пять я поцеловал Кэтрин и пошел в ванную комнату одеться. Завязывая галстук, я поглядел в зеркало и показался себе странным в гражданской одежде. Я подумал, что надо бы еще прикупить рубашек и носков.

— Ты надолго уходишь? — спросила Кэтрин. Она лежала такая красивая. — Не подашь мне щетку?

Я наблюдал за тем, как она расчесывает волосы, наклонив голову так, чтобы они падали с одной стороны. За окном было темно, а свет от лампы над изголовьем играл на ее волосах, шее и плечах. Я подошел и поцеловал ее, держа за руку, в которой была щетка, а ее голова откинулась на подушку. Я целовал ее шею и плечи. От избытка любви у меня кружилась голова.

— Я не хочу уходить.

— И я не хочу, чтобы ты уходил.

— Тогда я не уйду.

— Нет. Иди. Это же ненадолго, ты скоро вернешься.

— Мы поужинаем здесь.

— Иди же и возвращайся.

Я застал графа в бильярдной. Он отрабатывал удары и выглядел таким тщедушным при свете лампы над столом. Чуть поодаль, на ломберном столике, стояло серебряное ведерко со льдом, из которого торчали горлышки двух неоткупоренных бутылок шампанского. Увидев меня, Греффи разогнулся и пошел мне навстречу с протянутой рукой.

— Я так рад, что вы здесь. Вы любезно согласились со мной сыграть.

— Вы любезно меня пригласили.

— Как ваше здоровье? Я слышал, что вы получили ранение при Изонцо. Надеюсь, вы полностью оправились.

— Вполне. А вы здоровы?

— О, я всегда здоров. Но старею. Я стал замечать признаки старости.

— Не может быть.

— Да. Назвать вам один? Мне легче говорить по-итальянски. Я стараюсь себя дисциплинировать, но стоит мне устать, как я перехожу на

итальянский. И я понимаю, что старею.

— Мы можем говорить по-итальянски. Я тоже немного уставший.

— Но если вы устали, то вам будет легче говорить по-английски.

— По-американски.

— Да. По-американски. Пожалуйста, говорите по-американски. Роскошный язык.

— Я практически не встречаю американцев.

— Вы, вероятно, по ним скучаете. Человек скучает по соотечественникам и особенно соотечественницам. Знаю по собственному опыту. Сыграем, или вы слишком устали?

— Не так уж я устал. Я скорее пошутил. Какой гандикап вы мне дадите?

— Вы много играли в последнее время?

— Вообще не играл.

— Вы хорошо играете. Десять очков из ста?

— Вы мне льстите.

— Пятнадцать?

— Хорошо, но вы у меня выиграете.

— Играем на деньги? Вы же предпочитаете играть на деньги?

— Пожалуй.

— Хорошо. Я вам дам восемнадцать очков форы, а играем по франку за очко.

Он показал классную игру, и даже с гандикапом, когда он набрал полсотни, я опережал его всего на четыре очка. Греффи нажал кнопку звонка и вызвал бармена.

— Будьте так добры, откройте одну бутылку, — попросил он. И обратился ко мне: — Небольшой стимул нам не повредит.

Это было ледяное, хорошее сухое шампанское.

— Перейдем на итальянский, не возражаете? Это моя слабость в последнее время.

Мы продолжили, делая пару глотков между ударами и изредка обмениваясь репликами на итальянском, так как были сосредоточены на игре. Когда Греффи выбил сотое очко, у меня с гандинапом было девяносто четыре. Он с улыбкой похлопал меня по плечу.

— Сейчас мы разопьем вторую бутылку, и вы мне расскажете о войне. — Он подождал, когда я сяду.

— Лучше о чем-нибудь другом, — сказал я.

— Об этом не хотите? Хорошо. Вы читаете что-нибудь?

— Ничего. Боюсь, вам со мной неинтересно.

— Неправда. Но читать надо непременно.

— А что вышло, пока идет война?

— Вышел «Le feu»[32] француза Барбюса. И еще «Мистер Бритлинг видит всех насквозь».

— Ничего подобного.

— Вы о чем?

— Он не видит всех насквозь. Эти книжки были в госпитале.

— Значит, вы все-таки читали?

— Да, но ничего стоящего.

— «Мистер Бритлинг» показался мне очень хорошим исследованием английской души, если говорить о среднем классе.

— Я ничего не знаю о душе.

— Бедняжка. Никто из нас ничего не знает о душе. Вы croyant?[33]

— По ночам.

Греффи улыбнулся и повертел бокал в руке.

— Я ожидал, что сделаюсь более набожным с годами, но почему-то этого не случилось, — сказал он. — А жаль.

— Вы бы хотели жить после смерти? — спросил я и тут же обозвал себя идиотом за неуместное слово. Но оно его не покоробило.

— Смотря как ты живешь. Мне моя жизнь очень

---

[32] Примечания: 32
«Огонь» *(фр.).*

[33] Примечания: 33
Верующий *(фр.).*

даже нравится. Я бы хотел жить вечно. — Он улыбнулся. — Все идет к тому.

Мы сидели в глубоких кожаных креслах, а между нами стояли ведерко с шампанским и бокалы.

— Если вы доживете до старости, вам многие вещи покажутся странными.

— Вы мне не кажетесь стариком.

— Стареет тело. Иногда я боюсь, что у меня сломается пополам палец, как ломается ветка или кусок мела. А дух не стареет и не мудреет.

— Вы мудрый.

— Мудрость стариков — это великое заблуждение. Мы не становимся мудрее. Мы становимся осторожнее.

— Может, в этом и есть мудрость.

— Весьма непривлекательная мудрость. Что для вас самая большая ценность?

— Любимая женщина.

— Для меня тоже. Это не вопрос мудрости. Вы цените жизнь?

— Да.

— Я тоже. Ведь это все, что у меня есть. Не считая вечеринок по поводу дня рождения, — засмеялся он. — Вы, пожалуй, будете мудрее меня. Вы не закатываете вечеринки.

Мы попивали вино.

— Что вы думаете о войне? — спросил я.

— Думаю, что это глупость.

— Кто ее выиграет?

— Италия.

— Почему?

— Как более молодая нация.

— Что, все молодые нации выигрывают войны?

— На определенном отрезке времени.

— А потом?

— Они делаются старыми.

— И вы не считаете себя мудрым?

— Мой дорогой мальчик, это не мудрость. Это цинизм.

— По мне, так очень мудро.

— Не особенно. Я бы мог вам привести обратные примеры. Но, вообще, не так плохо. Мы допили шампанское?

— Почти.

— Может, нам пойти и еще выпить? Тогда я должен переодеться.

— Пожалуй, в другой раз.

— Вы уверены, что больше не хотите?

— Да. — Я поднялся.

— Надеюсь, вам будет сопутствовать большая удача, и вы будете очень счастливы и отменно

здоровы.

— Спасибо. А я надеюсь, что вы будете жить вечно.

— Благодарю вас. Пока живу. Если вы когда-нибудь станете набожным, а я к тому времени умру, помолитесь обо мне. Об этом я уже попросил нескольких своих друзей. Я ожидал, что сделаюсь более набожным, но этого не случилось.

Мне показалось, что он печально улыбнулся, но не поручусь. Он был так стар, а лицо в таких морщинах, что все градации улыбки в них терялись.

— Я могу стать страшно набожным, — сказал я. — В любом случае я буду молиться за вас.

— Я ожидал, что сделаюсь набожным. Все мои домашние умерли очень набожными. Но в моем случае этого не случилось.

— Вам еще слишком рано об этом говорить.

— Или слишком поздно. Возможно, я пережил свои религиозные чувства.

— А я их испытываю только ночью.

— Так вы же влюблены. Это религиозное чувство, не забывайте.

— Вы так думаете?

— Конечно. — Он подошел к бильярдному столу. — Вы были так любезны, что согласились сыграть со мной.

— Я получил большое удовольствие.
— Поднимемся наверх.

Глава тридцать шестая

Ночью разразилась гроза, и я проснулся оттого, что дождь барабанил в стекла. Окно было открыто, и нас заливало. Кто-то постучал. Я тихо подошел к двери, чтобы не разбудить Кэтрин, и открыл. На пороге стоял бармен в плаще, держа в руках мокрую шляпу.

— Можно к вам на пару слов, лейтенант?

— Что случилось?

— Дело серьезное.

Я окинул взглядом темную комнату и увидел под окном лужу.

— Заходите, — сказал я. Взял его за руку, завел в ванную, запер дверь, зажег свет и сел на край ванны.

— Что случилось, Эмилио? У вас неприятности?

— Нет. Неприятности у вас, лейтенант.

— Да?

— Утром вас арестуют.

— Вот как?

— Я был в городе и услышал разговор в кафе.

— Понятно.

Он стоял в мокром плаще, с мокрой шляпой в

руках и молчал.

— За что меня арестуют?

— Что-то связанное с войной.

— Что именно, знаете?

— Нет. Но им известно, что раньше вы были здесь как офицер, а сейчас вы в штатском. После отступления арестовывают всех подряд.

Я немного подумал.

— Когда за мной придут?

— Утром. Точного времени я не знаю.

— Что вы мне посоветуете?

Он положил шляпу в раковину. Она была такая мокрая, что вода стекала на пол.

— Если вы не боитесь ареста, тогда ладно. Но арест — штука опасная, особенно сейчас.

— Я не хочу, чтобы меня арестовали.

— Тогда уезжайте в Швейцарию.

— Как?

— На моей лодке.

— В грозу?

— Гроза закончилась. Озеро неспокойное, но вы справитесь.

— Когда нам надо уезжать?

— Прямо сейчас. За вами могут прийти рано утром.

— А как быть с вещами?

— Упакуйте. Сумки я заберу. А дама пускай оденется.

— Где вы будете ждать?

— Я подожду здесь. Меня не должны видеть в коридоре.

Я вышел из ванной, закрыл за собой дверь и заглянул в спальню. Кэтрин не спала.

— Что случилось, милый?

— Все хорошо, Кэт, — сказал я. — Ты бы хотела быстренько одеться и отправиться на лодке в Швейцарию?

— А ты?

— Нет. Я бы предпочел снова лечь в постель.

— А в чем дело?

— Бармен говорит, что утром меня арестуют.

— Он сошел с ума?

— Нет.

— Тогда, милый, скорее одевайся и поедем. — Еще сонная, она спустила ноги с кровати. — Это он там, в ванной?

— Да.

— Тогда я не буду умываться. Пожалуйста, отвернись, милый, я быстренько оденусь.

Я успел увидеть ее белую спину, когда она снимала ночнушку, прежде чем отвернуться, как меня просили. Она немного раздалась из-за

ребенка и не хотела, чтобы я ее такой видел. Я оделся под дробь дождя по стеклу. Мне почти нечего было складывать.

— Если тебе надо куда-то положить вещи, Кэт, то моя сумка полупустая.

— Я уже почти все сложила, — сказала она. — Милый, извини за глупый вопрос, но почему бармен в нашей ванной?

— Ш-ш-ш. Он отнесет вниз наши сумки.

— Как это мило.

— Он мой старый друг, — сказал я. — Однажды я чуть не послал ему трубочный табак.

Я выглянул в открытое окно. Озера не было видно, только непроглядная ночь с дождем. А вот ветер стих.

— Я готова, милый, — сказала Кэтрин.

— Хорошо. — Я открыл дверь в ванную. — Вот сумки, Эмилио.

Он забрал у меня обе сумки.

— Большое вам спасибо за помощь, — сказала Кэтрин.

— Не за что, мадам, — ответил бармен. — Я рад вам помочь, только бы самому не подставиться. Послушайте, — обратился он ко мне. — Я спущусь по черной лестнице и отнесу вещи в лодку. А вы держитесь так, будто идете прогуляться.

— Чудная ночь для прогулок, — сказала Кэтрин.

— Ночка та еще.

— Хорошо, что у меня есть зонтик, — сказала она.

Мы с ней прошли по коридору и спустились по широкой лестнице с толстым ковром. Портье сидел за своей конторкой. Увидев нас, он удивился.

— Вы на улицу, сэр?

— Да, — ответил я. — Мы хотим посмотреть на озеро в грозу.

— Вы без зонта, сэр?

— Ничего. Это непромокаемый плащ.

Он с сомнением взирал на нас.

— Я принесу вам зонт, сэр. — С этими словами он ушел и вернулся с огромным зонтом. — Он немного большой, — извинился портье. Я протянул ему бумажку в десять лир. — О, вы так добры, сэр. Благодарю вас.

Портье подержал дверь, пока мы не вышли под дождь. Он улыбнулся Кэтрин, и та ответила ему улыбкой.

— Вы очень недолго в грозу, можно промокнуть, сэр и мадам. — Это был второй портье, и его английский оставлял желать лучшего.

— Мы скоро вернемся, — пообещал я.

Под огромным зонтом мы прошли по дорожке, потом через темный, насквозь вымокший парк, пересекли дорогу и по огороженной шпалерами тропе направились вдоль озера. Теперь ветер дул с берега. Это был холодный промозглый ноябрьский ветер, и я не сомневался, что в горах сейчас идет снег. Вот и причал. Мы шагали мимо лодок, привязанных цепями к кнехтам. Рядом с каменным причалом вода казалась черной. Бармен вышел к нам из-под деревьев.

— Ваши сумки в лодке, — сообщил он нам.

— Я хочу за нее заплатить, — сказал я.

— Сколько у вас денег?

— Не очень много.

— Потом пришлете. Я подожду.

— Сколько вы хотите?

— На ваше усмотрение.

— Скажите, сколько?

— Если благополучно доберетесь, пошлите пятьсот франков. Вас это не напряжет, если вы доберетесь.

— Договорились.

— Здесь бутерброды. — Он вручил мне пакет. — Все, что было в баре. А это коньяк и вино.

Я все это засунул в наплечную сумку.

— Позвольте, я вам хоть за это заплачу.

— Ладно, дайте мне пятьдесят лир.

Я дал ему деньги.

— Коньяк что надо, — сказал он. — Можете смело угостить им вашу даму. Ей лучше сесть первой.

Он придержал лодку, которую подбрасывали волны, накатывавшие на каменный причал, а я помог Кэтрин забраться внутрь. Она села на корме и завернулась в плащ.

— Куда плыть, знаете?

— Через озеро.

— Как далеко?

— Мимо Луино.

— Мимо Луино, Каннеро, Каннобио, Транцано. Когда доберетесь до Бриссаго, считайте, что вы в Швейцарии. Но сначала надо миновать Монте-Тамаро.

— Сколько времени? — спросила Кэтрин.

— Всего одиннадцать вечера, — ответил я.

— Если будете грести без остановки, к семи утра должны быть там.

— Так далеко?

— Тридцать пять километров.

— А мы не собьемся с курса? В такой дождь нам нужен компас.

— Не нужен. Плывите до Изола-Белла. А когда

обогнете Изола-Мадре, идите по ветру. Он вас сам принесет в Палланцу. Вы увидите огни. Дальше идите вдоль берега.

— А если ветер переменится?

— Нет, — сказал он. — Это на три дня. Он дует от горы Моттароне. В лодке есть посудина, чтобы вычерпывать воду.

— Давайте я хоть частично заплачу за лодку.

— Нет, я хочу рискнуть. Доберетесь — тогда и заплатите.

— Ладно.

— Надеюсь, вы не пойдете ко дну.

— Хорошо бы.

— Плывите по ветру.

— Ладно.

Я залез в лодку.

— Вы деньги за проживание оставили?

— Да. В конверте на столе.

— Отлично. Удачи вам, лейтенант.

— И вам того же. Спасибо за все.

— Вряд ли вы будете мне благодарны, если пойдете ко дну.

— Что он говорит? — спросила Кэтрин.

— Желает нам удачи.

— Вам тоже удачи, — сказала она. — Большое вам спасибо.

— Вы готовы?

— Да.

Он наклонился и оттолкнул лодку. Я сделал несколько гребков и затем помахал ему одной рукой. Он ответил предостерегающим жестом. Я налегал на весла, провожая глазами огни отеля, пока они совсем не скрылись. Мы оказались в самом настоящем бушующем море, но по крайней мере в спину дул попутный ветер.

Глава тридцать седьмая

Я греб в темноте так, чтобы ветер дул мне в лицо. Дождь прекратился и лишь иногда напоминал о себе короткими ливнями. Тьма была кромешная, ветер холодный. Я еще мог разглядеть силуэт Кэтрин на корме, но хлюпающую воду не видел. Длинные весла то и дело выскакивали из уключин, так как у них не было кожаных креплений. Я загребал, подавался вперед, отводил весла и погружал их в воду, чтобы сделать новый гребок, и все это, по возможности, без лишнего напряжения. Разворачивать весла плашмя не имело смысла, поскольку ветер был попутный. Я знал, что дело кончится волдырями, и старался оттянуть эту перспективу. Лодка была не тяжелая и легко рассекала темную воду. Я ничего не видел, и оставалось только надеяться на то, что вскоре мы доберемся до Палланцы.

Но Палланцы мы так и не увидели. Ветер отогнял лодку от берега, и в темноте мы проскочили мыс, за которым была Палланца, не разглядев никаких огней. Они выплыли гораздо позже, но это уже была Интра. Долгое время мы не видели ни огней, ни берега, а просто шли своим ходом в

темноте, отдаваясь волнам. Порой волна подкидывала лодку, и я загребал воздух. Волнение на озере было нешуточное, но я делал свое дело, пока мы вдруг не оказались вблизи от берега, рядом со скалой, о которую разбивались высокие волны. Я налег на правое весло и затабанил левым, мы благополучно ушли от греха подальше, и скала скрылась из виду.

— Мы пересекли озеро, — сказал я Кэтрин.

— А где же Палланца?

— Мы ее проскочили.

— Как ты себя чувствуешь, милый?

— Я в порядке.

— Хочешь, я погребу немного?

— Все хорошо.

— Бедная Фергюсон, — вздохнула Кэтрин. — Утром она придет в отель, а нас нет.

— Меня сейчас больше волнует, успеем ли мы войти в швейцарские воды до рассвета, чтобы не попасться на глаза береговой охране.

— А нам еще далеко?

— Километров тридцать.

Я греб всю ночь. Ладони я так ободрал, что с трудом мог сжимать ручки весел. Нас несколько раз волной едва не вышвырнуло на сушу. Я старался держаться поближе к берегу из опасения

заблудиться и потерять время. Иногда мы подходили так близко, что можно было разглядеть в темноте ряды деревьев, и дорогу вдоль береговой линии, и даже горы вдали. Дождь совсем прекратился, и ветер разогнал тучи, так что теперь луна освещала озеро, и, оглянувшись назад, я увидел вытянутый темный мыс Кастаньолы, и белые барашки на волнах, и высокие заснеженные вершины. Позже, когда луна снова скрылась за тучами, озеро во всей своей шири и горы пропали, но уже настолько посветлело, что стал явственно виден берег. Я отгреб подальше, чтобы береговая охрана, если таковая располагалась вдоль дороги из Палланцы, часом, не засекла нашу лодку. Потом луна снова выглянула, и мы увидели белые виллы на склонах горы и дорогу, белеющую за деревьями. Я не бросал весел.

Озеро расширилось, и на противоположной стороне, у подножия гор, я разглядел несколько огоньков — по всей видимости, Луино. Городок вклинился между гор, и я подумал, что это должен быть Луино. Если так, то мы взяли неплохой ход. Я сложил весла и растянулся на скамейке. Я очень, очень устал. Руки, плечи и спина разламывались, а ладони стерлись до крови.

— Я могу держать раскрытый зонт, — предло-

жила Кэтрин. — Он будет как парус.

— Ты рулить сможешь?

— Думаю, да.

— Тогда держи весло под мышкой, лопастью в воде, поближе к борту; ты будешь рулевым, а я займусь зонтом.

Я показал ей, как держать весло. А сам сел впереди, спиной к корме, и раскрыл огромный зонт, который мне дал портье. Он открылся со щелчком. Я держал его обеими руками, закрепив рукоять под скамейкой и широко расставив ноги. Зонт раздулся от ветра, и я почувствовал, как лодка рванула вперед. Я с трудом удерживал зонт двумя руками. Мы взяли отличный ход.

— Ух как понеслись, — сказала Кэтрин.

Я видел только спицы зонта. Он натягивался, тащил за собой и увлекал нас вперед. Я упирался ногами, держался, как мог, и тут вдруг раздался треск, и я получил спицей щелчок по лбу. Напрасно попытался я прижать зонт сверху, его вывернуло наизнанку, и от наполненного ветром паруса, под которым я сидел, широко расставив ноги, осталось не пойми что. Я отсоединил зонт от скамейки, положил на дно и пошел к Кэтрин за веслом. Она смеялась. Потом взяла меня за руку, продолжая смеяться.

— В чем дело? — Я забрал у нее весло.

— Ты был такой смешной с этой штуковиной.

— Да уж.

— Не сердись, милый. Правда очень смешно. Ты так расправил плечи и так нежно сжимал ручку зонта… — Она буквально давилась от смеха.

— Я сажусь на весла.

— Отдохни и выпей вина. У нас историческая ночь, вон сколько мы с тобой прошли.

— Теперь я должен держать лодку поперек волны.

— Я достану бутылку. Отдохни немного, милый.

Я сложил весла, так что мы пока дрейфовали. Кэтрин открыла сумку и подала мне бутылку коньяка. Я вытащил пробку с помощью складного ножа и сделал изрядный глоток. Коньяк был мягкий, обжигающий, по жилам побежало тепло, я почувствовал, что согреваюсь, и на душе стало веселее.

— Отличный коньяк, — сказал я. Луна снова скрылась за тучей, но берег было видно. Впереди показалась стрелка, далеко вдающаяся в озеро. — Ты не замерзла, Кэт?

— У меня все отлично. Только немного затекли ноги.

— Если вычерпать воду, ты сможешь их вытянуть.

Я снова греб, слушая скрип уключин и дребезжание ковша под задним сиденьем.

— Ковш мне не дашь? — попросил я. — Теперь у меня жажда.

— Он жутко грязный.

— Ничего, сполосну.

Кэтрин сделала это сама, опустив руку за борт, и протянула мне полный ковш воды. После коньяка меня одолела жажда. От ледяной воды ломило зубы. Я бросил взгляд на берег. Мы приближались к стрелке. Дальше, в бухте, виднелись огни.

— Спасибо. — Я вернул ей жестяной ковш.

— Всегда пожалуйста, — ответила Кэтрин. — Воды у нас предостаточно.

— Ты не хочешь что-нибудь съесть?

— Нет. Я еще не проголодалась. Оставим бутерброды на потом.

— Как скажешь.

То, что издалека смахивало на стрелку, на поверку оказалось вытянутым мысом. Я ушел на глубоководье, чтобы его обогнуть. Озеро существенно сузилось. Снова выглянула луна, и

guardia di finanza[34], если она сейчас вела наблюдение, могла заметить черную лодку на воде.

— Как ты, Кэт? — поинтересовался я.

— Все в порядке. Где мы сейчас?

— Я думаю, нам осталось около восьми миль, не больше.

— Сколько тебе еще грести, бедняжка. Ты, наверно, совсем обессилел?

— Да нет, все нормально. Ладони стер, а так ничего.

Мы продолжали плыть. Горы на правом берегу расступились, открылась равнинная полоса и пологий берег, где-то там, подумал я, должно быть Каннобио. Я старался уйти как можно дальше от берега, чтобы избежать риска встречи с гвардией. На противоположном берегу, далеко впереди, высилась куполообразная гора. Я устал. И оставалось вроде не так много, но когда ты теряешь форму, путешествию не видно конца. Я знал, что мне надо обогнуть эту гору и проплыть еще по меньшей мере пять миль, прежде чем мы окажемся в швейцарских водах. Луна не успела зайти за горизонт, как небо снова заволокли тучи, и стало совершенно темно. Какое-то время я греб

---

[34] Примечания: 34
Налоговая полиция *(итал.).*

посередине озера и время от времени, позволяя себе передышку, поднимал весла так, чтобы ветер бил в лопасти.

— Позволь, я погребу немного, — предложила Кэтрин.

— Думаю, тебе не стоит.

— Глупости. Мне это только на пользу. А то у меня все тело затекло.

— Правда, Кэт, не стоит.

— Глупости. Беременной даме умеренная гребля очень полезна.

— Хорошо, но только умеренно. Я перейду на корму, а потом ты сядешь на мое место. Когда встанешь, держись обеими руками за борта.

Сидя на корме в плаще с поднятым воротником, я наблюдал за Кэтрин. Она гребла очень хорошо, но с такими длинными веслами ей было трудно управляться. Я съел пару бутербродов и глотнул коньяку. Все как-то сразу расцвело новыми красками. Я глотнул еще.

— Скажи, когда устанешь, — попросил я ее. И после паузы: — Смотри, не заедь веслом себе в живот.

— Если заеду, это может сильно упростить жизнь, — сказала она между двумя гребками.

Я снова приложился к бутылке.

— Как ты?

— Нормально.

— Скажи, когда хватит.

— Ладно.

Сделав еще глоток, я взялся за борта и направился к Кэтрин.

— Нет, — сказала она. — Я отлично управляюсь.

— Возвращайся на корму. Я прекрасно отдохнул.

Какое-то время, разгоряченный, я греб легко и на хорошем ходу. Но потом стал слишком глубоко погружать весла, и мы уже шли ни шатко ни валко, а во рту я чувствовал привкус желчи из-за слишком большой нагрузки после выпитого.

— Ты мне не дашь глоток воды? — попросил я.

— Запросто, — ответила Кэтрин.

Перед рассветом заморосило. Ветер то ли успокоился, то ли нас теперь защищали горы на изгибе, которое делало озеро. Осознав, что скоро начнет светать, я успокоился и налег на весла. Я не понимал, где мы, и хотел только одного: оказаться в швейцарских водах. Рассвет застиг нас неподалеку от берега. Я видел скалы и деревья.

— Что это? — спросила Кэтрин.

Я бросил весла и прислушался. Не иначе как мо-

торка, покряхтывая, бороздила озеро. Я подгреб к берегу и затаился. Покряхтывание нарастало, и вскоре мы увидели сзади моторку. В ней сидели четверо налоговых гвардейцев в натянутых на уши альпийских шляпах, в плащах с поднятыми воротниками, с карабинами за спиной. В этот ранний час вид у них был заспанный. Я мог разглядеть желтые перья на шляпах и желтые нашивки на воротниках. Моторка с кряхтением прошествовала дальше и скрылась из виду под дождем.

Я ушел на глубоководье. А то, не ровен час, дождешься окрика от часового, прогуливающегося вдоль дороги. Так и держался подальше, не теряя берега из виду. Я греб еще три четверти часа под дождем. Еще раз мы услышали моторку, но я затаился, пока шум мотора не стих вдали.

— Кажется, мы в Швейцарии, Кэт, — сказал я.

— Правда?

— Точно поймем, когда увидим швейцарскую армию.

— Или швейцарский флот.

— Зря ты шутишь. Слышала моторную лодку? Вполне возможно, что она принадлежала швейцарскому флоту.

— Если мы в Швейцарии, давай устроим боль-

шой завтрак. У них чудесные булочки с маслом и джемом.

Окончательно рассвело, сеял мелкий дождичек. Ветер продолжал дуть в сторону озера, и можно было видеть, как от нас убегают белые барашки. Я уже не сомневался, что мы в Швейцарии. За деревьями просматривались домики, а вдалеке виднелась деревня с каменными домами, несколько вилл на холмах и церквушка. Я разглядывал тянущуюся вдоль берега дорогу на предмет караула, но пока никого не видел. Вдруг из прибрежного кафе вышел солдат в серо-зеленой форме и каске, в каких ходят немцы. У него было цветущее лицо и усы щеточкой. Он посмотрел на нас.

— Помаши ему, — сказал я Кэтрин. Она помахала, и солдат, смущенно улыбнувшись, помахал в ответ. Я сбавил темп. Мы проплывали мимо деревни.

— Судя по всему, мы в швейцарских водах, — сказал я.

— Мы должны в этом убедиться, милый. Не хватало, чтобы нас развернули на границе.

— Граница давно осталась позади. Похоже на таможенный городок. Я почти уверен, что это Бриссаго.

— А там не будет итальянцев? В таможенном городке всегда есть и те, и другие.

— Только не в военное время. Сомневаюсь, что итальянцам позволено пересекать границу.

Симпатичный городок. Много рыбацких шхун у причала, растянутые на стойках сети. Даже под ноябрьским дождиком городок выглядел веселым и чистым.

— Так что, пристанем к берегу и позавтракаем?

— Пожалуй.

Я налег на левое весло и стал разворачиваться, а потом выровнял лодку и пристал бортом к причалу. Сложив весла, я ухватился за железное кольцо и выбрался на мокрую каменную пристань. Я ступил на швейцарскую землю. Привязав лодку, я протянул руку Кэтрин:

— Вставай, Кэт. Классные чувства.

— А сумки?

— Оставим в лодке.

Кэтрин шагнула через борт, и теперь мы стояли в Швейцарии вдвоем.

— Какая чудесная страна, — сказала Кэт.

— Класс, да?

— Пойдем позавтракаем!

— Классная страна, да? Я это ощущаю подош-

вами.

— У меня все затекло, и я, кажется, ничего не ощущаю. Но с виду прекрасная страна. Милый, ты хоть понимаешь, что мы уже здесь, а не в проклятой Италии?

— Да. Только сейчас понял.

— Посмотри на эти дома. А какая чудная площадь! Вот где мы с тобой позавтракаем.

— А дождик разве не чудный? В Италии такого не бывает. Веселый дождик.

— И мы здесь, милый! Ты хоть понимаешь?

Мы зашли в кафе и сели за чистый деревянный столик. Мы оба были как пьяные. К нам подошла великолепная, одетая с иголочки женщина и спросила, чего бы нам хотелось.

— Булочки с джемом и кофе, — сказала Кэтрин.

— К сожалению, в военное время булочек у нас нет.

— Тогда хлеб.

— Я могу сделать вам гренки.

— Хорошо.

— Я бы еще попросил яичницу.

— Из скольких яиц желает господин?

— Из трех.

— Возьми из четырех, милый.

— Из четырех.

Женщина ушла. Я поцеловал Кэтрин и крепко сжал ей руку. Мы поглядели друг на друга, а затем осмотрелись вокруг.

— Ах, милый, правда здесь замечательно?

— Классно.

— Я не огорчена, что у них нет булочек, — сказала Кэтрин. — Хотя и думала о них всю ночь. Но я не огорчена. Совершенно.

— Я полагаю, нас скоро арестуют.

— Не думай об этом, милый. Сначала мы позавтракаем. А после завтрака тебе будет все равно. Что они могут сделать британской подданной и американскому гражданину на хорошем счету?

— У тебя ведь есть паспорт?

— Конечно. Ах, не будем об этом. Давай радоваться жизни.

— Я еще как радуюсь.

Комнату пересекла толстая серая кошка с хвостом трубой и стала, мурча, тереться об мою ногу. Я ее погладил. Кэтрин сияла.

— А вот и кофе, — сказала она.

После завтрака нас арестовали. Мы прошлись по городку и вышли к причалу, чтобы забрать сумки. Нашу лодку охранял солдат.

— Это ваша лодка?

— Да.

— Откуда вы приплыли?

— С того берега.

— Тогда я вас попрошу пройти со мной.

— А сумки?

— Сумки можете забрать.

Я нес сумки, Кэтрин шла рядом, а сзади шел солдат, препровождавший нас в старое здание таможни. Там нас допрашивал худощавый лейтенант с военной выправкой.

— Ваша национальность?

— Американец и англичанка.

— Позвольте взглянуть на ваши паспорта.

Я отдал ему мой паспорт, а Кэтрин достала из сумочки свой. Он их долго изучал.

— Почему вы въехали в Швейцарию на лодке?

— Я спортсмен. Гребля мой конек. Я сажусь за весла при каждом удобном случае.

— Зачем вы приплыли сюда?

— Ради зимних видов спорта. Мы туристы.

— Здесь нет зимних видов спорта.

— Мы знаем. Отсюда мы хотим добраться туда, где они есть.

— Чем вы занимались в Италии?

— Я изучал архитектуру, а моя кузина — искусство.

— Почему вы уехали?

— Чтобы заняться зимним видом спорта. Военные действия не способствуют изучению архитектуры.

— Пожалуйста, оставайтесь здесь, — сказал лейтенант и ушел с нашими паспортами.

— Милый, ты неподражаем, — сказала Кэтрин. — Продолжай в том же духе. Ты хочешь заняться зимним видом спорта.

— Ты знаешь что-нибудь об искусстве?

— Рубенс, — ответила она.

— Большой и толстый.

— Тициан.

— Златоволосый Тициан. Как насчет Мантеньи?

— Не задавай мне трудных вопросов, — сказала она. — Хотя его я знаю… в его картинах много горечи.

— Да, — согласился я. — Сплошные распятые.

— Видишь, я буду отличной женой. Я смогу говорить об искусстве с твоими клиентами.

— Идет, — сказал я ей.

Худощавый лейтенант вышел из недр таможни с нашими паспортами.

— Мне придется отправить вас в Локарно, — сказал он. — Вы можете взять экипаж, и вас будет сопровождать наш солдат.

— Хорошо, — сказал я. — А лодка?

— Лодку мы конфискуем. Что у вас в сумках?

Он переворошил обе сумки и уставился на бутылку коньяка, от которой осталась одна четверть.

— Не хотите со мной выпить? — спросил я.

— Нет, спасибо. — Он разогнулся. — Сколько у вас денег?

— Две пятьсот.

Это произвело на него благоприятное впечатление.

— А у вашей кузины?

У Кэтрин было чуть больше тысячи двухсот лир. Лейтенанту это понравилось. Высокомерия поубавилось.

— Если вас интересуют зимние виды спорта, — сказал он, — то поезжайте в Венген. У моего отца там прекрасный отель. Всегда открыт для гостей.

— Здорово. Название мне не скажете?

— Я вам напишу на карточке. — Он любезно протянул мне визитку. — Солдат проводит вас до Локарно. Паспорта останутся у него. Сожалею, но так положено. Я уверен, что в Локарно вам дадут визу или временное разрешение.

Он вручил наши паспорта солдату, и мы с сумками вышли на улицу, чтобы взять экипаж.

— Эй, — окликнул лейтенант солдата. Он сказал ему что-то на немецком диалекте, и солдат, закинув за спину винтовку, взял наши сумки.

— Замечательная страна, — сказал я Кэтрин.

— Такая практичная.

— Большое вам спасибо, — поблагодарил я лейтенанта. Он помахал мне рукой.

— Служба! — сказал он.

Мы пошли за солдатом. В экипаже он сел на переднее сиденье рядом с кучером.

В Локарно все сложилось совсем не плохо. Нас вежливо допросили, поскольку у нас были паспорта и деньги. Сомневаюсь, что они поверили хотя бы одному моему слову, я и сам считал свою версию глупой, но это было как в суде: ты выдвигаешь не здравые аргументы, а чисто технические, а дальше отстаиваешь их без всяких объяснений. Паспорта у нас были, деньги мы готовы были потратить. В результате нам дали временные визы. Их могли в любой момент отозвать. И мы были обязаны сообщать в полицию о своих передвижениях.

Вправе ли мы поехать, куда захотим? Да. А куда мы хотим?

— Кэт, куда ты хочешь поехать?

— В Монтрё.

— Красивое место, — сказал офицер. — Думаю, вам там понравится.

— Локарно тоже красивое место, — заметил другой офицер. — Я уверен, вам здесь очень понравится. Прекрасное место.

— Нас интересуют места, где есть зимние виды спорта.

— В Монтрё нет зимних видов спорта.

— Извини, — возразил его коллега. — Я сам из Монтрё. А железная дорога Оберлан — Берн? Неужели ты отрицаешь, что она ведет в горы?

— Я этого не отрицаю. Просто говорю, что в Монтрё нет зимних видов спорта.

— Сомнительное утверждение, — возразил его коллега. — Я ставлю его под сомнение.

— Я на нем настаиваю.

— А я ставлю его под сомнение. Сам катался на luge[35] по улицам Монтрё. И не раз. luge — это уж точно зимний вид спорта.

Второй офицер обратился ко мне:

— По-вашему, luge — это зимний вид спорта, сэр? Поверьте, в Локарно вам будет очень комфортно. Здоровый климат, красивые виды. Вам здесь понравится.

---

[35] Примечания: 35
Одиночные сани *(фр.)*.

— Господин выразил желание ехать в Монтрё.

— А что такое luge? — поинтересовался я.

— Вот видишь, он никогда о них не слышал.

Для второго офицера это был важнейший аргумент. Он выглядел весьма довольным.

— Luge, — пояснил первый офицер, — это тобогган.

— Готов с тобой поспорить. — Второй офицер покачал головой в знак несогласия. — Еще раз готов поспорить. Это совершенно разные вещи. Тобогган делают в Канаде из плоских реек. А мы говорим про обычные сани с полозьями. Надо быть точным.

— А здесь можно тобогганить? — спросил я.

— Конечно, можно, — ответил первый офицер. — Еще как можно. В Монтрё продаются отличные канадские тобогганы. Братья Окс продают отличные тобогганы.

Второй офицер с досадой отвернулся.

— Чтобы тобогганить, нужна специальная piste[36], — сказал он. — Попробуй тобогганить на улицах Монтрё. Где ты остановишься?

— Мы еще ничего не знаем, — сказал я. — Мы только приехали из Бриссаго. Нас ждет экипаж.

---

[36] Примечания: 36
Дорожка *(фр.)*.

— Правильно делаете, что едете в Монтрё, — сказал первый офицер. — Там чудесный климат. И до зимних видов спорта рукой подать.

— Зимние виды спорта в Энгандине и Мюррене, — заметил второй офицер. — Я протестую против того, что вас за этим посылают в Монтрё.

— В Лез-Аван, над Монтрё, есть зимние виды спорта на любой вкус. — Защитник Монтрё осуждающе посмотрел на коллегу.

— Господа, — вмешался я. — Боюсь, что нам пора ехать. Моя кузина очень устала. Мы рискнем заглянуть в Монтрё.

— Поздравляю. — Первый офицер пожал мне руку.

— Думаю, вы еще пожалеете о том, что покинули Локарно, — сказал второй офицер. — В любом случае в Монтрё вы должны будете отметиться в полицейском участке.

— С полицией у вас проблем не возникнет, — заверил меня первый офицер. — Все местные жители исключительно вежливые и дружелюбные.

— Огромное спасибо вам обоим, — сказал я. — Вы нам дали неоценимые советы.

— Всего хорошего, — подхватила Кэтрин. — Большое вам спасибо.

Они проводили нас до дверей, причем патриот Локарно с некоторой холодностью. Мы сошли по ступенькам и сели в экипаж.

— О Господи! — воскликнула Кэтрин. — Нет бы нам уйти пораньше, милый.

Я дал кучеру адрес отеля, рекомендованного одним из офицеров. Он подхватил вожжи.

— А про армию ты забыл, — напомнила мне Кэтрин. К экипажу подошел солдат. Я дал ему бумажку в десять лир.

— У меня пока нет швейцарских денег, — сказал я ему. Он меня поблагодарил и, откозыряв, ушел прочь. Мы поехали.

— Почему ты выбрала Монтрё? — спросил я Кэтрин. — Тебе правда туда хочется?

— Это было первое, что мне пришло в голову, — сказала она. — Неплохое место. Потом найдем что-нибудь в горах.

— Ты засыпаешь?

— Я уже сплю.

— Мы отоспимся. Кэт, бедняжка, ты провела такую тяжелую ночь.

— Я отлично провела время, — сказала Кэтрин. — Особенно когда мы поплыли с зонтом.

— Ты осознала, что мы в Швейцарии?

— Нет. Боюсь, что я проснусь, и это окажется

неправдой.

— Я тоже.

— Но это же правда, милый? Я ведь не провожаю тебя на миланский вокзал?

— Надеюсь, что нет.

— Не говори так. Не пугай меня. А вдруг мы именно туда едем?

— У меня голова не своя, я уже ничего не соображаю.

— Покажи-ка мне руки.

Я выставил содранные в кровь ладони и сказал:

— Это не то что дырка в боку.

— Не кощунствуй.

Я чувствовал жуткую усталость, перед глазами все плыло. Радостное возбуждение испарилось. Мы ехали по какой-то улице.

— Бедные ладошки, — вздохнула Кэтрин.

— Не трогай их, — попросил я. — Не пойму, где мы. Эй, мы куда едем?

Кучер тормознул лошадь.

— В отель «Метрополь». Разве вы не туда хотели?

— Да. Все в порядке, Кэт.

— Все в порядке, милый. Ты не расстраивайся. Мы отоспимся, и завтра у тебя не будет плыть

перед глазами.

— Сейчас плывет, — сказал я. — Этот день чем-то похож на комическую оперу. Может, я голодный?

— Милый, ты просто устал. С тобой все будет хорошо.

Экипаж подъехал к отелю. Кто-то вышел, чтобы взять наши сумки.

— Со мной все хорошо.

Мы уже шли по мостовой в отель.

— Я знаю, с тобой все будет хорошо. Ты просто устал. Ты не спал всю ночь.

— Зато мы здесь.

— Да, мы точно здесь.

Вслед за мальчиком-посыльным мы вошли в отель.

Книга пятая

Глава тридцать восьмая

Первый снег выпал очень поздно. Мы жили в коричневом деревянном доме среди сосен на склоне горы. Ночью подмерзало, и стоявшие на комоде два кувшина с водой покрывались тонкой корочкой льда. Мадам Гуттинген приходила рано утром, чтобы затворить окна и разжечь огонь в высокой изразцовой печке. Сосновые ветки трещали и искрили, потом огонь разгорался, а в следующий раз мадам Гуттинген приходила с охапкой поленьев и кувшином горячей воды. Согрев комнату, она приносила завтрак. Мы съедали его в постели, любуясь в окно озером и горами на противоположном французском берегу. На вершинах лежал снег, а озеро было голубовато-стального оттенка.

Дорога перед нашим шале уходила вверх. Колеи и борозды промерзли до твердости железа. Дорога упрямо карабкалась вверх через лес, вилась вокруг горы, к альпийским лугам, амбарам и хижинам на лесной опушке, откуда открывался вид на глубокую лощину. По ее дну струилась речка, впадавшая в озеро, и когда над лощиной гулял ветер, слышен был рокот струящейся среди

камней воды.

Порой, свернув с дороги, мы уходили по тропе в сосновый лес. Земля там была мягкой, не схваченной морозом, как главная дорога. Впрочем, твердое покрытие нас не пугало: железные шипы на подошвах и каблуках впивались в замерзшую колею, шагалось легко, и это придавало дополнительные силы. Но гулять по лесу было приятно.

Дом, в котором мы жили, стоял на склоне горы, которая круто спускалась к лощине, тянувшейся вдоль озера, и, сидя на крыльце под солнышком, мы видели вьющуюся по склону дорогу, и террасы виноградников под нами, такие мертвые зимой, и поля, разделенные каменными оградами, а еще ниже — домики в лощине. На островке посреди озера росли два дерева, похожие на паруса рыболовецкого судна. Горы по ту сторону озера были крутыми, с остроконечными вершинами, а совсем вдалеке, между двух горных цепей, раскинулась долина Роны, которую разрезала Дан-дю-Миди. Хотя эта высокая заснеженная гора доминировала над долиной, из-за большого расстояния казалось, что она не отбрасывает тени.

В солнечные дни мы проводили ленч на веранде, но в основном ели у себя наверху, в комнатке с простыми деревянными стенами и большой

печкой в углу. Мы покупали в городе книги, журналы и газету «Хойл». А еще мы освоили разные карточные игры для двоих. Комнатка с печью служила нам гостиной. Там было два удобных кресла, журнальный столик и обеденный стол, где мы играли в карты, после того как уносили грязную посуду. Месье и мадам Гуттинген жили внизу, и вечерами мы иногда слышали их разговоры; они тоже были счастливы вдвоем. Когда-то он был старшим официантом в гостинице, а она там работала горничной, и они скопили достаточно денег, чтобы купить это шале. Теперь их сын учился на официанта, подрабатывая в цюрихском отеле. На первом этаже в зальчике продавались вино и пиво, и иногда по вечерам мы слышали, как возле дома останавливались подводы и мужчины поднимались по ступенькам, чтобы чего-нибудь выпить.

В коридоре стоял ящик с дровами, с их помощью я поддерживал огонь в печи. У нас была большая спальня, и ложились мы не поздно. Я раздевался в темноте, открывал окна, за которыми стояла ночь с холодными звездами и соснами внизу, после чего поскорее забирался в постель. Так хорошо было спрятаться от стылой прозрачной ночи. Спали мы крепко, и если я просыпался, то

только по одной причине. Я осторожно переворачивался на перине, чтобы не разбудить Кэтрин, и снова засыпал под легким теплым одеялом. Война казалась такой же далекой, как футбольный матч в чужом колледже. Из газет я знал, что в горах до сих пор идут бои, поскольку нет снега.

Время от времени мы спускались в Монтрё. Вниз вела крутая тропа, поэтому обычно мы предпочитали широкую замерзшую дорогу, которая сначала петляла среди полей, затем между виноградников, разделенных каменными оградами, а еще ниже вела к деревенским домикам. Под нами было три деревни: Шерне, Фонтаниван и еще одна, название которой я забыл. Потом мы проходили мимо стоящего на уступе старого каменного шато с квадратным основанием и террас с виноградниками, где каждая лоза была подвязана к воткнутой в землю палке, и все они были высохшие, побуревшие, а земля ждала первого снега, и озеро сверху казалось совершенно гладким и серым, как сталь. После шато дорога спускалась еще на приличное расстояние, а затем сворачивала направо и уходила круто вниз, вымощенная булыжником, до самого Монтрё.

В Монтрё мы никого не знали. Мы брели вдоль озера с плавающими лебедями и стаями чаек и

крачек, которые взлетали при нашем приближении и покрикивали, глядя на воду. Еще дальше от берега обосновались птицы-поганки, маленькие, сероватые, оставлявшие за собой длинный след на воде.

Дальше мы уже шли по главной улице, разглядывая витрины магазинов. Большие отели позакрывались, в отличие от магазинов, где нам были рады. Пожалуй, единственная, кого мы знали в Монтрё, была веселая женщина, владелица прекрасной парикмахерской, куда Кэтрин периодически захаживала. Пока она делала прическу, я в соседнем заведении пил баварское пиво и читал прессу: «Корьере делла сера», а также британские и американские газеты из Парижа. Все объявления были замазаны типографской краской — якобы через них могли сообщать шифрованную информацию противнику. Настроение от этого чтива не улучшалось. Повсюду дела шли хуже некуда. Я сидел в углу с тяжелой кружкой темного пива и открытой блестящей пачкой соленых претцелей, хорошо идущих под пиво, и читал про катастрофическое положение дел. Я ждал Кэтрин, но она все не появлялась, тогда я вернул газеты на стеллаж, расплатился и вышел на улицу. День был холодный, мрачный, ветре-

ный, и даже от каменных стен веяло холодом. Кэтрин еще сидела в парикмахерской, ей завивали волосы. Я присел рядом в кабинке и стал смотреть. Это зрелище меня волновало. Кэтрин, улыбнувшись, заговорила со мной, а мой голос от возбуждения звучал глухо. Щипцы приятно пощелкивали, Кэтрин отражалась сразу в трех зеркалах, в кабинке было тепло и уютно. Женщина приподняла копну волос, и Кэтрин, поглядев на себя в зеркале, решила кое-что поправить: там заколку вынула, в другом месте заколола. Потом поднялась.

— Прости, что я так долго.

— Месье наблюдал с большим интересом. Да, месье? — Женщина мне улыбнулась.

— Да, — подтвердил я.

Мы вышли на улицу. Здесь было холодно, задувал ветер, и пахло зимой.

— Милая, как же я тебя люблю, — сказал я.

— Правда мы чудесно проводим время? Слушай, а давай выпьем пива вместо чая? Это полезно для маленькой Кэтрин. Чтобы она не слишком быстро росла.

— Маленькая Кэтрин. Эта бездельница.

— Она очень хорошо себя ведет, — сказала Кэтрин. — Почти совсем меня не беспокоит. Врач

говорит, что мне полезно пиво, тогда она не будет слишком быстро расти.

— Если она окажется мальчиком и к тому же маленьким, он может потом стать жокеем.

— Если у нас действительно родится ребенок, наверное, нам следует пожениться, — сказала Кэтрин.

Мы сидели в пивной за угловым столиком. За окном смеркалось. Хотя еще был день, темнело рано.

— Давай прямо сейчас и поженимся, — предложил я.

— Нет, — не согласилась Кэтрин. — Сейчас как-то неловко. Слишком заметен мой живот. Я не хочу появляться на людях в таком положении.

— Я хочу, чтобы мы поженились.

— Хорошо бы, конечно. Но когда, милый?

— Не знаю.

— Я знаю только то, что не собираюсь выходить замуж, пока выгляжу как дородная матрона.

— Ты не матрона.

— Еще какая, милый. Парикмахерша спросила: «Это ваш первый ребенок?» А я соврала: «Нет, у нас уже двое мальчиков и две девочки».

— Когда же мы поженимся?

— Как только я снова похудею. У нас будет ве-

ликолепная свадьба, и все будут восхищаться, какая красивая молодая пара.

— Ты правда не переживаешь?

— Милый, почему я должна переживать? Я всего один раз была не в своей тарелке: в миланском отеле, когда чувствовала себя шлюхой, но это продолжалось всего семь минут, а все из-за шикарной обстановки. Я ведь хорошая жена?

— Ты чудесная жена.

— Тогда не будь таким педантом, милый. Мы поженимся, как только я похудею.

— Ладно.

— Как думаешь, я могу выпить еще пива? Врач сказал, что у меня узковатый таз и что младшей Кэтрин лучше быть поменьше.

— Что еще он сказал? — Я встревожился не на шутку.

— Ничего. У меня отличное кровяное давление, милый. Он просто в восторге от моего кровяного давления.

— Что именно он сказал по поводу того, что у тебя узковатый таз?

— Ничего. Ничего такого. Он сказал, что мне не стоит кататься на лыжах.

— Это точно.

— Он сказал, что если я раньше не каталась, то

не стоит начинать. А если будете кататься, сказал он, то вам лучше не падать.

— Да он большой шутник.

— Он мне очень понравился. Он будет принимать у меня роды.

— Ты его спрашивала, стоит ли нам пожениться?

— Нет. Я ему сказала, что мы уже четыре года как женаты. Видишь ли, милый, если я выйду за тебя, то стану американкой, а по американским законам, когда бы мы ни поженились, ребенок будет считаться законным.

— Где ты это вычитала?

— В библиотеке. В нью-йоркском «Всемирном альманахе».

— Ты неподражаема.

— Я хочу стать американкой. Мы поедем в Америку, правда, милый? Я хочу увидеть Ниагарский водопад.

— Ты такая милая.

— Я что-то еще хотела увидеть, но не могу сейчас вспомнить.

— Чикагские бойни?

— Нет. Забыла.

— Небоскреб «Вулворт»?

— Нет.

— Большой каньон?

— Нет. Хотя его тоже.

— Тогда что?

— Золотые ворота! Вот что я хотела увидеть. Где они находятся?

— В Сан-Франциско.

— Давай туда поедем. Я хочу увидеть Сан-Франциско.

— Хорошо. Поедем.

— А пока поднимемся на нашу гору, да? Сядем на «МОБ»?[37]

— Следующий поезд в пять с чем-то.

— Вот и поедем.

— Хорошо. Я успею выпить еще кружку пива.

К тому моменту, когда мы вышли на улицу, сильно похолодало. В долине Роны гулял леденящий ветер. В витринах зажглись огни. По крутой каменной лестнице мы поднялись на параллельную улицу, а потом еще по одной лестнице к зданию вокзала. Электропоезд уже стоял на путях с зажженными огнями, и его циферблат показывал время отправления: 17.10. Я посмотрел на вокзальные часы. Оставалось пять минут. Когда мы садились в вагон, из буфета вышли машинист

---

[37] Примечания: 37

«МОБ» — местный электропоезд Монтрё — Цвайзиммен.

с кондуктором. Мы заняли свои места и открыли окно. В поезде с электроподогревом было душновато, а тут сразу хлынул свежий прохладный воздух.

— Устала, Кэт? — спросил я.

— Нет. Я чувствую себя превосходно.

— Ехать нам недолго.

— Я люблю поезд, — сказала она. — Ты за меня не волнуйся, милый. Я себя прекрасно чувствую.

Первый снег выпал за три дня до Рождества. Однажды мы проснулись и увидели, что идет снег. Мы лежали в постели и под треск поленьев в печи наблюдали за падающими хлопьями. Мадам Гуттинген унесла подносы с грязной посудой и подбросила дров в огонь. Метель разыгралась не на шутку. Все началось около полуночи, сказала хозяйка. Я выглянул в окно, но дальше дороги ничего не разглядел. Ветер кружил-вертел снежную заметь. Я вернулся в постель, и мы стали болтать о том о сем.

— Вот бы встать на лыжи, — сказала Кэтрин. — Почему я не умею кататься на лыжах?

— Мы купим бобслейные сани и съедем вниз по дороге. Для тебя это не опаснее, чем прокатиться в автомобиле.

— А меня не растрясет на кочках?

— Поглядим.

— Надеюсь, что не растрясет.

— Надо будет нам прогуляться по снегу.

— Перед обедом, — сказала Кэтрин. — Для поднятия аппетита.

— Я всегда голодный.

— Я тоже.

Мы вышли на прогулку, но снегу намело столько, что очень скоро мы увязли. Я протоптал дорожку до станции, но пока мы туда дошли, из-за усилившейся метели за три метра ничего не было видно. Мы заглянули в харчевню возле станции и, стряхнув друг друга платяной щеткой, сели на скамью и заказали вермут.

— Серьезная метель, — сказала барменша.

— Да.

— В этом году снег выпал поздно.

— Да.

— Я могу себе позволить шоколадку? — спросила Кэтрин. — Или скоро уже обед? Я голодная.

— Съешь шоколадку, — разрешил я.

— Я возьму с фундуком.

— Они самые вкусные, — заметила барменша. — Мои любимые.

— А мне еще вермута, — попросил я.

Нашу тропку совсем замело. От глубоких сле-

дов остались едва заметные очертания. Снег залеплял глаза, и почти ничего не было видно. Отряхнувшись от снега, мы вошли в столовую. Обед подавал месье Гуттинген.

— Завтра начнется лыжный сезон, — сказал он. — Вы на лыжах катаетесь, мистер Генри?

— Нет, но я не прочь научиться.

— Это очень легко. Мой сын приезжает на Рождество, и он вас научит.

— Отлично. Когда он приедет?

— Завтра вечером.

После обеда мы сидели у печки в своей комнатке и смотрели в окно на падающий снег, когда Кэтрин вдруг спросила:

— Милый, ты не хочешь покататься на лыжах в мужской компании?

— Нет. А зачем?

— Иногда я думаю, что тебе хотелось бы пообщаться не только со мной, но и с другими людьми.

— Тебе не хочется общаться с другими людьми?

— Нет.

— Вот и мне не хочется.

— Ты — другое дело. Я жду ребенка, и мне больше ничего не надо. Знаю, я много болтаю

и говорю всякие глупости, но мне кажется, что тебе хорошо бы куда-то прошвырнуться, чтобы от меня отдохнуть.

— Ты хочешь, чтобы я куда-то прошвырнулся?

— Нет. Я хочу, чтобы ты был рядом.

— Тогда я буду рядом.

— Иди ко мне, — сказала она. — Захотелось потрогать шишку у тебя на голове. Какая большая. — Она погладила ее пальцем. — Милый, ты не хочешь отпустить бороду?

— А ты этого хочешь?

— А что, забавно. Я бы посмотрела на тебя с бородой.

— Хорошо. Я отпущу. Начинаю прямо с этой минуты. Отличная идея. Будет чем заняться.

— Ты переживаешь, что тебе нечем заняться?

— Да нет. Мне это нравится. У меня чудесная жизнь. А у тебя?

— У меня прекрасная жизнь. Меня только беспокоит, что тебе со мной, такой толстой теткой, скучно.

— Ах, Кэт. Ты не понимаешь, что я от тебя без ума.

— Такой, как сейчас?

— И такой. Я всем доволен. У нас славная жизнь, разве нет?

— У меня-то да. А вот ты, я подумала, тревожишься.

— Ничего подобного. Иногда я думаю о фронте и о тех, кого я знал. Но тревоги я не испытываю. Я вообще не слишком задумываюсь.

— А о ком ты думаешь?

— О Ринальди, священнике и многих других, кого я знал. Но я не так часто о них думаю. Не хочу думать о войне. С войной покончено.

— А сейчас ты о чем думал?

— Ни о чем.

— Неправда. Скажи мне.

— Я думал, правда ли, что у Ринальди сифилис.

— И все?

— Да.

— А у него сифилис?

— Не знаю.

— Я рада, что у тебя его нет. А у тебя было что-нибудь такое?

— У меня был триппер.

— Я не хочу про это слышать. Было больно, милый?

— Очень.

— Я хочу, чтобы у меня он тоже был.

— Не сочиняй.

— Я хочу. Чтобы быть, как ты. Я бы хотела знать

всех твоих девиц, чтобы выставлять их перед тобой на посмешище.

— Красивая картинка.

— То, что ты подцепил от них триппер, красивой картинкой не назовешь.

— Знаю. Гляди, какой снегопад.

— Я предпочитаю глядеть на тебя. Милый, почему бы тебе не отрастить волосы?

— Как отрастить?

— Чуть подлиннее.

— Они и так достаточно длинные.

— Нет, отрасти подлиннее, а я свои обрежу, и мы будем как близняшки, только один брюнет, а вторая блондинка.

— Я тебе не позволю остричься.

— А что, даже интересно. Они мне надоели. Знаешь, как они мне ночью мешают?

— Мне нравится.

— Тебе не понравятся короткие?

— Кто знает. Мне нравятся такие.

— Мне пойдет короткая стрижка. Мы будем близняшками. Ах, милый, я хочу тебя, я хочу быть тобой!

— Ты и так я. Мы с тобой неразделимы.

— Да. Ночью.

— Ночи у нас классные.

— Нам надо слиться воедино. Я не хочу, чтобы ты прошвырнулся. У меня это вырвалось. Нет, если ты хочешь, то конечно. Только сразу возвращайся. Милый, когда ты не со мной, я просто не живу.

— Я никогда не уеду. Я ничто, когда тебя нет рядом. У меня больше нет своей жизни.

— Я хочу, чтобы она у тебя была. Хорошая жизнь. Но пусть будет одна на двоих, правда?

— Так мне отращивать бороду или не надо?

— Отращивай. Это будет здорово. Может, до Нового года отрастет?

— В шахматы поиграем?

— Я лучше поиграю с тобой.

— Нет. Давай в шахматы.

— А потом в другую игру?

— Да.

— Ну хорошо.

Я достал доску и расставил фигуры. Снегопад не утихал.

Как-то ночью я проснулся и понял, что Кэтрин тоже не спит. В окно светила луна, бросая на постель тени от оконного переплета.

— Ты не спишь, родной?

— Нет. А ты почему не спишь?

— Я проснулась с мыслью о том, как сошла с

ума, увидев тебя впервые. Ты это помнишь?

— Если ты и сошла с ума, то совсем чуть-чуть.

— Теперь все не так. Теперь все классно. Ты так мило произносишь это слово. Скажи «классно».

— Классно.

— Какой же ты милый. Я больше не схожу с ума. Просто я очень, очень, очень счастлива.

— Спи, — сказал я.

— Ладно. Давай уснем одновременно.

— Договорились.

Но так не получилось. Я еще долго лежал без сна, думая о разном и глядя на спящую Кэтрин в лунном свете. А потом тоже уснул.

Глава тридцать девятая

К середине января я отрастил бороду, и установились ясные холодные дни и очень холодные ночи. Дороги снова стали проходимыми. Снег утрамбовали и отутюжили сани с сеном и дровами, а также бревна, которые волочили вниз с горы. Снег покрыл все окрестности практически до Монтрё. Горы на противоположном берегу озера стояли белые, и даже долина Роны побелела. Мы прогуливались по дальнему склону аж до самой Бэн-де-л'Альяз. Кэтрин надевала ботинки с шипами на подошвах, теплую накидку и брала в руки палку с заостренным стальным наконечником. В накидке ее полнота не бросалась в глаза. Мы шли не торопясь, а когда она уставала, делали остановку и присаживались на бревна у обочины.

В Бэн-де-л'Альяз среди деревьев стояла харчевня, куда захаживали дровосеки пропустить стаканчик, и там мы отогревались у печки и пили горячее красное вино с пряностями и лимоном под названием глинтвейн. Хорошая штука для согрева и праздников. В харчевне было полутемно и накурено, и когда ты потом выходил, морозный

воздух резко врывался в легкие и кончик носа немел при каждом вдохе. Мы оглядывались на освещенные окна, а рядом рабочие лошадки топтались и крутили головами, чтобы согреться. Морды у них были в инее, а изо ртов шел пар. Обратный подъем в гору поначалу был слишком гладким и скользким, пока не заканчивалась залитая оранжевой конской мочой дорога, по которой возили дрова. Зато дальше через лес вела тропа с хорошо утоптанным снегом, и пару раз, возвращаясь под вечер домой, мы видели лисиц.

Нам нравились окрестности, и мы получали удовольствие от наших прогулок.

— У тебя великолепная борода, — сказала Кэтрин. — Не хуже, чем у дровосеков. Ты видел мужчину с золотыми сережками?

— Это охотник на серн, — сказал я. — Они носят сережки, утверждая, что от этого обостряется слух.

— Правда? Не верю. Я думаю, чтобы показать: вот кто охотится на серн. А здесь вообще есть серны?

— Да, за Ден-де-Жаман.

— Здорово, что мы видели лисицу.

— Во сне она заворачивается в свой хвост, чтобы было теплее.

— Должно быть, приятное ощущение.

— Я всегда хотел иметь такой хвост. Разве плохо иметь такие лисьи опахала?

— Было бы трудно одеваться.

— Мы бы шили одежду на заказ или жили бы в стране, где это не имеет значения.

— Мы и так живем в стране, где ничего не имеет значения. Правда классно, что мы никого не видим? Ты ведь не хочешь никого видеть, да, милый?

— Да.

— Давай на минутку присядем? Я немного устала.

Мы сели рядышком на бревно. Впереди дорога шла через лес под горку.

— Она ведь нас не рассорит, эта егоза?

— Нет. Мы ей не позволим.

— Как у нас с деньгами?

— Лучше не бывает. Последний чек на предъявителя приняли без вопросов.

— А твоя семья не попытается с тобой связаться? Они ведь теперь знают, что ты в Швейцарии.

— Возможно. Надо будет им написать.

— Ты еще не написал?

— Нет. Пока дело ограничилось чеком на предъявителя.

— Слава Богу, я не член твоей семьи.

— Я им пошлю телеграмму.

— Неужели ты за них совсем не переживаешь?

— Когда-то переживал, но мы столько ссорились, что все чувства куда-то испарились.

— Мне кажется, они мне понравятся. Может, даже очень понравятся.

— Давай не будем о них, а то я начну переживать. — Мы еще немного посидели. — Ну что, пойдем дальше, если ты отдохнула? — предложил я.

— Я отдохнула.

Мы шли по дороге. Уже стемнело, снег скрипел у нас под ботинками. Вечер выдался сухой, морозный и очень ясный.

— Мне нравится твоя борода, — сказала Кэтрин. — Это настоящая удача. Она с виду такая густая и устрашающая, но при этом такая мягкая и приятная на ощупь.

— Мне лучше с бородой?

— По-моему, да. Знаешь, милый, я не буду стричь волосы, пока не родится маленькая Кэтрин. Для этого я сейчас слишком дородная матрона. Но после родов, когда снова похудею, я постригусь коротко, и ты увидишь новую, совсем другую девушку. Мы пойдем вместе в

парикмахерскую, или я пойду одна и сделаю тебе сюрприз.

Я на это ничего не ответил.

— Ты ведь не скажешь «нет»?

— Не скажу. Даже интересно будет посмотреть.

— Ах, ты такой милый. Может, мне это пойдет, мой дорогой, и я стану такой худенькой и хорошенькой, что ты снова в меня влюбишься.

— Можно подумать, я тебя сейчас не люблю, — сказал я. — Ты что, хочешь меня погубить?

— Да. Я хочу тебя погубить.

— Отлично. Я тоже этого хочу.

Глава сороковая

Жизнь шла своим чередом. Прошел январь, февраль, зима стояла отличная, и мы были счастливы. Случались короткие оттепели, когда задувал теплый ветер, снег делался рыхлым, и в воздухе пахло весной, но всякий раз зима возвращалась вместе с ясными морозными днями. В марте зима впервые отступила. Ночью пошел дождь и продолжался все утро, снег превратился в кашу, и горный склон представлял собой жалкое зрелище. Озеро и долину накрыли тучи. Высоко в горах зарядили дожди. Кэтрин надела массивные галоши, а я резиновые сапоги месье Гуттингена, и мы пошли на станцию под зонтом, через снеговую кашу и потоки воды, смывавшие ледовую корку с дороги. Мы заглянули в харчевню выпить вермута перед обедом. Было слышно, как за окнами льет дождь.

— Может, нам перебраться в город?

— А ты как думаешь? — спросила меня Кэтрин.

— Если зима закончилась и зарядят дожди, то здесь не будет ничего хорошего. Сколько еще ждать появления маленькой Кэтрин?

— Около месяца. Или чуть больше.

— Мы можем спуститься вниз и пожить в Монтрё.

— Почему бы не поехать в Лозанну? Там больница.

— Хорошо. Просто я подумал, не слишком ли большой город.

— Мы можем оставаться одни даже в большом городе. Мне кажется, в Лозанне мило.

— Когда поедем?

— Мне все равно. Когда пожелаешь, милый. Я отсюда не уеду, пока ты сам не захочешь.

— Посмотрим, как поведет себя погода.

Дождь шел три дня подряд. На горном склоне, пониже станции, снега совсем не осталось. Дорога превратилась в сплошной грязевой поток. О прогулках пришлось забыть. На третий день мы решили перебираться в город.

— Месье Генри, вам решать, — сказал Гуттинген. — Вы не обязаны предупреждать меня заранее. Я так и подумал, что вы не захотите остаться в такую скверную погоду.

— В любом случае мадам в ее состоянии следует быть поближе к больнице.

— Я понимаю, — сказал он. — Может, как-нибудь приедете сюда пожить с малышом?

— Если у вас будет свободная комната.

— Приезжайте весной, когда здесь будет хорошо. Няньке с малышом мы отведем большую комнату, которая сейчас закрыта, а вы с мадам можете жить в своей с видом на озеро.

— Я вам предварительно напишу, — сказал я.

Мы упаковали вещи и уехали послеобеденным поездом. Месье и мадам Гуттинген проводили нас на вокзал, наш багаж он вез по грязи на санках. Стоя на платформе под дождем, они помахали нам вслед.

— Они такие милые, — сказала Кэтрин.

— Нам с ними повезло.

Это был поезд из Монтрё в Лозанну. Тучи заволокли гору, и из окна было не разглядеть место, где мы жили. Поезд сделал остановку в Веве и снова поехал мимо озера с одной стороны и мокрых бурых полей, оголенных лесов и домов с другой. В Лозанне мы нашли небольшой отель. Пока мы туда ехали, дождь не утихал. Портье со связкой медных ключей на лацкане пиджака, лифт, ковры под ногами, белоснежный умывальник с сияющим краном, латунная кровать, большая комфортабельная спальня — после Гуттингенов мы окунулись в роскошь. Окна выходили на мокрый сад, обнесенный стеной с железной решеткой. На противоположной стороне покатой

улицы располагался еще один отель с похожим садом, обнесенным такой же стеной с решеткой. Я смотрел, как дождь заливает фонтан в саду.

Кэтрин повсюду зажгла свет и начала распаковываться. Я заказал виски с содовой и улегся на кровать с газетами, купленными на станции. На дворе стоял март восемнадцатого года, и во Франции немцы перешли в наступление. Я пил виски с содовой и читал газеты, пока Кэтрин все разбирала и расхаживала по комнате.

— Знаешь, что я должна купить, милый? — сказала она.

— Что?

— Детские вещи. На моем сроке все уже давно обзавелись детскими вещами.

— Так покупай.

— Ну да. Завтра этим займусь. Выясню, что нужно.

— Ты должна знать. Ты же была медсестрой.

— Знаешь, солдаты в госпитале как-то не спешили обзаводиться детьми.

— Я обзавелся.

Она стукнула меня подушкой и расплескала виски с содовой.

— Извини, что пролила. Я тебе закажу новое.

— Там уже оставалось на донышке. Иди ко

мне.

— Нет. Мне надо сделать комнату на что-то похожей.

— На что?

— На что-то домашнее.

— Развесь союзные флаги.

— Ой, ты бы помолчал.

— Скажи еще раз.

— Ты бы помолчал.

— Ты так деликатно это говоришь. Словно не хочешь никого обидеть.

— Я и не хочу.

— Тогда иди ко мне.

— Ладно. — Она подошла и села с краю. — Я знаю, милый, видок у меня тот еще. Я похожа на бочку с мукой.

— Ничего подобного. Ты красивая и такая милая.

— Ты женился на неповоротливой клуше.

— Неправда. Ты с каждым днем становишься все красивее.

— Но я снова похудею, милый.

— Ты и сейчас худая.

— Ты перебрал.

— Всего-то стакан виски с содовой.

— Тебя ждет еще один, — сказала она. — А по-

том закажем ужин в номер?

— Хорошая мысль.

— Не будем выходить, правда? Проведем весь вечер здесь.

— И поиграем, — уточнил я.

— Я выпью немного вина. Это мне не повредит. Может, у них найдется старый добрый капри.

— Наверняка. В таком отеле должны быть итальянские вина.

В дверь постучали. Официант принес на подносе стакан виски со льдом и отдельно бутылочку содовой.

— Благодарю, — сказал я. — Поставьте там. Пожалуйста, принесите нам ужин на двоих и пару бутылок сухого белого капри в ведерке со льдом.

— Вы предпочитаете начать ужин с супа?

— Ты хочешь суп, Кэт?

— Да, пожалуйста.

— Один суп.

— Да, сэр.

Он вышел и закрыл за собой дверь. Я снова погрузился в газеты и военные действия, потихоньку подливая содовую в стакан. Надо им сказать, чтобы не бросали в виски лед, а приносили его отдельно. Тогда хоть будет понятно, сколько виски налили, и оно не станет разбавлен-

ным так быстро. Закажу-ка я бутылочку виски, и пусть отдельно принесут лед и содовую. Разумное решение. Хорошее виски — это вещь. Одна из немногих радостей.

— О чем ты думаешь, милый?

— О виски.

— А именно?

— Какая это радость.

Кэтрин поморщилась.

— Ну, ладно.

Мы прожили в отеле три недели. Это было совсем неплохо. Днем в столовой обычно никого не было, а ужинали мы, как правило, у себя. Мы болтались по городу, съездили на трамвае в Уши и там погуляли по берегу озера. Погода стояла теплая, можно сказать, весенняя. Хоть возвращайся обратно в горы. Но такая погода продержалась всего несколько дней, а затем снова вернулась зима с холодной сыростью.

Кэтрин купила детские вещи. Я стал боксировать в гимнастическом зале в пассаже. Обычно я туда ходил по утрам, пока Кэтрин отсыпалась. В дни короткой обманчивой весны было особенно приятно после тренировки и душа пройтись по улицам, дыша весенним воздухом, а потом зайти в кафе и посидеть, наблюдая за людьми,

или читать газету, попивая вермут. А потом я возвращался в отель, и мы обедали. Со мной боксировал усатый профессор. У него были точные и резкие выпады, однако стоило мне на него насесть, как он сразу сдувался. Гимнастический зал мне нравился. Свежий воздух, хорошее освещение. Я не давал себе поблажки: прыгал через скакалку, дрался с тенью, делал упражнения для живота, лежа на полу под солнечным лучом, проникавшим в распахнутое окно, и изредка пугал профессора во время спарринга. Поначалу мне трудно было боксировать с тенью перед длинным узким зеркалом, так как меня смущал бородатый соперник. А потом я стал находить его забавным. С первых же тренировок я хотел сбрить бороду, но Кэтрин воспротивилась.

Иногда мы с ней прогуливались в экипаже по окрестностям. В хорошие дни это было одно удовольствие, и мы нашли два отличных ресторанчика. Поскольку Кэтрин теперь не могла долго ходить пешком, мне нравилось возить ее по загородным дорогам. В солнечные дни мы всегда отлично проводили время и ни разу ни о чем не пожалели. Мы понимали, что скоро родится ребенок, и от этого было ощущение, что нас что-то подгоняет и нам нельзя терять время даром.

Глава сорок первая

Однажды я проснулся около трех часов ночи, услышав, как Кэтрин ворочается в постели.

— Ты в порядке, Кэт?

— Кажется, у меня начались схватки, милый.

— Регулярные?

— Пока не очень.

— Если начнутся регулярные, поедем в больницу.

Я снова провалился в сон. Но через какое-то время опять проснулся.

— Наверно, тебе лучше позвонить врачу, — сказала Кэтрин. — Мне кажется, началось.

Я пошел к телефону и позвонил врачу.

— Как часто повторяются схватки? — спросил он.

— Как часто они повторяются, Кэт?

— Примерно каждые пятнадцать минут.

— Тогда вам нужно ехать в больницу, — сказал врач. — Я сейчас оденусь и тоже приеду.

Я набрал номер гаража возле железнодорожной станции, чтобы вызвать такси. Трубку долго не брали. Наконец мне ответил мужчина и пообещал незамедлительно прислать машину.

Кэтрин одевалась. В ее сумке уже лежало все необходимое вместе с детскими вещами. В холле я позвонил лифтеру. Никто не ответил. Я спустился вниз. Кроме ночного дежурного, там никого не было. Я сам поднялся на лифте и внес сумку, потом зашла Кэтрин, и мы поехали. Дежурный открыл перед нами парадную дверь, мы вышли, сели на каменные тумбы возле лестницы и стали ждать такси. Ночь была ясная, звездная. Кэтрин находилась в сильном возбуждении.

— Я так рада, что у меня началось, — сказала она. — Значит, скоро все будет позади.

— Ты отважная девочка.

— Я не боюсь. Скорее бы пришло такси.

Сначала мы услышали звук мотора, а затем увидели включенные передние фары. Машина подъехала, я помог Кэтрин сесть, а водитель поставил сумку на переднее сиденье.

— В больницу, — сказал я ему.

Для начала мы поднялись на холм.

Я вошел в приемный покой следом за Кэт, неся ее сумку. Женщина, сидевшая за конторкой, записала в журнал ее имя, возраст, адрес и имена родственников. На вопрос о вероисповедании Кэтрин ответила отрицательно, и женщина поставила прочерк. А имя она назвала такое:

Кэтрин Генри.

— Я провожу вас в палату, — сказала регистраторша.

Мы поднялись на лифте и последовали за женщиной по коридору. Кэтрин крепко держала меня за руку.

— Вот ваша палата, — показала женщина. — Пожалуйста, разденьтесь и ложитесь в кровать. Это ваша ночная рубашка.

— У меня своя, — сказала Кэтрин.

— Лучше наденьте эту.

Я вышел из палаты и сел на стул в коридоре.

— Уже можно, — пригласила меня женщина, стоя в дверях.

Кэтрин лежала на узкой кровати в простой сорочке с прямым разрезом, выглядевшей так, словно ее скроили из грубой простыни. Она встретила меня улыбкой.

— У меня отличные схватки, — сказала она. Женщина держала палец у нее на пульсе и по часам замеряла частоту схваток. — Ух ты, какая сильная. — Это можно было легко прочесть и по ее лицу.

— А где врач? — спросил я.

— Прилег поспать, — ответила женщина. — Как только он понадобится, его вызовут. А сейчас

я должна кое-что сделать с мадам. Можно вас попросить еще раз выйти?

Я вышел в коридор, где взгляду открывалась анфилада закрытых дверей и два окна. Здесь стоял больничный запах. Сидя на стуле, я молился за Кэтрин, уставясь в пол.

— Можете войти, — пригласила меня сестра. Я вошел.

— Привет, милый, — встретила меня Кэтрин.

— Ну как?

— Довольно частые. — Она поморщилась, но потом выдавила из себя улыбку. — Сильная была схватка. Сестра, вы снова не подложите руку под спину?

— Если вам так легче.

— А ты, милый, иди. Иди что-нибудь поешь. Сестра говорит, что это может затянуться надолго.

— Первые роды обычно затяжные, — подтвердила сестра.

— Пожалуйста, сходи и поешь, — попросила Кэтрин. — У меня правда все хорошо.

— Я немного подожду, — сказал я.

Пока схватки были частыми, Кэтрин пребывала в возбуждении, а особенно сильные называла хорошими. Но стоило им замедлиться, как она испытала разочарование и даже стыд.

— Иди, милый, — сказала она. — Мне кажется, ты меня только смущаешь. — Лицо ее исказила гримаса. — Ну вот, уже лучше. Я так хочу быть хорошей женой и родить без всяких глупостей. Пожалуйста, милый, иди позавтракай, а потом возвращайся. Я не буду скучать. Я в прекрасных руках.

— Вы можете не торопиться, — сказала мне сестра.

— Тогда я пойду. Пока, милая.

— Пока. Позавтракай за нас двоих.

— Где можно поесть? — спросил я у сестры.

— Неподалеку, на площади, есть кафе, — сказала она. — Оно скорее всего уже открылось.

Начинало светать. Я прошел по пустынной улице до площади. В кафе горел свет. Я подошел к оцинкованной барной стойке, и пожилой бармен подал мне стакан белого вина с бриошью. Бриошь была вчерашней, так что я макал ее в вино. А потом еще выпил чашку кофе.

— Что это вы в такую рань? — спросил меня бармен.

— Моя жена рожает в больнице.

— Вот оно что. Желаю удачи.

— Можно еще стаканчик вина?

Наливая, он немного промахнулся, и вино про-

лилось на оцинкованную поверхность. Выпив еще стакан, я вышел из кафе. Вдоль улицы стояли полные бачки в ожидании мусорной машины. В один такой бачок носом тыкался пес.

— Чего ты хочешь? — спросил я его и заглянул в бачок, нет ли там для него чего-то подходящего. Но сверху были только покрытые пылью кофейная гуща да мертвые цветы. — Для тебя, псина, тут ничего нет.

Пес поплелся прочь. Я дошел до больницы, поднялся по лестнице на нужный этаж и, дойдя до палаты, постучал в дверь. Мне никто не ответил. Я приоткрыл дверь. Комната была пуста, если не считать сумки Кэтрин на стуле и ее ночной рубашки, висящей на крючке. Я прошел дальше по коридору и наткнулся на сестру.

— А где мадам Генри?

— Мадам только что отправили в родильную.

— Где это?

— Я вас провожу.

Мы дошли до конца коридора. Сквозь приотворенную дверь я увидел Кэтрин; она лежала на столе под простыней. По одну сторону располагалась сестра, а по другую доктор, и рядом с ним стояли какие-то цилиндры. Доктор держал в руке резиновую маску, соединенную с трубкой.

— Я вам дам больничный халат, чтобы вы могли войти, — сказала сестра. — Пожалуйста, пройдите сюда.

Она облачила меня в белый халат и сзади на шее прихватила английской булавкой.

— Теперь можете идти, — сказала она. Я вошел в родильный бокс.

— Привет, милый. — В голосе Кэтрин чувствовалось напряжение. — У меня все по-прежнему.

— Вы месье Генри? — спросил меня врач.

— Да. Как идут дела, доктор?

— Очень хорошо. Мы перешли сюда, так как здесь ей можно давать наркозную маску, чтобы уменьшить боль.

— Я хочу маску, — попросила Кэтрин.

Доктор положил ей на лицо маску, повернул диск, и я увидел, как Кэтрин судорожно и глубоко втягивает в легкие воздух. Но как только она сбросила маску, доктор выключил аппарат.

— Сейчас была не очень сильная схватка. Не то что недавно. Я чуть не отключилась, правда, доктор? — Это прозвучало странно, с нажимом на слове «доктор».

Он улыбнулся.

— Дайте еще, — попросила Кэтрин. Она прижала маску к носу и быстро задышала, чуть-чуть

постанывая. Отняв маску от лица, она улыбнулась.

— Сейчас была сильная, — сказала она. — Еще какая. Милый, ты не волнуйся. Ты иди. Можешь еще раз позавтракать.

— Я останусь, — сказал я.

Мы приехали в госпиталь около трех часов утра. В полдень Кэтрин по-прежнему находилась в родилке. Схватки снова ослабли. Вид у нее был уставший и замученный, но она стойко держалась.

— Какая же я неумеха, милый, — сказала она. — Уж прости. Я думала, у меня все очень легко получится. Ой… вот еще…

Она схватила маску и прижала к лицу. Доктор повернул диск и наблюдал за ней. Вскоре схватки закончились.

— Ничего особенного, — призналась Кэтрин. Она улыбнулась. — Я без ума от этого наркоза. Так здорово.

— Надо будет купить такую в дом, — сказал я.

— Вот очередная, — успела сказать Кэтрин. Доктор снова повернул диск и засек время.

— Какой интервал? — поинтересовался я.

— Около минуты.

— Вы не хотите пообедать? — спросила его

Кэтрин.

— Что-нибудь перехвачу, — пообещал он.

— Доктор, вы должны поесть, — сказала Кэтрин. — Вы уж простите, что со мной такая морока. А мой муж может мне давать наркоз?

— Если вам так хочется. — Он обратился ко мне: — Ставьте на двойку.

— Понятно, — сказал я. Диск был маркирован и поворачивался с помощью рычажка.

— Мне нужна маска! — Кэтрин прижала ее к лицу, я поставил диск на двойку, а когда Кэтрин отложила маску, я выключил аппарат. Хорошо, что доктор смог меня чем-то занять.

— У тебя получилось, милый? — Кэтрин погладила мою кисть.

— А то нет.

— Ты умница. — Она слегка опьянела от наркоза.

— Я перекушу в соседней комнате, — сказал доктор. — Зовите меня, если что.

Я видел, как он поел, а спустя какое-то время прилег на кушетку и выкурил сигарету. Кэтрин совсем обессилела.

— Как ты думаешь, я когда-нибудь рожу? — спросила она.

— Родишь, как же иначе.

— Я стараюсь вовсю. Тужусь, тужусь а он ни в какую. Вот опять. Дай мне ее.

В два часа я вышел на ленч. В кафе сидели несколько мужчин — кто с кофе, кто с киршем. Я сел за столик.

— У вас поесть можно? — спросил я официанта.

— Время ленча закончилось.

— А что вы предлагаете?

— Есть кислая капуста.

— Тогда принесите кислую капусту с пивом.

— Французское или немецкое темное?

— Французское светлое.

Официант принес тарелку с сосиской, похороненной под слоем горячей, пропитанной вином кислой капусты, и ломтиком ветчины сверху. Я ел, пил пиво и разглядывал посетителей. Я здорово проголодался. За одним столом играли в карты. За соседним двое мужчин курили, болтая о чем-то. В кафе дым стоял коромыслом. У оцинкованной барной стойки, где я позавтракал, сейчас находились трое: старик, полная женщина в черном платье, которая сидела за кассой и внимательно следила за тем, что кому приносят, и юноша в переднике. Интересно, подумал я, сколько у этой женщины детей и как она их

рожала.

Разделавшись с кислой капустой, я покинул кафе. Улицу успели почистить. Мусорных бачков не осталось. Сквозь тучи начинало пробиваться солнышко.

Я поднялся на лифте и зашел в комнату Кэтрин, где оставил белый халат. Я влез в него и прихватил сзади на шее английской булавкой. Из зеркала на меня смотрел лжедоктор с бородой. Потом я направился в родилку. Дверь была закрыта, и я постучал, но мне не ответили. Тогда я повернул ручку и вошел. Врач сидел рядом с Кэтрин. Сестра что-то делала в другом конце комнаты.

— А вот и ваш муж, — сказал врач.

— Ах, милый, у меня такой чудесный доктор. — Голос Кэтрин звучал довольно странно. — Он мне рассказывал чудесные истории, а когда становилось совсем больно, он меня просто выключал. Он чудесный. Вы чудесный, доктор.

— Ты пьяная, — сказал я.

— Я знаю. Но ты не должен так говорить. Дайте мне ее, дайте! — Она вцепилась в маску и стала вдыхать, коротко и судорожно, так что респиратор даже похрустывал. Потом глубоко вздохнула, и врач левой рукой снял с ее лица маску.

— Сейчас была сильная, — сказала она своим странным голосом. — Я не умру, милый. Худшее уже позади. Ты доволен?

— Ты, главное, туда не возвращайся.

— Не буду. Хотя смерти я не боюсь. Но я не умру, милый.

— С вашей стороны это была бы большая глупость, — сказал доктор. — Умереть и оставить мужа одного.

— Нет, нет. Я не умру. Я не умру. Глупо умирать. Вот опять… дайте мне маску.

Спустя какое-то время доктор обратился ко мне:

— Мистер Генри, я попрошу вас выйти ненадолго, мне надо осмотреть вашу жену.

— Надо проверить, как идут дела, — пояснила Кэтрин. — Он ведь сможет потом вернуться, доктор?

— Да, — ответил тот. — Я ему дам знать.

Я вышел из бокса и отправился в послеродовую палату. Из кармана у меня торчала газета, которую я купил перед ленчем. За окном начало темнеть. Я зажег свет, сел на стул и углубился в газету. В какой-то момент я это дело бросил и стал смотреть, как смеркается. Я не понимал, почему доктор за мной не присылает. Может, без меня

лучше. Наверно, решил: пусть побудет один. Я посмотрел на часы. Подожду еще десять минут и сам пойду.

Бедная, бедная Кэт. Вот какую цену приходится платить за то, что спишь с мужчиной. Такая вот отложенная ловушка. Вот какая ожидает расплата за любовь. Спасибо хоть за наркоз. А каково было до появления анестезии? Беременность — это лотерея. У Кэтрин она протекала легко. Никаких проблем. Ее практически не тошнило. Она до самого конца не испытывала особого дискомфорта. И вот возмездие ее настигло. От беды не убежишь. Черта с два! Хоть пятьдесят раз женись, кончится одним и тем же. А что, если она умрет? Нет. В наши дни женщины от этого не умирают. Так рассуждают все мужья. Ну а если? Она не умрет. Просто у нее это тяжело протекает. Первые роды обычно затяжные. Тяжело протекает, вот и все. Потом я вспомню, как тяжело это было, а Кэтрин скажет: да нет, не так чтобы очень. Ну а если она умрет? Это невозможно. Да, и все-таки? Говорю тебе, это невозможно. Не будь идиотом. Просто так складывается. Природа устроила ей ад. Это же первые роды, а они почти всегда затяжные. А если она все-таки умрет? Это невозможно. Почему она должна умереть? Какой

в этом резон? Просто на свет должен появиться ребенок, побочный продукт счастливых ночей в Милане. Он создает неприятности, потом он рождается, и ты начинаешь о нем заботиться и, может быть, к нему привяжешься. Но что, если она умрет? Нет, невозможно. А если все-таки? Не умрет. Она в порядке. Ну а если? Никогда. И все-таки, вдруг она умрет? А, что скажешь? Что будет, если она умрет?

В комнату вошел врач.

— Доктор, как дела?

— Никак.

— В каком смысле?

— В прямом. Я ее обследовал… — Он уточнил результаты обследования. — С тех пор я жду развития, но ничего не происходит.

— Что вы советуете?

— Есть два варианта. Либо высокое наложение щипцов, которое может привести к разрывам и достаточно опасно, не говоря уже о возможном причинении вреда младенцу, либо кесарево.

— А какова опасность кесарева? Вдруг она умрет?

— Не опаснее обычных родов.

— Вы все сделаете сами?

— Да. Мне понадобится около часа, чтобы все

подготовить и собрать ассистентов. Может, меньше.

— Сами-то вы что думаете?

— Я рекомендую кесарево. Если бы это была моя жена, я бы сделал кесарево.

— А какие возможны последствия?

— Никаких. Только шрам.

— А занесение инфекции?

— При наложении щипцов она гораздо выше.

— А если ничего не делать?

— Рано или поздно придется. Мадам Генри уже потеряла много сил. Чем скорее мы ее прооперируем, тем для нее безопаснее.

— Тогда не откладывайте.

— Я сейчас же распоряжусь.

Я пришел в родильную комнату. Там находилась сестра. Кэтрин лежала на столе, очень бледная и измученная. Огромный живот оттопыривал простыню.

— Ты дал ему свое согласие? — спросила она.

— Да.

— Славно, правда? Через час все будет кончено. Я выдохлась, милый. От меня остались одни ошметки. Пожалуйста, дай мне маску. Она уже не помогает. Совсем не помогает!

— Дыши глубже.

— Я дышу. Но она уже не помогает. Совсем не помогает!

— Дайте другой цилиндр, — обратился я к сестре.

— Это совсем новый.

— Я такая дурочка, милый, — сказала Кэтрин. — Но уже ничего не помогает. — Она заплакала. — Я так хотела ребенка, без всяких сложностей, но я выдохлась, от меня остались одни ошметки, и ничего не помогает. Нет, милый, не помогает. Лучше пусть я умру, только бы это прекратилось. Милый, пожалуйста, прошу тебя, сделай что-нибудь, чтобы это прекратилось. Вот опять. О, о, о!

Она дышала через маску сквозь рыдания.

— Не помогает. Не помогает. Не помогает. Милый, не обращай на меня внимания. Пожалуйста, не плачь. Не обращай внимания. От меня остались одни ошметки. Бедный ты, бедный. Я так тебя люблю. Я снова буду здоровой. Обязательно. Неужели они не могут ничего сделать? Сделайте уже что-нибудь.

— Я сделаю. На полный оборот.

— Сделай скорее.

Я повернул диск до конца, она глубоко подышала, и ее рука, лежащая на маске, обмякла. Я отключил наркоз и снял маску. Она вернулась из

глубокого забытья.

— Это было хорошо, милый. Ты мне так помогаешь.

— Потерпи, ты ведь храбрая девочка. Я не могу давать тебе столько наркоза. Это тебя убьет.

— Я больше не храбрая девочка, милый. Я выдохлась. Они меня сломали. Теперь уж точно.

— Такой у них порядок.

— Но это ужасно. Мучают, пока не сломают.

— Через час все закончится.

— Как хорошо. Милый, я ведь не умру?

— Нет. Я тебе обещаю.

— Я не хочу умереть и оставить тебя одного. Но я так устала, и мне кажется, что я умру.

— Глупости. Всем так кажется.

— Я знаю, что умру.

— Нет. Это невозможно.

— Ну а вдруг?

— Я этого не допущу.

— Дай мне наркоз. Скорее! — И, подышав: — Я не умру. Я не дам себе умереть.

— Конечно, не дашь.

— Ты со мной останешься?

— Наблюдать за родами я не буду.

— Нет, просто будь рядом.

— А как же. Я все время буду рядом.

— Ты такой милый. Дай мне наркоз. Побольше. Он ничего не дает!

Я повернул диск до тройки, потом до четверки. Хоть бы уже вернулся врач. Я боялся ставить выше двойки. В конце концов пришел другой врач с двумя сестрами, они вместе перенесли Кэтрин на каталку, и мы быстро зашагали по коридору. В лифте всем пришлось прижаться к стенкам, чтобы освободить место. Мы поднялись выше, а затем каталку на резиновых колесиках покатили в операционную. Я не узнал прежнего врача — он был в шапочке и в маске. К нему добавился новый и разные сестры.

— Дайте мне подышать, — умоляла их Кэтрин. — Пожалуйста, доктор. Дайте мне подышать!

Один из врачей положил ей на лицо маску. Из коридора я мог разглядеть ярко освещенный амфитеатрик операционной.

— Вы можете зайти через другую дверь и сесть там, — сказала мне сестра.

Из-за перегородки, сидя на одной из скамеек, можно было видеть внизу белый операционный стол и горящие лампы. Лицо Кэтрин закрывала маска, сама она лежала неподвижно. Каталку подкатили к столу. Я отвернулся и вышел в кори-

дор. Ко входу в амфитеатр спешили две сестры.

— Кесарево, — сказала первая. — Они будут делать кесарево.

Вторая радостно засмеялась:

— Как мы вовремя. Повезло, да?

Они прошли на галерку. Тут появилась еще одна сестричка. Она тоже спешила.

— Заходите, — обратилась она ко мне. — Что же вы не заходите?

— Я постою тут.

Она быстро прошла на галерку. Я бродил туда-сюда по коридору. Я боялся заходить внутрь. Потом выглянул в окно. Хотя на улице было темно, я понял, что идет дождь. В конце коридора я заглянул в пустую комнату и стал разглядывать ярлычки на медицинских пузырьках в стеклянном шкафу. Потом я стоял в коридоре, уставясь на дверь в операционную.

Оттуда вышел доктор, а за ним сестра. Держа в руках что-то похожее на освежеванного кролика, он поспешно прошел в другую комнату. Я приблизился к открытой двери и увидел, что они проделывают какие-то манипуляции с новорожденным. Доктор поднял его так, чтобы я видел. Держа его за ножки, головой вниз, он шлепнул младенца по попке.

— Он в порядке?

— Еще каком. Добрых пять кило.

Я к нему ничего не испытывал. Никаких отцовских чувств. Как если бы он не имел ко мне никакого отношения.

— Вы гордитесь тем, что у вас родился сын? — спросила сестра.

Они его обмыли и завернули во что-то. Я видел смуглое личико и смуглую ручку, но не видел, чтобы он шевелился, и не слышал, чтобы он издавал какие-то звуки. Доктор опять что-то с ним делал. Вид у него был удрученный.

— Нет, — ответил я ей. — Он чуть не убил свою мать.

— Малыш в этом не виноват. Разве вы не хотели мальчика?

— Нет, — ответил я.

Врач снова принялся за свое. Он шлепнул младенца, держа того за ножки. Я не стал ждать окончания и вышел в коридор. Теперь я мог пройти на галерку. Оттуда я спустился пониже. Сестры, сидевшие у загородки, пригласили меня жестами сесть рядом с ними, но я помотал головой. Мне и отсюда было видно.

Мне показалось, что Кэтрин умерла. Вид как у покойницы. Лицо — по крайней мере то, что я

мог разглядеть, — совершенно серое. Под яркой лампой врач зашивал длинный широкий разрез. Второй врач делал анестезию. Две сестры подавали инструменты. Все были в марлевых повязках. Все это походило на картинку времен инквизиции. Я бы выдержал всю операцию, но, к счастью, не стал этого делать. Мне было бы трудно наблюдать за тем, как ее разрезают, — другое дело видеть, как рана превращается в шов с грубоватыми рубцами после ловких стежков, что напоминало работу сапожника. Когда рана окончательно закрылась, я вышел в коридор и снова стал расхаживать взад-вперед. Через какое-то время появился врач.

— Как она?

— Она в порядке. Вы смотрели?

Он выглядел уставшим.

— Только как зашивали. Такой большой разрез.

— Вам так показалось?

— Да. Этот шрам разгладится?

— А как же.

Позже каталку очень быстро покатили к лифту. Я шагал рядом. Кэтрин стонала. Ее привезли в послеродовую палату. Я сел на стул у нее в ногах. С нами осталась сестра. В комнате было темно. Я

встал и подошел ближе. Кэтрин протянула руку.

— Привет, милый. — У нее был очень слабый и усталый голос.

— Привет, милая.

— Расскажи, какой ребенок.

— Ш-ш-ш, не разговаривайте, — попросила сестра.

— Мальчик. Большой и смуглый.

— С ним все хорошо?

— Да. Он в порядке.

Я перехватил странный взгляд сестры.

— Я ужасно устала, — сказала Кэтрин. — И боль невыносимая. Ты-то как, милый?

— Нормально. Не разговаривай.

— Ты такой хороший. Как же мне больно, милый. На кого он похож?

— Он похож на освежеванного кролика со сморщенным старческим личиком.

— Вам лучше уйти, — сказала мне сестра. — Мадам Генри нельзя разговаривать.

— Я побуду в коридоре.

— Пойди что-нибудь поешь.

— Нет. Я побуду в коридоре. — Я поцеловал Кэтрин. Она была совершенно серая, слабая и уставшая.

— У меня к вам вопрос, — обратился я к сестре,

которая вышла вместе со мной. Мы отошли подальше от палаты. — Что с ребенком?

— Разве вы не знаете?

— Нет.

— Он родился мертвым.

— Мертвым?

— Легкие так и не заработали. Пуповина обвилась вокруг шеи или что-то в этом роде.

— Значит, мертвый.

— Да. Мне очень жаль. Такой крупный чудный мальчик. Я думала, вы знаете.

— Нет. Вам лучше вернуться к мадам.

Я сел за стол, где сбоку лежали пришпиленные отчеты дежурных сестер, и уставился в окно. Ничего, кроме ночной темени и дождя, подсвеченного из окна. Вот, значит, как. Мертворожденный. Так вот почему у врача был удрученный вид. Тогда к чему все эти манипуляции? Наверное, надеялись, что он все-таки задышит. Хотя я и не был верующим, но понимал, что его следовало бы окрестить. Но если он даже не задышал? А он не задышал. Он не жил. Только в животе у матери. Я часто слышал, как он там лягался. Не считая последней недели. Возможно, он уже тогда задохнулся. Бедняжка. Почему, черт возьми, я вот так же в свое время не задохнулся! Нет, на самом деле

я этого не желал. Хотя тогда бы я избежал всех этих смертей. А сейчас к ним добавится Кэтрин. Это на твоей совести. А если б ты умер сразу, то не знал бы, что это такое. Так и не узнал бы. Тебя вбрасывают в этот мир и сообщают правила игры, но стоит один раз ошибиться, как тебя убивают. Или даже без всяких причин, как Аймо. Или награждают сифилисом, как Ринальди. Но рано или поздно тебя убивают. В этом можешь быть уверен. Поживи, и ты в этом убедишься.

Однажды в палаточном лагере я подбросил полено в костер, а оно оказалось в муравьях. Когда полено занялось, муравьи сначала бросились к горящей середине, потом развернулись и побежали к концу. Вскоре там их скопилось столько, что они стали падать в огонь. Некоторые сумели выбраться, обгоревшие и сплющенные, не понимая, куда они бегут. Но большинство продолжало метаться между двумя точками и, сбившись в кучу на прохладном конце, сваливались в огонь. Помнится, я тогда подумал, что это конец света и что мне предоставлен великолепный шанс выступить мессией: вытащить полено из костра и отбросить подальше, чтобы муравьи оказались на земле. Но вместо этого я плеснул на полено воду из жестяной кружки, чтобы налить туда

виски, а уж потом его разбавить. Думаю, эта вода сварила их заживо.

Я сидел в коридоре и ждал вестей о Кэтрин. Но сестра все не выходила, и тогда я осторожно приоткрыл дверь и заглянул в палату. Поначалу я ничего не увидел, так как в коридоре горел яркий свет, а в палате было темно. Затем я разглядел сидящую возле кровати сестру и голову на подушке. Кэтрин лежала под простыней неподвижно. Сестра приложила палец к губам, потом встала и подошла к двери.

— Как она? — спросил я.

— Все хорошо, — сказала сестра. — Можете поужинать, а потом, если хотите, возвращайтесь.

Я прошел весь коридор, спустился по лестнице, вышел из госпиталя и по темной улице под дождем дошел до кафе. Оно было ярко освещено изнутри и заполнено посетителями. Я не увидел ни одного свободного столика. Ко мне подошел официант, забрал у меня мокрый плащ и шляпу и посадил напротив пожилого мужчины, который пил пиво и читал вечернюю газету. Я спросил, какое у них сегодня фирменное блюдо.

— Телячье жаркое, — ответил он, — но его уже нет.

— А что есть?

— Ветчина с яичницей, яичница с сыром и кислая капуста.

— Кислую капусту я ел на обед, — напомнил я.

— Ну да, — сказал он. — Кислую капусту вы ели на обед. — Это был мужчина средних лет с лысиной, прикрытой зализанной прядью, и добродушным лицом. — Что вы желаете? Ветчину с яичницей или яичницу с сыром?

— Ветчину с яичницей и пиво.

— Светлое?

— Да.

— Я вспомнил. Днем вы пили светлое пиво, — сказал он.

Я ел яичницу с ветчиной и пил пиво. Блюдо подали в круглой тарелке: снизу ветчина, а сверху яичница. Она оказалась перченая, и после первого же куска я должен был сделать глоток, чтобы так не горело во рту. Я сильно проголодался и попросил официанта повторить. Я выпил несколько кружек пива. В голове у меня не было никаких мыслей, и я просто читал оборотную сторону газеты сидевшего напротив меня мужчины. Речь шла о прорыве на британском фронте. Когда мужчина понял, что я читаю его газету, он сразу ее сложил. Я подумал было попросить официанта, чтобы он принес мне другую, но я бы

все равно не смог сосредоточиться. В кафе было жарко и накурено. Здесь почти все друг друга знали. Многие играли в карты. Официанты только успевали разносить напитки. Вошли двое, но свободных мест не было. Они стояли напротив моего столика. Я заказал еще пива. Я был еще не готов уходить. Рановато возвращаться в больницу. Я старался ни о чем не думать и сохранять хладнокровие. Не дождавшись свободных мест, двое ушли. Я выпил еще пива. Передо мной на столе выстроилась целая батарея блюдечек. Сидевший напротив меня мужчина снял очки и спрятал в футляр, потом сложил газету и убрал в карман; теперь он просто сидел с рюмкой ликера в руке и разглядывал помещение. Вдруг я понял, что надо возвращаться. Я подозвал официанта, оплатил счет, надел плащ и шляпу и, покинув кафе, дошел под дождем до больницы.

В коридоре я встретил сестру.

— Я только что звонила вам в отель, — сказала она.

У меня внутри все оборвалось.

— Что случилось?

— У мадам Генри открылось кровотечение.

— К ней можно зайти?

— Пока нет. У нее сейчас доктор.

— Это опасно?

— Очень опасно.

Сестра вошла в палату и закрыла за собой дверь. Я сел в коридоре. Полная опустошенность. Я ни о чем не думал. Я был не способен думать. Я знал, что она умрет, и молился о невозможном. Господи, не дай ей умереть. Не дай ей умереть. Я исполню все, что Ты скажешь, если Ты не дашь ей умереть. Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, Господи, не дай ей умереть. Всемилостивый Господи, не дай ей умереть. Пожалуйста, ну пожалуйста, не дай ей умереть. Господи, не дай ей умереть. Я исполню все, что Ты скажешь, если Ты не дашь ей умереть. Ты забрал ребенка, но не дай умереть ей. Ладно ребенок, но не дай умереть ей. Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, Господи, не дай ей умереть.

Приоткрылась дверь, и сестра поманила меня пальцем. Я следом за ней проследовал в палату. Кэтрин не подняла глаз. Я подошел к кровати. Доктор стоял по ту сторону. Кэтрин выдавила из себя улыбку. Я склонился над ней и заплакал.

— Бедный ты мой, — прошептала она. Лицо у нее было серое.

— Все хорошо, Кэт, — сказал я. — С тобой все будет хорошо.

— Я умру, — сказала она. И, помедлив, добавила: — Не могу с этим смириться.

Я взял ее за руку.

— Не трогай меня, — сказала она. Я выпустил ее руку. Она улыбнулась. — Бедный ты мой. Трогай сколько хочешь.

— С тобой все будет хорошо, Кэт. Я знаю, все будет хорошо.

— Я хотела написать тебе письмо на тот случай, если со мной что-то случится, но так и не написала.

— Тебе нужен священник или кто-нибудь еще?

— Только ты, — сказала она. А потом: — Я не боюсь. Просто не могу с этим смириться.

— Вы не должны много говорить, — вмешался доктор.

— Хорошо, — согласилась Кэтрин.

— Что мне для тебя сделать, Кэт? Я могу что-нибудь сделать?

Она улыбнулась.

— Нет. — И после паузы: — Ты не станешь проделывать с другой девушкой то, что проделывал со мной? Или говорить ей те же слова?

— Никогда.

— Я хочу, чтобы у тебя были другие девушки.

— Зачем они мне?

— Вы слишком разговорились, — вмешался доктор. — Месье Генри придется выйти. Потом он вернется. Вы не умрете. Не говорите глупости.

— Тогда я сама приду к тебе ночью. — У Кэтрин с трудом ворочался язык.

— Пожалуйста, выйдите, — попросил меня доктор. — А вам нельзя разговаривать.

Кэтрин мне подмигнула. Она была совершенно серая.

— Я буду в коридоре, — сказал я ей.

— Ты не волнуйся, милый, — сказала она. — Я нисколечко не боюсь. Это всего-навсего грязный трюк.

— Ты у меня отважная девочка.

Я ждал в коридоре. Долго ждал. Наконец ко мне вышла сестра.

— Мне кажется, мадам Генри совсем плохо, — сказала она. — Я за нее боюсь.

— Она умерла?

— Нет, но она без сознания.

Дальше одно кровотечение сменялось другим, и их остановить так и не смогли. Я был с Кэтрин до последнего вздоха.

Все это время она находилась без сознания, и конец наступил довольно скоро.

Когда мы с врачом вышли в коридор, я его

спросил:

— Я вам сегодня еще нужен?

— Нет. Уже нет. Вас отвезти в отель?

— Спасибо, не надо. Я еще немного побуду здесь.

— Ну что тут скажешь? У меня нет слов, чтобы…

— Да. Ничего тут не скажешь.

— Спокойной ночи. Вас точно не надо отвезти в отель?

— Нет, спасибо.

— У нас не было другого варианта. Операция прошла…

— Я не хочу об этом говорить.

— Давайте я вас отвезу в отель.

— Спасибо, не надо.

Он ушел по коридору, а я вернулся в палату.

— Вам сюда сейчас нельзя, — предупредила меня одна из сестер.

— Можно, — сказал я.

— Пока еще нельзя.

— Убирайтесь, — сказал я. — И вы тоже.

Но после того как я их выставил и выключил свет, лучше не стало. Это было, как прощание со статуей. Через какое-то время я покинул больницу и под дождем побрел в отель.